

ВСПОМИНАЕМ О ВОЙНЕ...

Под ред. А.С. Самойлова

Москва, 2025

ВСПОМИНАЕМ О ВОЙНЕ...

Под ред. А.С. Самойлова

Москва, 2025

УДК 82-94
ББК 63.3(2)622,8
В 84

В 84 **Вспоминаем о войне...**под ред. А.С. Самойлова – 2-е издание, дополненное. – М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2025. – 168 с.

ISBN 978-5-93064-334-3

Книга издана к 80-летию победы в Великой Отечественной войне. Память о ней передается из поколения в поколения и сохраняется в наших сердцах. В книге собраны воспоминания сотрудников и о сотрудниках ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России.

ISBN 978-5-93064-334-3

© ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. АИ. Бурназяна
ФМБА России, 2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Воспоминания о войне	8
Глеб Михайлович Франк	8
Аветик Игнатьевич Бурназян	24
Юрий Иванович Москалёв	31
Ушер Яковлевич Маргулис	33
Ангелина Константиновна Гуськова	81
Юрий Григорьевич Григорьев	86
Галина Андреевна Шальнова	91
Военные будни Москвы	119
Наши ветераны	129
Встреча ветеранов в ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна	158

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Первое издание книги «Вспоминаем о войне», встреченное вами с теплотой и вниманием, стало не просто сборником историй, а живым диалогом между поколениями. За 5 лет, прошедшие с момента выхода книги, в наше распоряжение попали новые документы, фотографии и свидетельства, которые рассказывают об участии сотрудников Института биофизики МЗ СССР в Великой Отечественной войне, что вдохновило нас на создание дополненного второго издания. Эти материалы не только уточня-

ют прошлое — они оживляют его, добавляя новые штрихи к портрету эпохи.

Воспоминания наших героев подтверждают, что война — это не только грохот орудий, но и тихий шепот сестры у кровати раненого, и внимательный взгляд хирурга над операционным столом, это не только атаки, но и бессонные ночи учёных, не только потери, но и победы человеческого духа, это миллионы рук, работавших в тылу, это миллионы умов, отвергавших отчаяние. Мы чествуем и наших славных воинов, и тех, кто титаническим трудом сражался и сегодня сражается за жизнь в госпиталях, лабораториях и на заводах. Сегодня, когда мир вновь сталкивается с испытаниями, эти истории напоминают нам: даже в крошечной тьме находятся те, кто зажигает свет.

В Год защитника Отечества, объявленный нашим Президентом, как никогда важно говорить о преемственности поколений. Подвиги медиков военных лет стали фундаментом для современных достижений российской науки. Молодые учёные и врачи, продолжая их дело, внедряют инновационные технологии, развивают медицину катастроф и, главное, сохраняют гуманизм профессии, завещанный героями 1941–1945 годов. Их труд — продолжение той же борьбы за жизнь, которую вели их предшественники.

Текущие события еще раз показали всему миру, что любые посягательства на свободу, целостность и независимость нашей Родины лишь укрепляют ее. Так было и в 1812, и в 1918, и в 1941-м. Так будет в впредь. Мы сильны памятью старших поколений.

Юбилей Победы является символом исторической правоты России, а Год защитника Отечества — напоминанием о необходимости сохранения исторической памяти, воспитании патрио-

тизма и консолидации общества вокруг ценностей национальной гордости.

Великая Отечественная война навсегда останется в памяти поколений как время невероятного мужества, единства и жертвенности. Пусть страницы этого издания вдохновят вас на диалог с прошлым, укрепят связь времён и напомнят, что защита Отечества начинается с сохранения памяти. Мы верим: пока живы эти истории, жива и благодарность тем, кто подарил нам мирное небо.

С глубоким почтением и признательностью тем, кто спас не только жизни, но и человечность.

*Генеральный директор
ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна,
д.м.н., профессор, член-корреспондент РАН
А.С. Самойлов*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Глеб Михайлович Франк
1904-1976

Советский биофизик, академик АН СССР, член-корреспондент АМН СССР, доктор биологических наук, профессор, один из создателей радиобиологии

Из книги Грибовой З.П. Глеб Михайлович Франк. 1904-1976. — М.: Наука, 1997. — 316 с.: ил. — (Научно-биографическая литература). ISBN 5-02-001902-X

В 1939-1940 гг. над Европой полыхал пожар второй мировой войны. Тучи сгушались над нашей страной. 22 июня 1941 г. страна переступила порог мирной жизни. Началась Великая Отечественная война. Весь народ, огромная страна встали на защиту Отечества. Наука всех направлений приняла на себя добровольное обязательство помочь фронту.

Развернулась беспрецедентная работа физиков, математиков, химиков, биологов для фронта. «Наука широким фронтом помогает основной задаче переживаемого времени — победить врага», — писал Сергей Иванович Вавилов [1, с. 49]. «Научную работу, научную мысль нельзя прекращать ни на минуту», — призывал Леон Абгарович Орбели в докладе на Общем собрании Академии наук 7 мая 1942 г. [2, с. 77]. «Для успеш-

ного ведения войны необходимо максимально мобилизовать науку. Академия наук... мобилизует всех своих сочленов, сотрудников, большую массу научных работников вне академических институтов на решение многообразных задач, вытекающих из потребностей современной войны», — говорил Абрам Федорович Иоффе в докладе 1942 г. «Физика и война» [3, с. 66].

В первые же дни войны многие сотрудники отдела фотобиологии Г.М. Франка стали подавать заявления с просьбой отправить их на фронт. В народное ополчение записались Н.Н. Ступников, С.Ф. Родионов, Б.М. Исаев, М.И. Дашевский, Е.В. Комаров. Борис Михайлович Исаев и Сергей Федорович Родионов были отозваны. Им предстояло работать для фронта в тылу. Сергей Федорович приступил к разработке специальной оборонной аппаратуры в филиале Физического института ЛГУ, эвакуированном в Елабугу. Филиал института поддерживал постоянную связь с Казанью, где сосредоточились тогда многие научные учреждения страны. Здесь работали А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, А.П. Александров. Сюда был эвакуирован ФИАН. В Казани во время войны работали Глеб Михайлович и Илья Михайлович Франки. Борис Михайлович Исаев тоже приехал в Казань вместе с частью оборудования лаборатории Франка. ВИЭМ был эвакуирован в Сибирь.

С первых дней войны тематика четырех физических институтов АН СССР, Московского и Ленинградского университетов, ГОИ целиком была ориентирована на оборону, многие испытания проводились не в лабораториях, а непосредственно в полевых условиях. «...Я лично был свидетелем того, как целая группа сотрудников в течение трех недель не выходила из лаборатории, работала там день и ночь... Я видел, как работали у нас, в Казани, при 40-45-градусном морозе на открытом воздухе с приборами, к которым прилипали руки, сдиралась кожа, но тем не менее ни один из сотрудников не отставал, а проводили работу до конца», — вспоминал Абрам Федорович Иоффе [3, с. 67]. Физиками, математиками, механиками разрабатывались вопросы гидравлики и аэродинамики с целью увеличения скоростей боевых самолетов; вопросы оптики, связанные с обеспечением ночного видения, прохождением света в тумане, с фотографированием в ИК- и УФ-лучах; вопросы защиты от воздушных нападений, светомаскировки, противоминной защиты

судов; вопросы акустики, радиолокации, радиотехники и связи, использования звуковой локации подводных лодок. Специальные задачи стояли перед химиками: изготовление низкотемпературных смазок, эффективного жидкого топлива, взрывчатки, изготовление лекарств и т.п. Огромный вклад в оборону внесли биологи. Например, в практике подводного плавания широко использовались выводы работ о поведении живого организма в условиях недостаточности кислорода, повышенного и пониженного давления. Были разработаны рекомендации к применению различных лекарств, влияющих на центральную нервную систему (успокаивающие, снотворные, возбуждающие средства), разработаны методы диагностики состояния центральной нервной системы при черепно-мозговых ранениях и контузиях. Исследовались вопросы повышения чувствительности глаза в ночной обстановке, при ночной сигнализации. Широкая работа развернулась по обеспечению армии витаминами.

Будучи председателем Комиссии по физиотерапии при Главном управлении эвакогоспиталей Наркомздрава, Глеб Михайлович с несколькими сотрудниками развернул работу в условиях эвакогоспиталя в Казани. Базируясь на результатах собственных исследований механизма действия коротковолнового УФ-света на симпатическую нервную систему, полученных в довоенные годы [4, 5], он применил их для лечения тяжелейшего заболевания, возникавшего после ранений — каузалгии нижних и верхних конечностей. Не вызывая в малых дозах побочных явлений — резкой эритемы, но вовлекая в ответную реакцию нервную систему, УФ-излучение облегчало мучительные, жгучие, не поддававшиеся лечению фантомные боли, которые испытывали раненые. В N-ском госпитале совместно с Л.Н. Клячкиным были проведены испытания и разработана конкретная методика лечения каузалгии [6, 7]. В результате у 64 больных из 100 наступил существенный положительный эффект, особенно при своевременном лечении (через 3-4 недели после ранения). Уже через 8-10 сеансов облучения исчезли боли, улучшилась двигательная функция. В 6 случаях было отменено оперативное вмешательство. Одновременно у раненого восстанавливались сон, аппетит, проходили дистрофические явления. При запаздывании лечения до 2-3 месяцев улучшение наступало гораздо медленнее (через 20-25 сеансов). Лечение коротковолновыми УФ-лучами позволяло затем приступить к физиотерапевтическому этапу лечения

для восстановления нервной проводимости, которое при отсутствии такого лечения не переносилось больными.

Кроме лечебного воздействия коротковолновое УФ-излучение, по предложению Г.М. Франка, нашло во время войны широкое использование в качестве средства дезинфекции. Были разработаны специальные конструкции ламп, которые освещали небольшой участок операционного поля и при этом не облучали хирурга и медперсонал. Облучение во время операции открытых ран приводило к уменьшению числа послеоперационных осложнений, в частности лихорадочных состояний. Практическое использование коротковолновых лучей в данном случае стало возможным благодаря открытию Франком специфичности действия длинно- и коротковолновой компонент УФ-радиации [8]. Использование традиционной ртутной лампы при продолжительном облучении организма и тканей было невозможно из-за побочных эффектов, связанных с воздействием длинноволнового ультрафиолета.

Неоценимую помощь фронту оказали исследования Франком бактерицидного действия УФ-света [8], на основе которых им были предложены методы борьбы с капельной инфекцией операционных [6]. Специальным постановлением Государственного комитета обороны трем институтам — ВИЭМу, ГОИ и ФИАНу было поручено разработать и изготовить опытные образцы новых бактерицидных ламп для дезинфекции операционных, перевязочных, инфекционных и детских больниц, а также для физиотерапевтического лечения. Дело в том, что кварцевые лампы высокого давления малоэффективны, дороги в изготовлении, неудобны в медицинской практике, особенно в случае их продолжительного времени использования, из-за сильного слепящего света и большой потребляемой мощности. Мощность же коротковолнового УФ-излучения, оказывающего бактерицидное действие, составляет всего 5% от их полной световой энергии. Поскольку состав излучения ртутных ламп зависит от давления паров ртути, Франком и Исаевым совместно с сотрудниками ГОИ Ц.А. Иоффе и В.П. Даниловым, а также сотрудником ФИАН Л.А. Тумерманом были разработаны специальные конструкции ртутных ламп низкого давления, в которых мощность коротковолнового излучения составляла 95%. (Лампы низкого давления впервые стали применяться во время войны фирмой «Дженерал электрик» в США.) Сложность заключалась в том,

чтобы найти способ зажигания лампы в условиях низкого давления паров ртути. Такой способ и был разработан Франком с сотрудниками. Позже, при серийном изготовлении, миниатюрную систему поджига монтировали прямо в цоколь лампы.

Были изготовлены бактерицидные лампы локального освещения, а также специальные лампы для хирургических столов, освещавшие одновременно с хирургическим полем потолок помещения и выполнявшие, таким образом, и бактерицидную, и терапевтическую функцию. При всем том они потребляли в 40 раз меньше энергии, чем ртутные лампы высокого давления. Кроме того, по заданию ВИЭМа, В.П. Данилов и Ц.А. Иоффе разработали специальный состав стекла (так называемое увиолевое стекло), которое, не пропуская длинноволновый ультрафиолет, давало до 40% энергии с длиной волны 254 нм. При этом оно не пропускало и ультрафиолетовое излучение короче 180 нм и, таким образом, не способствовало образованию в воздухе больших количеств озона и окислов, вредных для человека. Г.М. Франком с сотрудниками была рассчитана также зависимость уменьшения количества микроорганизмов от режима облучения, и на основе этого выработан особый режим облучения перевязочных с учетом тепловой конвекции воздуха, экранирующего действия пыли и т.п.

После тщательных количественных исследований в больницах и госпиталях бактерицидные лампы стали широко использоваться для дезинфекции воздуха в приточной вентиляции, для улучшения асептики в перевязочных и операционных отделениях, при борьбе с внутри-больничной инфекцией, в инфекционных отделениях, для создания «стерильных зон» над столиками со стерильными материалами и инструментами, при производстве бактериологических препаратов, дезодорации гнойных перевязочных палат, а позже их успешно применили в школах, детских садах и яслях. На основании распоряжения Совнаркома СССР 1943 г. в стране начали серийный выпуск бактерицидных ламп.

Подводя итоги в обзоре 1944 г. относительно использования УФ-излучения в медицине, Г.М. Франк писал, что «это новая форма лучистой дезинфекции вполне оправдывает те теоретические предпосылки, на основе которых она была разработана» [6, с. 168]... Необходимо лишь подчеркнуть, что понимание наблюдаемых эффектов, нахождение наиболее рациональных прак-

тических приемов и подбор соответствующей техники связаны с изучением специфических особенностей отдельных участков спектра УФ-лучей, и в частности коротковолновых УФ-лучей, с учетом их действия на микро- и макроорганизмы» [6, с. 172].

За цикл исследований «Разработка, испытание и отыскание новых применений бактерицидных ламп» Г.М. Франку, Б.М. Исаеву, Л.А. Тумерману, В.П. Данилову и Ц.А. Иоффе в 1947 г. была присуждена Сталинская премия первой степени. В отзыве, подписанном Сергеем Ивановичем Вавиловым, говорилось: «Успешное завершение этой работы, давшей в руки врачей новое эффективное средство борьбы с инфекцией и лечения ряда заболеваний и последствий ранений, явилось результатом координированной работы трех научно-исследовательских учреждений... На основании этих испытаний и имеющегося клинического опыта лампы рекомендованы Ученым медицинским советом Наркомздрава в качестве средства для дезинфекции воздуха в операционных, перевязочных, инфекционных больницах, детских учреждениях и т.п., а также в качестве физиотерапевтического метода лечения ряда заболеваний»¹.

Заслуга в организации совместной работы трех учреждений для фронта, несомненно, принадлежала Глебу Михайловичу. Ведь со многими сотрудниками ГОИ и ФИАНа он был хорошо знаком и дружен еще со времени Эльбрусских экспедиций, а Сергей Иванович Вавилов высоко ценил кипучую энергию и организаторский талант Г.М. Франка.

В годы войны Глеб Михайлович выполнял также большую работу, будучи членом Государственной комиссии по шефству ученых над Красной Армией.

В 1943 г. Г.М. Франк принял предложение Леона Абгаровича Орбели заведовать Лабораторией биофизики АН СССР Петра Петровича Лазарева, скончавшегося в 1942 г. Выбор Леона Абгаровича понятен и не случаен. Он, будучи в то время членом Ученого медицинского совета при начальнике Военно-санитарного управления, высоко оценил научный потенциал и организаторские способности Глеба Михайловича, наблюдая его работу для фронта. Лаборатория биофизики с двумя другими лабораториями впоследствии стала фундаментом Института биологической физики Академии наук СССР.

¹ Архив З.С. Леонтьевой. Пушкино. 1987 г. // Архив автора.

Несмотря на чрезвычайную занятость, когда часто по несколько дней подряд Франк бывал вне дома, в эвакогоспиталях, он находил время и возможности помогать друзьям, своим сотрудникам и родным, Анна Александровна Гурвич, дочь Александра Гавриловича, рассказала, что, как только в годы войны они с отцом оказались в эвакуации в Казани, Глеб Михайлович незамедлительно пришел на помощь. «Мы жили перед войной в Ленинграде. Захватили первые полгода блокады, а потом самолетом нас эвакуировали в Казань. Семейство Франк, Елизавета Михайловна и Михаил Людвигович, были там. Они эвакуировались раньше с ЛФТИ. Снова близкие встречи, снова частые посещения друг друга. Были очень трудные условия, и Глеб Михайлович опять пришел нам на помощь, стараясь как-то помочь, организовать хотя бы примитивную научную работу... Сразу же, едва узнав, что наша семья после довольно трудных перипетий попала, наконец, в Казань, он быстро устроил нас на работу в эвакогоспиталь. Я занималась тогда всем. Хотелось хоть что-то, хоть немножечко делать на пользу фронта. Вместе с одним из казанских врачей-хирургов мы изучали гасящие свойства крови раненых различных стадий сепсиса на митогенетическое излучение крови. Это было вроде показателя раннего развития сепсиса»².

О напряженной работе в годы войны ученых, эвакуированных в Казань, в частности о работе Глеба Михайловича, рассказал и Илья Михайлович Франк. Мы встретились с ним теплым апрельским вечером 1989 г. в его московской квартире. Лишь недавно оправившись после тяжелого инфаркта, Илья Михайлович нашел время для встречи, и я услышала много интересных и неизвестных подробностей о его брате и, в частности, о жизни Франков в Казани:

«Глеб, несмотря на военное время, очень много разъезжал, занимался бактерицидными лампами для борьбы с инфекцией в госпиталях. В Казани мы жили порознь, и приехал Глеб туда не сразу. Лидия Борисовна с Асей уехали в Казань раньше, вместе со мной, с эшелоном ФИАНа и жили там в небольшой комнате. Глеб всех знал, и его очень многие знали. До сих пор я встречаю людей, которые говорят: «А, Вы — брат Глеба Михайловича»³.

² Гурвич А.А. Интервью. Москва. Ноябрь 1986 г. // Архив автора.

³ Франк И.М. Интервью. Москва. Май 1989 г. // Архив автора.

Сначала у них была комната в квартире местной женщины-хирурга. Потом хирурга мобилизовали в армию, а Глеб Михайлович с семьей получил другую комнату. Виделись мы очень редко, потому что Глеб очень много отсутствовал. В августе 1941 г. у меня родился сын Саша. Было трудно. Моя жена болела туберкулезом. А я разрывался на части между своей комнатенкой и комнатой родителей. Приходилось много работать. Было голодно, трудно с дровами и пропитанием. Я не умел обеспечить и родителей и семью, хотя все время бегал куда-то из казанского кабинета, где работал. Жили очень тяжело, и многие свидетели моей казанской жизни говорят, что я был худой, как щепка. Помню, у Глеба был хороший знакомый, профессор Шпирт. Его жена, Софья Соломоновна, помогала тогда нашему отцу, у которого открылся туберкулез. Она говорила, что отец настолько истощен, что вряд ли его можно спасти. Отец наш — человек необыкновенно самоотверженный. Мы дежурили у его постели через ночь: ночь — я, ночь — Глеб. А отец как-то запомнил именно Глеба. Когда ему было совсем плохо (я обычно лежал рядом с его постелью на полу), он стонал: «Глебик!». Подходил я.

Я тоже был истощен, сильно кашлял, и Софья Соломоновна считала, что у меня неполадки с легкими и как-то даже дала освобождение, что делалось тогда очень редко. Мне она помогла еще однажды. Помню, в первые послевоенные годы мы жили на даче у знакомых по Ярославской дороге. И я мотался между дачей и ФИАНом. Сергей Иванович Вавилов устроил мне тогда привилегированные продуктовые карточки. Как-то я упал, промок и схватил воспаление легких с высокой температурой. И вот Глеб тогда нашел эту Шпиртовку (т.е. Софью Соломоновну. — *примечание З.П. Грибовой*), как мы в шутку ее называли, раздобыл благодаря ей сульфамидные препараты (тогда редкость), и воспаление удалось погасить. А потом я был в дружбе с профессором Шпиртом и его женой. Софья Соломоновна приезжала как-то даже в Дубну помочь моей жене, у которой была тяжелая форма туберкулеза.

Я во время войны работал в Казани со старшим сыном Николая Ивановича Вавилова — Олегом Николаевичем. Мы делали прибор для контроля размера стволов автоматов совместного с Ижевским заводом. Ездили в Ижевск, сдали их на военный завод для серийного изготовления. В 1941-1943 гг. я занимался

и наукой. Кстати, этот прибор тоже был наукой — это была нового типа ионизационная камера, позволявшая измерять толщины стали до сотых долей миллиметра. Сергей Иванович был руководителем работы. Пожалуй, это была лучшая моя работа. Я потом опубликовал эту секретную работу совместно с Олегом Вавиловым.

В Москве Олег Николаевич сделал интересную научную работу, используя этот материал, и защитил диссертацию. А после защиты, в 1946 г., он уехал в горы и погиб там. Позже я рассказал об Олеге на Ученом совете, о его работе, сравнил ее уровень с зарубежными. Эта работа была новым подходом, а не просто обычной, традиционной работой. Олег был очень похож на отца: и по таланту, и внешне. Помню Сергей Иванович (Вавилов. — *примечание З.П. Грибовой*) был до слез растроган моим выступлением и опубликованной заметкой «Новые измерения толщины».

Вы читали, конечно, Д.С. Лихачева: «Наука без морали погибает». Стиль наших учителей — быть не просто учеными, но личностями в человеческих отношениях, и потому они создавали школы. Школа — это не те, кто просто продолжает работы своих учителей, не те, кто просто ученики того или иного ученого. Это именно те, кто воспринял дух научного творчества своих учителей, и сами являются хранителями этого духа, хотя работать могут и не над той проблемой, над которой работали их учителя. Мне приходилось много писать о Московской физической школе. Какие требования предъявлялись к нам? У моих учителей мог работать каждый, кто работал для науки самоотверженно, не думая о карьере, славе и всякого рода рекламе. Самореклама считалась недопустимой. В этом смысле очень важна работа Глеба Михайловича у Александра Гавриловича Гурвича. Он был в течение долгого времени наиболее близким и талантливым учеником Александра Гавриловича... Эти свойства очень большой личной скромности и высочайшей интеллигентности, преданности науке — они у поколения наших учителей были выше. Я как-то сказал Глебу: «Наш отец был талантливее и интеллигентнее нас обоих, но он не имел возможности реализовать свой талант». Он был исключен из университета. И только после революции стал профессором. А для математика молодые годы очень значимы, в отличие от биолога,

который плодотворно может работать всю жизнь. Вот, например, Пастер»⁴.

Война еще продолжалась, но вставала новая задача — восстановить разрушенное войной. Уже в конце 1943 г., еще до выезда ФИАНа из Казани, Г.М. Франк с Б.М. Исаевым уехали в Москву для развертывания послевоенных работ в лабораториях ВИЭМа и в Отделении биологических наук Академии наук. Они распаковывали виэмовское оборудование, налаживали приборы лаборатории биофизики, оснащали лаборатории новым оборудованием.

В лаборатории биофизики Франк начал широкое изучение механизма мышечного сокращения. Для этого использовали новые методики: электронную микроскопию, рентгеноструктурный анализ, метод дифракции света. Сотрудником лаборатории Б.К. Лемажихиным были сконструированы острофокусные рентгеновские трубки с вращающимся анодом, а также импульсные трубки. Это позволяло осуществлять съемку отдельных фаз сокращения мышцы. Уже в те годы Глеб Михайлович поставил сложнейшую методическую задачу исследования прижизненных изменений структуры мышцы. Однако полное воплощение это нашло позже, в 70-е годы, в модифицированном методе с использованием синхротронного излучения.

Война кончилась. Поредели ряды сотрудников лаборатории ВИЭМа: одни не вернулись с фронта, другие не перенесли трудностей эвакуации. В первые дни войны, в начале июля, под Вышним Волочком погиб Николай Николаевич Ступников, талантливый инженер, разработчик первого в СССР электронного микроскопа. Он поехал на фронт в качестве техника-рентгенолога (в медсанбат) и успел прислать с фронта лишь одну открытку (она хранится у М.И. Дашевского). В первые дни пребывания в армии под Смоленском погибли Евгений Викторович Комаров и Виктор Степанович Глатенок. Уцелели, хотя и вернулись инвалидами, Евгений Борисович Кофман и Михаил Израилевич Дашевский. С болью и грустью рассказал Михаил Израилевич о тяжелых военных годах и гибели своих товарищей:

«Меня вызвали в военкомат 27 июня. Четыре месяца я пробыл в народном ополчении. Первые три месяца обучали всякому военному делу: строй, стрельба, рыли окопы и тран-

⁴ Франк И.М. Интервью. Москва. Май 1989 г. // Архив автора.

шей. А в конце сентября нас из третьего эшелона перевели во второй. Мы находились под Смоленском. Когда начались бои, нас отвели ближе к Москве и в конце октября бросили в бой. Многие погибли в том бою. Но война, как война. Беды на этом не кончились. Через некоторое время наша разведка донесла, что мы в окружении. Приказ — выйти из окружения. Восемь суток мы выходили из окружения. Через пять колец прошли, на шестом все-таки пришлось вступить в бой...

Как шли? Круглые сутки. Семь суток подряд: 50 минут идем, 10 минут отдыхаем. Без сна, без еды, без воды. А на восьмые сутки выходим мы в ложину и видим на горе немецкие танки и броневики, нам необходимо пересечь маленькую речушку. Пехота быстро успела перейти по мостику. А потом немец ударил только раз и мостика не стало. А сзади обоз, артиллерия. Там был Глатенок. Он на лошадях с 75-миллиметровой пушкой. Решил, что разгонится и проскочит, но на середине застрял. Так вот и погиб. Много народу погибло там... Мы продолжали уходить после этой речушки. Прошли железнодорожную насыпь, потом редкий лесок. Нам разрешили отдохнуть минут 30. Немца уже не видно было. Со мной в подразделении был Женя Комаров: он был в пехоте, я — в связи. После отдыха подхожу к нему, чтобы его поднять, а он не может подняться, нет сил. Я был дежурный. Прошу подняться, чтобы он с нами пошел, он не может. А в это время стали шинели выдавать. Я пошел получить и за него, но не успел дойти и подняться на железнодорожную насыпь, как оттуда идут ребята и говорят: не ходи, там уже немцы, заняли склад. Больше я Женю не видел. (Во время работы над этой книгой мне удалось узнать, что Е.В. Комаров попал тогда в плен и там погиб. — *примечание З.П. Грибовой*).

Из народного ополчения я попал в действующую армию. Работал в авиации, ремонтировали самолеты. Сначала самолеты были небольшие, а в 1942 г. мы получили ЯК-1. Это был очень хороший самолет, удачной конструкции. Скорость 500 км/ч. Он уже мог с мессершмитами сражаться. После боя они обычно изрешеченные приходили. Мы их оперативно ремонтировали. Я самолетов шестьдесят отремонтировал»⁵.

Взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, возвестившие окончание второй мировой войны и на Востоке, поставили

⁵ Дашевский М.И. Интервью. Москва. 1986 г. // Архив автора.

перед человечеством новые проблемы, в частности проблему защиты от ядерного излучения. Глебу Михайловичу было поручено создать Радиационную лабораторию для исследования действия радиации на живые организмы и выполнения ряда спецзаданий правительства. В Радиационной лаборатории (или Лаборатории № 8), а затем в Институте биофизики АМН СССР, созданном Г.М. Франком на ее основе, широко развернулись работы по изучению механизма действия жесткой радиации на организм, ткани, кровь. Позже выводы этих исследований были использованы при изучении действия естественного фона излучений на космических кораблях.

Библиография:

1. *Вавилов С.И.* Новаторы советской науки // Вестн. АН СССР. 1942. №9. С. 49.
2. *Орбели Л.А.* Биология и война // Там же. №5/6. С. 77.
3. *Иоффе А.Ф.* Физика и война // Вестн. АН СССР. 1942. № 5/6. С. 66-76.
4. *Франк Г.М.* Действие лучистой энергии на организм // Отчет о научно-исследовательской работе Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького за 1933-1937 гг. М.; Л.: Медгиз, 1939. С. 372-389, 547-549.
5. *Франк Г.М.* Лучистая энергия в биологии и медицине // Отчет о научно-исследовательской работе Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького за 1938-1939 гг. М.; Л.: Медгиз, 1940. С. 277-284.
6. *Франк Г.М.* Коротковолновые ультрафиолетовые лучи в медицине военного времени // Достижения советской медицины в годы Великой Отечественной войны. М.: Медгиз, 1944. Сб. 2. С. 159-172.
7. *Франк Г.М., Клячкин Л.Н.* О специфическом действии коротковолновых ультрафиолетовых лучей и их влиянии на каузалгию // Науч. тр. госпиталей. 1942. Вып. 1. С. 88-95.
8. *Франк Г.М.* Об особенностях биологического действия различных участков спектра ультрафиолетовых лучей // Арх. Биол. Наук. 1941. Т. 61, вып. 1. С. 134-146.

Указатель имен:

Вавилов Николай Иванович (1887-1943) — биолог, акад. АН СССР (1929), акад. (1929) и первый президент (1929-1935) ВАСХНИЛ, акад. АН УССР (1929). Президент Всесоюзного географического о-ва (1931-1940). Брат С.И. Вавилова. Был репрессирован. Погиб в Саратовской тюрьме. Основоположник учения о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений. Создал учение об иммунитете растений (1919), открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов (1920). Инициатор создания ряда научно-исследовательских учреждений. Премия им. В.И. Ленина 1926 г.

Вавилов Сергей Иванович (1891-1951) — физик, акад. АН СССР (1932). Президент АН СССР (1945-1951). Первый председатель о-ва «Знание». Брат Н.И. Вавилова. Учитель И.М. Франка. Активно поддерживал ЭКНЭ и Г.М. Франка как ее организатора. Основатель научной школы физической оптики. Труды по физической оптике, практическому применению люминесценции, философии естествознания и истории науки. Сталинские премии 1943, 1946, 1951, 1952 гг.

Гурвич Александр Гаврилович (1874-1954) — гистолог и биолог, проф. каф. гистологии Таврического (Крымского) (1918-1925) и Московского (1925-1930) ун-тов, зав. отд. ВИЭМа. Ученик Х. Дриша. Учитель Г.М. Франка. Друг М.Л. Франка. Впервые начал изучение клетки как самостоятельного объекта. Для объяснения формообразования ввел и теоретически обосновал понятие «биологическое поле». Предполагал сверхслабое излучение (лучи Гурвича) при митозе (1922), исследовал хемилюминесценцию. Труды по цитологии, эмбриологии, биофизике и митозу. Сталинская премия 1941 г.

Гурвич Анна Александровна (1910-1993) — биолог, докт. биол. наук. С Г.М. Франком работала с 1933 г. в лаб. биофизики, а затем в сект. биофизики ФАИ, позднее руководитель группы митогенеза Ин-та патофизиологии АН СССР. Дочь А.Г. Гурвича. Труды по исследованию митогенеза, лучей Гурвича и хемилюминесценции.

Дашевский Михаил Израилевич (р. 1917 г.) — техник-вакуумщик, сотр. отд. фотобиологии Г.М. Франка в ВИЭМе, позднее сотр. ИОХа АН СССР. Один из конструкторов и разработчиков первого в СССР электронного микроскопа. В 1996 г. эмигрировал в Израиль.

Иоффе Абрам Федорович (1880-1960) — физик, акад. АН СССР (1920). Основатель научной школы физиков. Организатор и первый директор ЛФТИ, Ин-та полупроводников АН СССР. Инициатор создания физико-технических ин-тов в Харькове, Днепропе-

тровске, Томске, Свердловске. Принимал участие в создании Таврического ун-та и преподавал в нем в 1918 г. Труды по прочности, электропроводности, пластичности твердых тел и пионерские исследования полупроводников.

Исаев Борис Михайлович (1912-1990) — физик, докт. техн. Наук. Участник ЭКНЭ. С 1935 г. в лаборатории В.И. Векслера (ВЭИ), разработал совместно с ним метод пропорциональных усилителей. С 1936 г. работал в лаборатории фитобиологии Г.М. Франка (ВИЭМ), с 1939 г. зав. лаб. в отделе фитобиологии там же. В 1963-1965 гг. зам. директора (Г.М. Франка) в ИБФ АН СССР, затем зам. директора Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений. Дважды лауреат Государственной премии СССР.

Кофман Евгений Борисович (1912-1996) — физикохимик и биофизик, канд. хим. наук. С Г.М. Франком работал в лаб. биофизики ЛФТИ с 1932 г., а затем в отделе Г.М. Франка в ВИЭМе и ИБФ АН СССР (Москва и Пущино). Участник Великой Отечественной войны. Труды по фотохимии белков, биохимии и биофизике процесса мышечного сокращения.

Курчатов Игорь Васильевич (1903-1960) — физик, акад. АН СССР (1943). Учился в Таврическом ун-те у М.Л. Франка. Работал в ЛФТИ (1925-1942). В 1943 г. организовал Лабораторию №2 АН СССР, преобразованную в 1955 г. в ИАЭ (позднее им. И.В. Курчатова). В рамках атомного проекта под руководством И.В. Курчатова Г.М. Франк с сотрудниками исследовал воздействие радиации на биологические объекты, в этом проекте принимал участие и И.М. Франк. Первый в СССР организатор и руководитель работ по атомной науке и технике. Под его руководством созданы: первый в Европе ядерный реактор (1946), первая в СССР атомная бомба (1949), первые в мире термоядерная бомба (1953) и атомная электростанция (1954), начаты исследования по управляемому термоядерному синтезу. Сталинские премии 1942, 1949, 1951, 1954 гг. Ленинская премия 1957 г.

Лазарев Петр Петрович (1878-1942) — физик, био- и геофизик, акад. АН СССР (акад. Петербургской АН с 1917 г.). Основоположник биофизики в России. Основатель первого в мире Ин-та биофизики (1920 г.). Труды по молекулярной физике, нервному возбуждению и фотохимии.

Орбели Леон Абгарович (1882-1958) — физиолог, акад. АН СССР (1935), АН АрмССР (1943), АМН (1944), генерал-полковник медицинской службы. Один из создателей эволюционной физиологии. Труды по физиологии вегетативной нервной системы, анализаторов,

подкорковых центров, эволюционной, подводной и авиационной физиологии. Сталинская премия 1941 г.

Родионов Сергей Федорович (1907-1968) — физик, докт. физ.-мат. наук, проф. Участник ЭКНЭ. С Г.М. Франком работал в ЛФТИ (1929-1932), ФАИ (1932-1935), ВИЭМе (1935-1939). Работал затем в ЛГУ (1948-1968). В 1948-1968 гг. руководил оптическими работами в возобновленной после войны ЭКНЭ, затем — в Высокогорном геофизическом геофизическом институте АН СССР. Труды в области атмосферной оптики и аэронавтики.

Ступников Николай Николаевич (около 1914-1941) — физик. Ученик и сотр. Г.М. Франка с 1936 г. (ВИЭМ). Участник ЭКНЭ (измерение УФ-радиации). Разработчик и создатель первого в СССР электронного микроскопа. Участник Великой Отечественной войны. Погиб на фронте.

Тумерман Лев Абрамович (1898-1986) — физик и биофизик, докт. физ.-мат. наук. Работал в ФИАНе (1930-1946), затем зав. лаб. ИМБ АН СССР. Был репрессирован. Труды по изучению физико-химических, спектральных и фотохимических свойств биомакромолекул. Эмигрировал в Израиль.

Франк Илья Михайлович (1908-1990) — физик-экспериментатор и теоретик, акад. АН СССР (1968). Брат Г.М. Франка. Ученый секретарь ЭКНЭ в 1934-1935 гг. Работал в ГОИ (1930-1934) и в ФИАНе (1934-1970). С 1940 г. проф. МГУ. Организатор и первый директор Лаборатории нейтронной физики ОИЯИ (Дубна) (1957-1990), зав. лаб. ИЯИ АН СССР (1971-1990). Инициатор и руководитель работ по созданию импульсных реакторов на быстрых нейтронах. Труды в области ядерной физики и классической электродинамики: теория эффекта Вавилова-Черенкова, эффекта Доплера в преломляющей среде, переходного излучения. Сталинские премии СССР 1946, 1954 гг. Государственная премия 1971 г. Нобелевская премия (совместно с И.Е. Таммом и П.А. Черенковым) 1958 г.

Франк Михаил Людвигович (1878-1942) — математик, специалист в области геометрии и прикладной математики. Брат С.Л. Франка, отец Г.М. и И.М. Франков. Преподавал (1918-1930) в Таврическом (Крымском) ун-те (с 1923 г. — проф.), затем в Крымском педагогическом ин-те, с 1930 г. — проф. ЛПИ. Участник 1-го Всероссийского съезда математиков (Москва 1927 г.), Международного конгресса математиков (Болонья, 1928 г.) и 2-го Всесоюзного съезда математиков (Москва, 1934 г.). Знал немецкий, французский и шведский языки. Читал по-английски, владел итальянской разговорной речью. Автор более 60 печатных трудов, в том числе 10 книг. Его основ-

ные монографии: «Элементарные приближенные вычисления» (1932 и 1933 гг. — два издания), «Графические методы интегрирования обыкновенных дифференциальных уравнений» (1933), «Номографический справочник по математике, механике, физике...», «Элементы высшей математики» (1934), «Элементы теории вероятностей» (1935), «Геометрический чертеж в курсе стереометрии» (1941). Раннее увлечение М.Л. Франка — авиация и аэродинамика. Автор одной из первых в мире книг по истории авиации «Воздухоплавание — его история и современное состояние», вышедшей в 2 томах в 1911 г. Этому вопросу он посвятил также популярные статьи и одну научную работу. Труды в области приближенных методов алгебры и математического анализа, методической разработки вопросов преподавания математики, популяризации науки (геометрии Лобачевского, теории относительности Эйнштейна и др.), а также в области авиации и аэродинамики.

Шпирт Яков Юлианович — врач-кардиолог, докт. мед. наук. Работал в Больнице Министерства путей сообщения. Друг семьи Г.М. Франка.

Сокращения:

ВАСХНИЛ —	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВИЭМ —	Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. А.М. Горького при Совете Народных Комиссаров СССР
ВЭИ —	Всесоюзный электротехнический ин-т им. В.И. Ленина (Москва)
ГОИ —	Государственный оптический институт (Ленинград)
ИБФ —	Ин-т биофизики АН СССР (Пущино)
ИОХ —	Ин-т органической химии им. Н.Д. Зелинского АН СССР (Москва)
ИЯИ —	Ин-т ядерных исследований АН СССР (Москва)
ЛГУ —	Ленинградский государственный университет
ЛПИ —	Ленинградский политехнический ин-т
ЛФТИ —	Ленинградский физико-технический ин-т
ОИЯИ —	Объединенный институт ядерных исследований (Дубна)
ФИАН —	Физический ин-т им. П.Н. Лебедева АН СССР (Москва)
ЭКНЭ —	Эльбрусские комплексные научные экспедиции

Аветик Игнатьевич Бурназян
1906-1981

Кандидат медицинских наук, организатор советской военно-медицинской службы, участник разработки первой советской атомной бомбы и элементов «ядерного щита» в СССР. Первый руководитель Государственной службы радиационной безопасности и медико-санитарной службы.

Из архива музея ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России «Воспоминаний о работе в период Великой Отечественной войны».

До Великой Отечественной войны в штабных и полевых условиях мы получали достаточно тренировки в должности начальников санитарной службы полевой армии и фронта. Мои военными руководителями были: начальник штаба Московского военного округа генерал Шишенин Г.Д., командующий Московским военным округом генерал Захаркин И.Г. и начальник санитарного отдела округа т. Славин М.А.

В начале июня 1941 г. я был командирован в пограничный город Идрица, где стоял танковый корпус. Моей задачей было проверить готовность санитарной службы корпуса при боевых действиях танкового корпуса. Корпусом командовал ныне генерал-полковник Лелюшенко Д.Д. Корпус был укомплектован крайне неудовлетворительно боевыми машинами, фактически был небоеспособным, как танковый корпус. Характерно, что 16 июня я получил телеграмму немедленно прибыть в штаб

Московского военного округа. По прибытии в штаб округа 18 июня мне было сказано конфиденциально, что идет мобилизация и мне надо остаться в штабе без права выезда из штаба. Мне стало известно, что я занимаю должность начальника санитарной службы фронта.

20 июня мы погрузились в поезд и двинулись в юго-западном направлении под наименованием войсковой части № 10-40. Это и был штаб Южного фронта. В пути 22 июня мы узнали, что немецкие войска перешли Государственную границу и бомбят города Белоруссии. Эпизод формирования штаба фронта до 22 июня и выезд в юго-западном направлении очевидно говорит, что командование знало о готовящемся нападении гитлеровской армии на нашу страну.

Наш эшелон разгрузился в Виннице. После разгрузки мы заняли отведенное нам помещение, ознакомились с очень хорошо оборудованным подземным пунктом связи. Узнали, что в состав нашего Южного фронта входит 18-я армия, которая формировалась в Харьковском военном округе, и 9-я армия, которая формировалась в Одесском военном округе.

В первый же день прибытия в штаба фронта в г. Винницу штабу стало известно, что на аэродроме, недалеко от города, высадились немецкие парашютисты. В подчинении Южного штаба фронта поблизости не оказалось никакой войсковой части, оказался только один стрелковый батальон, находящийся в подчинении управления Министерства внутренних дел Винницкой области. Командование фронта взяло в свое подчинение батальон Министерства внутренних дел и приняло решение: вышеуказанному батальону окружить аэродром и пленить немецких парашютистов.

Командование фронта на меня — начальника санитарной службы фронта возложило медицинское обеспечение батальона во время боевых действий в районе аэродрома. Командир батальона, получив боевой приказ, решил поротно с трех сторон окружить аэродром и боем дойти до центра аэродрома, окружить и уничтожить противника. Командир батальона точно выполнил задание командования фронта, но во время «боевых» действий вышел конфуз. С трех сторон роты успешно прошли по аэродрому и в центре аэродрома сомкнулись, не встретив ни одного парашютиста. Оказалось, что это были панические про-

вокационные слухи и противник не высадил парашютистов на аэродроме вблизи г. Винницы.

Из этой короткой истории одно обстоятельство является очень интересным и оригинальным. Генералы Захаркин И.Г. и Шишенин Г.Д. были участниками Гражданской войны, окончили Военную академию имени Фрунзе. Спрашивается, как могли они принять решение об окружении аэродрома и ведения боевых действий без разведки и проверки достоверности слухов, ведь давным-давно всем известно, что без разведки нельзя вести боевых действий, это уставная истина. Этот случай говорит о том, как панически были настроены некоторые командиры в начале Отечественной войны.

В августе 1941 г. было создано Юго-Западное направление. Этому направлению были подчинены Южный и Юго-Западный фронты. Указанием Ефима Ивановича Смирнова я был назначен начальником санитарной службы Юго-Западного направления и ведал медицинской службой двух фронтов Южного и Юго-Западного. На мое место начальника санитарного управления Южного фронта был назначен начальник санитарной службы 9-й армии т. Мойжес Л.М.

Нам, военным работникам Юго-Западного направления, было очевидно, что немецкие войска добиваются окружения Юго-Западного фронта. Командование Юго-Западного направления обращалось в Ставку Верховного Командования за разрешением оставить г. Киев, но такого разрешения не было получено по политическим мотивам, поскольку отход от г. Киева оставил бы тяжелое моральное впечатление. В итоге противник полностью окружил Юго-Западный фронт и в окружении остался штаб Юго-Западного фронта во главе с командующим фронта Кирпоносовым М.П. В окружении остался и парашютно-десантный корпус. Командование корпуса по радио обратилось в Ставку Верховного Командования т. Сталину И.В. с просьбой эвакуировать самолетами Командование корпуса в ночное время. При этом было указано время и место посадки самолета и условный знак «Пакет», то есть площадка, где по углам квадрата и в центре квадрата горели костры. Тов. Сталин И.В. телеграммой приказал маршалу т. Тимошенко С.К. в ночное время самолетами через голову противника эвакуировать командный состав парашютно-десантного корпу-

са. Согласно приказанию т. Сталина И.В. маршал Советского Союза Тимошенко С.К. вызвал меня к себе и спросил сколько санитарных самолетов в моем подчинении и где они находятся. На вопрос командующего я ответил, что имеются две санитарных эскадрильи, они дислоцированы недалеко от г. Харькова. Командующий сказал, чтобы я записал его приказание и приказал составить график ночного полета санитарных самолетов, указал точное время посадки первого самолета. Из приказа я четко и ясно понял всю важность укладываться во времени с отправкой самолетов. Корпус вел оборонительные боя с отходом внутрь окружного кольца, с опозданием отправки самолетов не было бы условно-посадочного знака и самих командиров не было бы на месте.

После получения приказа мы немедленно отправились в аэродром через г. Харьков. С прибытием в аэродром по тревоге я вызвал командиров и летчиков, поставил боевую задачу командирам и поставил боевую задачу летчикам. Они начали на карте наносить маршрут полета и отметили на карте наиболее важные ориентиры, которые в ночное время на низких высотах могли быть замечены летчиками. Когда была дана команда летчикам направиться к самолетам на боевые вылеты согласно данному заданию, я посмотрел на часы и убедился, что не укладываемся в отведенное время и был вынужден отменить приказ, вернулся в штаб и доложил командующему, что по времени не укладывались и боевого приказа не выполнили. Командующий Юго-Западным направлением спокойно заявил: «За невыполнение боевого приказа — военный трибунал». Не знаю, как я догадался, но попросил командующего прежде, чем передать дело в военный трибунал проверить. Тов. Тимошенко С.К. тем же спокойным тоном заявил: «Хорошо!» и поручил своему адъютанту проверить причины невыполнения приказа. Адъютант т. Тимошенко засек время на своих часах и предложил поехать в аэродром. Мы вдвоем сели в машину и поехали в аэродром. Я по боевой тревоге вызвал весь летный состав, повторил приказ, летчики нанесли на карту маршруты полета и разошлись по своим самолетам, чтобы запустить моторы. В это время адъютант командующего дал отбой и посмотрел на свои часы и убедился, что в отведенное время нельзя уложиться для выполнения боевого приказа.

После возвращения из аэродрома адъютант т. Тимошенко в мое присутствие доложил командующему, что т. Бурназян А.И. не виноват, действительно, точный хронометраж показал нереальность выполнения приказа. Командующий внимательно выслушал адъютанта, подошел ко мне, пожал мою руку и заявил: «Выполняйте боевой приказ, а это не вино пить из бурдюка». Я посмеялся и просил разрешения выполнять свои обязанности, на что получил «добро».

В последующем, через короткое время, Юго-Западное направление было ликвидировано. Я получил назначение в должности начальника санитарного управления Калининского фронта. После взятия г. Калинина противником осенью 1941 г. был создан Калининский фронт, командующим фронта был назначен генерал-полковник И.С. Конев, членом Военного совета фронта был назначен генерал-лейтенант Леонов Дмитрий Сергеевич. Калининский фронт имел ближайшую боевую задачу — освободить г. Калинин от противника, восстановить нормальное железнодорожное и шоссейное сообщение с Москвой и устранить военную угрозу столице с севера и северо-запада. Калининский фронт угрожал левому флангу 9-й немецкой армии, отвлекал много сил и внимания противника, чем и облегчал положение Западного фронта.

Войска Калининского фронта вели непрерывные боевые действия в исключительно тяжелых условиях. Военная территория характеризуется бездорожьем, покрытое лесами и болотами. Прямая связь с Москвой была прервана, фронт сообщался с Москвой в обход Калинина значительно восточнее через г. Дмитриев. Слишком была велика протяженность коммуникаций, которая от переднего края фронта до железнодорожной станции Бежецк составляла более 130 км. По плохим, часто непроходимым дорогам нередко снежные заносы прекращали дорожное движение. Во время весенней распутицы и осенних дождей единственными возможными путями давно были лежневки — дороги, сплошь покрытые жердочками. И по этим трясущимся дорогам приходилось эвакуировать тяжелораненых. В силу большой протяженности армейских и фронтовых дорог и суровой зимы 1941 г. приходилось организовывать обогревательно-питательные перевязочные пункты, где действительно тяжелораненых обогревали, поили горячим чаем, оказывали

необходимую медицинскую помощь, давали возможность водителям машин также обогреваться и питаться. Положение еще больше осложнялось в силу абсолютного господства авиации противника в воздухе.

В начале формирования Калининского фронта фронтовые базы имели всего два эвакогоспиталя. Отсутствие возможности оказания профилированной медицинской помощи раненым, положение с госпитальной помощью становилось весьма критическим. При формировании медицинской службы фронта не было фронтовых военно-санитарных поездов, поэтому на месте формировали временные военно-санитарные поезда. При формировании санитарных поездов совершенно отсутствовало какое-либо оснащение и оборудование для временных военно-санитарных поездов. При формировании поездов использовали, как подстилочный материал сено или солому, на каждый вагон доставали ведро для воды и кружку из под консервов, самой трудной задачей было приобретение железной печки (буржуйки) и трубы к ней. На каждый вагон мы давали по одной медицинской сестре, товарные вагоны, как правило, были одинарной обшивки и в вагонах было очень холодно и каждый раз, когда отправляли в тыл такой дикий поезд, получали ругательские и угрожайте телеграммы.

Более трудная задача встала перед нами с выносом раненых с поля боя. В суровые морозы, достигающие до 40-41°С мороза, густые леса, кустарники, бездорожье значительно затрудняли вынос раненых с поля боя. На Калининском фронте применяли сани-волокуши и собачьи нарты для выноса раненых. Большую помощь нам оказал член Военного Совета фронта т. Бойцов И.П., который тогда работал Первым секретарем Калининского обкома КПСС. Всеми силами старалась каждая рота иметь санитарного инструктора, но зимой 1941 г. не удалось иметь постоянных санитаров, носильщиков и любой боец нес функции санитаря, носильщика, используя для выноса сани-волокуши, носилки на самодельных лыжах, в последующем собачьи нарты.

Полковой пункт медицинской помощи, как правило, работал в землянках, избегали использовать палаты ввиду больших морозов. Медицинская помощь ограничивалась иммобилизацией переломов подручными средствами, остановки кровотечений жгутами или тугими марлевыми повязками. Эвакуация раненых

из палевых пунктов до медицинского санитарного батальона осуществлялась конным транспортом. Из медико-санитарных батальонов раненые, как правило, эвакуировались обратным порожняком. Зимой 1941 г. еще не формировались армейские госпитальные базы, сроки госпитализации были очень короткими, раненые после оказания необходимой помощи эвакуировались на автотранспорте в Бежецк. Учитывая большие морозы, частые снежные заносы, приходилось в пути в 2-3 местах организовывать питательно-обогревательные пункты. Эти пункты, действительно, спасали раненых от гибели, давали возможность обогревать раненых и водителей. Основными средствами питания были хлеб, горячий чай, мясные консервы, раненых поили чаем из консервных кружек. В организации питательно-обогревательных пунктов большую и реальную помощь нам оказала интендантская служба фронта, которой руководил генерал Петров.

Совершенно резко изменилась обстановка после взятия г. Калинина нашими войсками. Благодаря оперативной помощи Ефима Ивановича Смирнова была организована мощная многопрофильная фронтовая госпитальная база. Руководителями этой фронтовой госпитальной базы были выдающиеся медики: Барсуков М.И. и в последующем Варшиков В.М.

В течение 1942 г. формировалась почти вся служба фронта: фронтовая госпитальная база в г. Калинин, местная госпитальная база в г. Иванове, отдельно рота медицинская, усилены временные и постоянные военно-санитарные поезда, эскадрильи санитарной авиации, фронтовая автотранспортная рота, отдельно дезинсекционная рота, фронтовая станция переживания крови, фронтовой аптечный склад, банно-дезинфекционные поезда. Соответственно формировались армейские медицинские учреждения: полевые подвижные госпитали, полевые эвакуопункты с головным отделением, автосанитарные, конно-санитарные роты, армейские аптечные склады и т.д.

Юрий Иванович Москалёв
1920-1988

*Доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РСФСР*

Воспоминания дочери Юрия Ивановича — Елизаветы Юрьевны Москалёвой.

Папа рос вместе со своей младшей сестрой Натальей Ивановной Батановой (по мужу), моей любимой тетей Наташей, с которой они всю жизнь были очень дружны. После окончания школы папа в 1938 г. поступил в медицинский институт им. И.П. Павлова, где и познакомился с моей будущей мамой Верой Николаевной Стрельцовой. В их жизнь ворвалась война, но занятия в институте продолжались. Студенты старших курсов продолжали не только учиться, но и работать врачами, т.к. все врачи были на фронте. Сейчас все знают, как тяжел был быт в блокадном Ленинграде. Помимо всех трудностей с холодом и голодом, надо было еще наносить или, в зависимости от времени года, навозить на саночках воду с Невы для питья и умывания. В семье это было обязанностью молодежи. Тетя Наташа жалела папу и старалась многое взять на себя. Она вспоминала, что, если приходила раньше брата, брала санки, ведро и шла за водой. И так несколько раз. Папа возвращался домой, хватался за ведро, а все уже наполнено. «Как же ты так!? Тяжело ведь!» — «ругал» он сестру.

Врачей не хватало, и студентов готовили к ускоренному выпуску: учиться продолжали в ускоренном темпе, за год прошли

программу двух лет и были выпущены врачами, которых ждал фронт.

Поженились мои родители в мае 1942 г., когда стало чуть легче в городе, пережившем страшную зиму 1941/42 года. Мама вспомнила, что в ЗАГС состояла очень длинная очередь, — люди регистрировали своих умерших близких. Они с папой прошли вперед, чтобы узнать, надо ли им стоять в этой очереди, или регистрация браков идет отдельно. Люди возмутились, что молодежь лезет без очереди, но, когда выяснилось, что они хотят зарегистрировать брак, ситуация изменилась. Люди заулыбались, подобрели, и кто-то сказала: «Ну, если молодежь жениться, то значит, будем жить!».

Первый ребенок, мальчик, которого называли Володей, родился в 1943 г., в разбомбленном роддоме, но прожил только 2 недели и умер от пневмонии.

После окончания войны родители поступили в аспирантуру, которую папа успешно закончил, защитив диссертацию на соискания ученой степени кандидата медицинских наук, а мама защитить диссертацию не успела, так как ей в 1947 г. пришлось рожать меня. Диссертацию она защитила значительно позже, сделав новую работу.

После окончания аспирантуры в 1948 г. родителей распределили работать на Урал в Челябинскую область, в закрытый НИИ, известный сейчас как «Лаборатория Б». В это время в связи с развитием атомной промышленности в стране остро стоял вопрос о влиянии радиоактивных изотопов на здоровье человека, в том числе на развитие опухолей после облучения. Оба были очень увлечены этой научно-исследовательской работой.

В 1954 году Лабораторию «Б» расформировали, а родителей перевели на работу в Чекибинск-40 (теперь город Озерск) в центральную заводскую лабораторию — филиал Института биофизики МЗ СССР....

Ушер Яковлевич Маргулис
1920-2010

Советский и российский физик, доктор физико-математических наук, доктор технических наук, академик Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, профессор, заслуженный деятель науки

Из книги Маргулис У. «Вспоминая былое. Штрихи к биографии», — М.: ФБУ «НТЦ ЯРБ». 2012. 190 с.: ил.

Никогда не забыть тот день — воскресенье 22 июня 1941 года. Проснулся я довольно поздно. Вчера сдал последний экзамен и мог, наконец, всласть отоспаться. Я студент пятого курса. Экзамены сдал досрочно, поскольку ровно через неделю мы с ребятами отправлялись в велосипедный поход по маршруту Москва — Калинин — озеро Селигер — Ржев — Москва, организованный велосипедной секцией университета. Мама хлопотала по хозяйству, сестра с четырехлетним Ромой ушла гулять. Брат Иосиф, несколько дней тому назад получивший аттестат об окончании средней школы, тоже куда-то умчался. Гриша, как всегда, пропадал на ВДНХ (тогда она называлась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка).

— Ну, что, отоспался, студент? — ласково спросила мама. — Если встаешь, сходи за водой.

Это была моя обязанность. Быстро поднявшись, я взял два ведра и пошел к колонке, которая находилась совсем недалеко, напротив общежития строителей выставки. Здесь ви-

сели большие черные репродукторы, которые практически никогда не выключались. Сквозь шум льющейся воды я услышал странно заикающийся, взволнованный мужской голос. Как ни прислушивался, слов разобрать не мог, но по интонации показалось, что говорит Молотов. Наполнив ведра, я поспешил домой. Еще с порога закричал маме: «Быстро включай радио, наверное, война!». И не ошибся — на всю страну транслировалось обращение правительства к советскому народу. Так для меня началась Великая Отечественная война. В одно мгновение жизнь перевернулась: рушились все планы, все задумки... Было ли это неожиданностью? Сама дата начала войны — 22 июня 1941 года — безусловно, да, но в том, что нам предстоит воевать с гитлеровской Германией, мы не сомневались. Мы прекрасно понимали, что на плечах нашего поколения лежит ответственность за судьбы страны и великая миссия защиты Родины. Поэтому тогдашний лозунг «Готов к труду и обороне» был для нас не пустым пропагандистским призывом, а руководством к действию. Ощущение надвигающейся войны пронизывало нашу мирную жизнь.

Морально мы готовились к войне, но нам казалось, что перед уборкой урожая Гитлер не перейдет границу, а там осень, суровая русская зима — и сорок первый год мы еще проживем в мире. Логика в наших рассуждениях была. Не секрет, что Германия в то время крайне нуждалась в зерне, которое эшелонами отправлялось из СССР в Третий рейх.

С позиций сегодняшнего дня, прекрасно понимаю, что более удобного момента для открытия «молниеносной» войны, на которую делал ставку Гитлер, выбрать невозможно. К лету 1941 года кадровый состав нашей армии был обезглавлен, новую границу после подписания Пакта Риббентропа-Молотова едва начали обустривать. Выпуск вооружений нового типа, в частности танков Т-34, «катюш», новейших типов самолетов только разворачивался. Да и «война с белофиннами», как ее тогда называли, пока зала низкую боеспособность Красной Армии в то время, крайне нас удивила и огорчила.

Выслушав сообщение Молотова, я рванул на место постоянных встреч нашей останкинской «компашки». Там у входа в Останкинский парк культуры и отдыха уже собрался почти десяток ребят. В одночасье повзрослевшие, мы вдруг ощутили

груз ответственности, легший на наши плечи, четко осознали, что наступил час великого испытания для всей страны и для нас лично. Перебивая друг друга, мы рассуждали, что надо делать в первую очередь. Конечно, все единодушно решили, что Гитлеру с нами не справиться — война будет короткой и победоносной, поэтому надо как можно скорее попасть на фронт, успеть внести свой вклад в победу. Даже в страшном сне не могло привидеться, что впереди нас ожидает почти четыре года ожесточенных сражений, огромных потерь, тяжких лишений. Как мы были тогда наивны!

После этой встречи все разошлись по своим институтам и начали осаждать комитеты комсомола, военные кафедры, военкоматы с требованием немедленной отправки на передовую. Там, охлаждая наш пыл, говорили: «Успеете». Мы настаивали: «Когда?», — и просили: «Скорее!».

В эти дни у нас на факультете появился приказ о том, что студенты, перешедшие на пятый курс и уходящие на фронт, могут получить справку об окончании МГУ, сдав госэкзамен по общей физике. От «Истории партии» и защиты дипломной работы мы освобождались. Я начал спешно готовиться к экзамену, надеясь, что скоро попаду в армию.

Начались проводы друзей. Первым из нашей компании ушел на войну Сэм Ландо — студенты-медики призывались в первую очередь. За ним — Уська Хромченко, Илья Прудкер, Лев Феднер. Никто из них не возвратился. Провожавшие их девушки, не успев стать женами, стали вдовами. Те, кто еще не был призван, в том числе и я, чувствовали себя ушибными. Нам, молодым и здоровым, было как-то неловко ходить по московским улицам в обычной штатской одежде.

Ежедневные сводки Совинформбюро становились всё более тревожными. Начались бомбардировки Москвы. В июле стали уезжать в эвакуацию женщины с малолетними детьми. Сестра мамы Фаина с двухгодовалым Семеном собиралась в Казань к родителям мужа, который уже получил повестку и со дня на день отбывал в действующую армию. Он достойно воевал, после тяжелого ранения в 1943 году демобилизовался. Отец настоял, чтобы и мама с младшими — Фаиной, Ромой и Гришей — присоединились к сестре, тем более что родители мужа настаивали на их приезде. Помню, с каким тяжелым

чувством мы провожали их на вокзале, не зная, как там мама будет справляться и выживать с тремя детьми, и когда наша семья сможет воссоединиться вновь... Вместе с нашими в эвакуацию уехала жена нашего соседа по мансарде Ильи с маленькими сыном Мишей и дочкой Соней.

В день проводов я, естественно, не пошел в университет. Наутро, когда, как обычно, я заявился в комитет комсомола, узнал, что все наши отправлены на рытье оборонительных сооружений под Смоленск. Это известие меня буквально огоршило. Получалось, что я, пусть и невольно, уклонился от этой поездки. К сожалению, мало кто оттуда возвратился. Видимо, такова была воля судьбы.

Наконец через несколько дней начался набор физфаковцев в Военно-воздушную имени Жуковского и Артиллерийскую академии. Роздали анкеты. Я выбрал Артиллерийскую академию. После краткого собеседования сказали ждать ответа. Появилась хоть какая-то определенность. 25 июля в комитет комсомола университета прибыла разнарядка о направлении студентов московских вузов на курсы замполитруков. Меня спросили: «Пойдешь?» Я сразу же согласился, поскольку из академии никаких сведений пока не поступало.

Перед отправкой на курсы я все же решил сдать экзамены и получить справку об окончании университета. Когда обратился с этим к заведующему учебной частью физфака доценту Константинову, он сказал: «Собери двух профессоров», — и выдал мне экзаменационный лист. С трудом разыскал я на факультете профессоров Акулова и Фабриканта. Акулов предложил проэкзаменоваться у Фабриканта и обещал подписаться под оценкой, которую тот поставит. Фактически это был не экзамен, а беседа на общефизические темы, о теме диплома и о дальнейшей судьбе всех нас. В итоге я получил справку об окончании МГУ, вложил ее в комсомольский билет и пронес через всю войну. Откровенно говоря, в душе я сомневался, что она мне когда-нибудь понадобится, а оказалось, что я глубоко ошибался...

Основам военной подготовки нас обучали в подмосковной Кубинке на базе Московского военно-политического училища. Из разных столичных вузов сюда направили свыше трехсот человек, то есть мы составили батальон. Уже на месте нас раз-

делили по ротам и взводам. Жили в палатках по 12-15 человек. Учебный день длился с семи утра до девяти вечера. До обеда тактические учения: рытье окопов, ползание по-пластунски, имитация наступления и обороны, марш-броски в противогазах по пересеченной местности и т.д. После обеда — разборка и сборка оружия, политучеба. И так до ужина. Затем немного свободного времени, и, наконец, сон. Было трудно, но мы не роптали. «Тяжело в ученье — легко в бою», частенько, чтобы приободрить самих себя, вспоминали мы слова Суворова. Одно только доставало — строевая подготовка или шагистика, как мы ее называли. Особенно усердствовал в этом наш старшина роты. Кадровый военный, он считал нас маменькиными сынками и старался, как он говаривал, «выбить из нас буржуазную дурь». Столовая, где нас кормили, находилась в двух километрах от нашего лагеря, то есть ежедневно приходилось топать по 12 километров, при этом часть пути старшина заставлял держать строевой парадный шаг, да еще петь. «Ножку, ножку!» — покрикивал постоянно наш «мучитель». Иногда он требовал возвращаться обратно и начинать марш от исходного пункта. Нас изводила эта никчемная муштра. И вот однажды, после таких бессмысленных строевых упражнений, мы, войдя в столовую, не сговариваясь, отказались от обеда. Когда принесли первое, кто-то заявил: «Я не хочу есть, я не голоден». И тут началось! Все стали скандировать: «Я не хочу есть!». Офицеры забегали, пытались образумить нас, кричали. Но ответом было гробовое молчание. Конечно, каждый из нас отдавал себе отчет в том, что произошло ЧП, а время военное, тревожное, и отвечать за «бунт на корабле» пришлось бы по законам военного времени. Пришел комиссар нашего батальона. Он уже проводил с нами несколько бесед на батальонных сборах и вызывал у нас, курсантов, симпатию и доверие. К счастью, он не стал выяснять, кто зачинщик, не угрожал, что все мы пойдем под суд, а только попросил откровенно рассказать, чем вызван этот инцидент. Мы честно пожаловались на тяготы муштры. Соответствующие меры были немедленно приняты. Мне на всю жизнь запомнился этот случай. Я понял, что во взаимоотношениях руководителя с коллективом ультимативность и принуждение почти всегда — источник внутреннего противостояния, которое, в конце концов, выплескивается

в открытый конфликт, порой, не разрешаемый или приводящий к непоправимым последствиям.

Учеба наша продолжалась, а сообщения с фронта становились всё более неутешительными — враг приближался к Москве. Мы рвались в бой, казалось, что наше обучение затянулось сверх меры. Каждый раз, когда ночью нас поднимали по учебной тревоге, мы думали, что наступил долгожданный час. Наконец 15 сентября прозвучала боевая тревога. Нас рассадили по теплушкам, и состав двинулся в северо-западном направлении. Предварительно всех курсантов распределили по группам, которые приписывались той или иной дивизии. В состав каждой группы входило около двадцати человек: примерно половина будущих политруков, половина замполитруков роты. Нашу группу высадили в районе Валдая, она направлялась в 183-ю стрелковую дивизию.

Командиром к нам назначили старшего политрука Шопана Конуспаева. Он был депутатом Верховного Совета СССР, председателем горисполкома Алма-Аты — столицы Казахстана. Уже в дороге, за несколько часов пути к месту нашей высадки, этот человек успел заслужить всеобщее уважение своим добрым и внимательным отношением к нам, желторотикам. В его группу, помимо политруков, входило десять замполитруков, в том числе четыре человека из нашего взвода: Гриша Хавкин — мой университетский однокашник, Рафаил Подвальный — студент МИИТа, Миша Хлуденев — студент Архитектурного института и я. Мы уже успели подружиться еще за время учебы на курсах и старались держаться вместе. В дивизии Конуспаев и наша четверка попали в один полк. Здесь наш старший товарищ был назначен парторгом полка, Раф Подвальный — замполитруком роты связи, я — замполитруком батареи полковой артиллерии, Гриша Хавкин и Миша Хлуденев — замполитруками стрелковых рот.

Наша 183-я стрелковая дивизия, с которой я прошел через всю войну, была сформирована в июле-августе 1940 года из частей Красной Армии, вошедших в Латвию в 1939-м, а также кадрового состава бывшей Латышской армии. Ей был придан статус Национальной латышской дивизии, и вместе со 181-й стрелковой дивизией она входила в состав 24-го Национального латышского корпуса Прибалтийского военного округа.

Как рассказывали ветераны, нам вновь прибывшим, уже на второй день войны части 183-й стрелковой вступили в упорные оборонительные бои. Теснимая превосходящими силами противника, дивизия отступала к старой границе Советского Союза, которую пересекла 3 июля. Особенно ожесточенные схватки развернулись на подступах к Старой Руссе. Высадив 6 сентября мощный десант, немцы отрезали нашим частям путь к отступлению. Дивизия попала в окружение. Закончились боеприпасы. Соппротивление было бесполезным. Только наличие больших лесных массивов позволило остаткам войск пробиться из окружения и выйти к озеру Селигер. Уцелевшие части сосредоточились на его восточном берегу и были введены в резерв 29-й армии Северо-Западного фронта. В сентябре началось укомплектование дивизии личным составом и техникой. Заменяли большую часть руководящего звена. Командиром дивизии стал генерал-майор К. Комиссаров, комиссаром — Герой Советского Союза полковник В. Бойко. Этого высокого звания он был удостоен еще во время Финской войны.

Оставшиеся в живых бойцы и командиры с болью и недоумением вспоминали о первых днях вражеского нападения, когда практически полностью отсутствовала наша авиация и танки, слабо действовала артиллерийская поддержка. Но больше всего нас удивили рассказы о том, что при отступлении из Латвии из окон по нашим солдатам стреляли местные жители. Это не укладывалось в сознании. Ведь из книг и газет мы знали, что в 1939 году жители прибалтийских республик встречали Красную Армию как освободителей, а латышские стрелки в годы революции сыграли решающую роль в подавлении антибольшевистских мятежей. И не могли найти объяснения негативному отношению жителей Латвии к нашей армии.

Политруком батареи, куда меня непосредственно направили, был кадровый военный, старший лейтенант М. Ковтун. Шахтерский паренек из Донбасса, после действительной службы он остался в армии, закончил курсы, стал политработником. Узнав, что я родом с Украины, признал во мне земляка и в личном общении перешел на украинскую «мову». «Главное, постарайся найти общий язык с бойцами и не показывай свою «ученость», — наставлял он меня. — Держись поближе к парторгу батареи, он тоже с Донбасса, и старожил в дивизии».

Я, как мог, старался следовать его советам. Парторг — дядька Степан, в прошлом литейщик, стал на первых порах моим добрым наставником и советчиком.

С каждым днем обстановка на фронте всё ухудшалась. Комплектование дивизии шло форсированными темпами. В ходе подготовки к предстоящим боям нам, политработникам, поручалось так называемое сколачивание подразделений. Кроме того, приходилось вести постоянные политбеседы, разъясняя рядовым бойцам, почему в небе только немецкие самолеты, а на земле только немецкие танки, почему не хватает пушек и пулеметов. Да и сами мы, политработники, не всегда могли дать вразумительные ответы на эти вопросы даже самим себе. Враг приближался к Москве, и мы понимали, что скоро наступит и наш час. В начале октября фашисты взяли Калинин. В тот же день наша дивизия получила приказ совершить почти 50-километровый бросок и занять оборону в районе города Торжка. К этому моменту дивизия худо- бедно была укомплектована личным составом, но военной техники катастрофически не хватало. Так, например, в моей батарее полковой артиллерии не было ни одного орудия. Фактически мы уходили в бой вооруженные только трехлинейками и гранатами. Из 12 полагавшихся по штату станковых пулеметов полк имел всего шесть, а ведь это была основная огневая сила пехоты!

Немец рвался к столице, и в бой бросались последние резервы. Нашей плохо вооруженной и недоукомплектованной дивизии предстояло закрыть не защищенные с севера подступы к Москве.

Марш к намеченным командованием позициям начался с наступлением темноты 14 октября. За одну ночь нам предстояло преодолеть около полусотни километров. Шли форсированным шагом, то есть со скоростью шесть километров в час. На плече винтовка с примкнутым штыком, в вещмешке патроны, гранаты, паек, сменное белье, портянки, полотенце. Всё небо в облаках, моросит нудный, мелкий дождь вперемешку с мокрыми снежинками. Шли то по проселочным, то по шоссе́йным дорогам. Привалы — через каждые три часа по 10-15 минут. Если в первые часы марша был слышен гул разговоров, а подчас и смех, то вскоре все примолкли. Шли понуро, буквально засыпая на ходу. Порой, задремав, утыкались в спину впер-

ди идущего, вздрагивали и просыпались. Где-то на горизонте виднелись зарева пожаров, небо то и дело пронзали вспышки осветительных ракет. Но все это было далеко, а вокруг нас — безмолвная пустыня. Огромным одиноким факелом пылал в ночи Торжок, по которому накануне отбомбились немецкие самолеты. В поле зрения — никаких передвижений войск. Было тревожно на душе, а порой и страшновато.

Переброску дивизии с одного участка обороны на другой мы воспринимали как отчаянные усилия командования заткнуть нами бреши в обороне ввиду нехватки сил. Пожалуй, за всю свою многовековую историю Россия не находилась в такой трагической ситуации, в которой находился Советский Союз осенью 1941 года. Впоследствии мы узнали, что, учитывая нависшую угрозу, Сталин рискнул перебросить под Москву в октябре 1941-го 350-тысячную армию с Дальнего Востока. Это позволило выиграть битву под Москвой. Не будь этой Победы, неизвестна была бы судьба страны.

К рассвету пришли к месту дислокации. Нам дали часок отдохнуть, покормили горячим (приехала полевая кухня) и направили на сооружение линии обороны. Здесь я, как пехотинец, получил первые уроки от дяди Степана. Хорошо окопаться, значило спасти свою жизнь. Он всё делал ловко, сноровисто и обучал меня этому мастерству. Все мы соорудили по ячейке, соединили их ходами сообщения. Словом, как могли, подготовились к обороне. Вскоре над нашими позициями закружился «фокке-вульф», или «рама», как называли этот немецкий самолет-корректировщик наши солдаты. «Ну, скоро начнут...» — вздохнул умудренный опытом дядя Степан. Пророческие слова его тут же сбылись: послышался гул приближающегося самолета, и бомбардировщик, сбросив несколько бомб, безнаказанно удалился. Мы стреляли по нему из ружей, отлично понимая, что все это впустую. Скорее, это была эмоциональная разрядка.

Видимо, немцы на этом участке не рассчитывали встретить серьезное сопротивление, и после небольшой артподготовки двинулись в атаку. Заговорили наши пулеметы, их перемешали редкие артиллерийские выстрелы. Первая атака фашистов захлебнулась, мы воспрянули духом. Но вскоре на наши боевые порядки вновь обрушился залп огня. Вдруг на нашем правом фланге замолчал пулемет — это означало угрозу обо-

да. Кое-кто из бойцов дрогнул, начал отступать. К пулемету бросился мой друг по курсам, Миша Хлуденев, и сразу потоки свинца полились на головы фрицев, прижимая их к земле. Мишу ранило, но он упорно продолжал стрелять. Когда точным попаданием разбило его пулемет, он пустил в ход гранаты. На участке, где Миша держал оборону, немцы не прошли, атака врага захлебнулась.

В этот день мы понесли первые потери. Я потерял друга. Миша Хлуденев погиб как герой. На его примере мы получили наглядный урок того, как можно и как нужно сражаться, чтобы победить...

К вечеру поступил приказ — вновь в поход. Нас сменила другая часть, значительно лучше укомплектованная оружием. Мы же заняли новый рубеж, оборудовав надежные позиции. В батарее, наконец, появились два противотанковых орудия. Приказ командования звучал однозначно — ни шагу назад! Здесь мы выстояли, несмотря на неоднократные попытки немцев прорвать оборону. Все наши контратаки оказывались безуспешными. Вообще же мы не очень понимали их смысла, ведь они велись небольшими силами и не имели какой-либо перспективы для развития наступления.

Вести с фронта продолжали оставаться тревожными. Всех беспокоила одна мысль: удастся ли отстоять Москву? Наше настроение переменялось накануне 7 ноября — дня празднования Великой Октябрьской Социалистической революции. Мы получили зимнее обмундирование: телогрейки, ватные брюки, шапки-ушанки, теплые варежки. Офицерам выдали меховые жилеты и овчинные полушубки. В дивизию привезли письма от школьников, женщин, девушек, незамысловатые посылочки с рисунками или печеньем. Стало поступать и вооружение. Наша батарея пополнилась еще двумя противотанковыми и двумя 76-мм пушками. Полностью укомплектовали пулеметную роту. Сообщения о торжественном заседании, проведенном в честь 24-й годовщины Великого Октября, о выступлении Сталина и прошедший на Красной площади парад вселяли уверенность в том, что Москву мы отстоим, и победа будет за нами. Сейчас, наверное, трудно понять, какую огромную роль сыграли эти события для подъема морального духа наших войск в тот поистине критический момент в истории нашего Отечества. Но это было, было...

На участке фронта, который занимала наша дивизия, активность немцев резко спала. Ноябрь прошел в затишье. Наконец, 5 декабря началось наступление под Москвой. Поступили радостные вести о том, что противник отброшен от столицы. Со дня на день мы ждали приказа об открытии активных боевых действий на нашем направлении.

Наступательная операция 29-й армии, в состав которой входила наша 183-я стрелковая дивизия, началась в конце декабря. Очень тяжело достался нам прорыв вражеских оборонительных сооружений. Пять раз мы бросались в атаку. В конце концов, оборона была сломлена. Вскоре пала вторая линия укреплений противника. Немцы начали отход на Ржев. В ходе преследования наши войска форсировали Волгу в районе деревень Ножкино и Кокошкино и сосредоточились у станции Мончалово, блокировав железную дорогу Ржев-Москва. Началась тяжелейшая операция по продвижению к Ржеву. Гитлеровцы оказывали сильнейшее сопротивление. Потери были огромные. В каждом полку оставалось менее сотни активных штыков. Пополнения не поступало.

Наша 29-я армия глубоко вклинилась в территорию, занимаемую противником. Это позволило немцам в конце января отрезать советские войска от баз снабжения. Фактически армия попала в окружение. Оставалась еще небольшая надежда прорваться — кольцо было замкнуто не полностью. Но ставка не давала «добро» на отход. Более трех недель продолжалось это изнурительное противостояние у станции Мончалово.

Действительно, на тот момент мы занимали тактически выгодный плацдарм для овладения городом, и отдавать его врагу представлялось обидным. Однако силы наши были исчерпаны. Полностью прекратились поставки боеприпасов и продовольствия. Вначале урезали, а затем отменили хлебный паек, оставляя его для раненых. Солдаты питались, в основном, горячим супчиком, где плавали небольшие кусочки конины. На это вариво шли раненые или убитые лошади. Тяжело приходилось без курева. Все тяготы создавшегося положения делили с рядовыми наши командиры. Помнится, как заглядывал к нам в окопы комиссар дивизии Герой Советского Союза Василий Романович Бойко, о котором я уже упоминал. Он сразу умел расположить к себе бойцов, всегда находил меткое слово или шутку. Приходя

в траншею в эти голодные дни, комиссар обычно говорил: «Сухарей нет (их сбрасывали нам с самолетов), они для раненых, а вот табачком угощу». И выдавал его на всех на одну толстую самокрутку. Каждому доставалось по единственной глубокой затяжке. Но это был в то время большой кайф.

Дважды или трижды в эти тяжелые дни комиссар Бойко вместе с командиром полка полковником Ильичевым, комиссаром Крапивницким и небольшой группой разведчиков совершал вылазки в район боевого охранения, чтобы самолично оценить систему огня противника и наши возможности. В эту группу Бойко обычно включал и меня, видимо, как ближайшего помощника комиссара (к этому времени я был назначен комсоргом полка). В этой связи я получил звание младшего политрука, то есть имел право привинтить два «кубаря» в петлицу, соответствующие званию лейтенанта. В одной из таких вылазок был ранен комиссар полка Крапивницкий. К счастью, кольцо вокруг наших войск еще полностью не сомкнулось и его удалось вывезти в тыловой госпиталь. На его должность назначили Шопана Конуспаева. Но не прошло и недели, как он был смертельно ранен осколком авиабомбы. Этому замечательному человеку едва минуло тридцать пять лет. Сын бедняка, после революции он стал работать в шахте на Байконуре, вступил в комсомол. Затем окончил Центральную школу профдвижения, был избран членом Президиума ЦИК Казахской ССР. С должности заместителя наркома торговли добровольцем ушел на фронт. Хоронили мы нашего комиссара в воронке от авиабомбы, осколком которой он был поражен. Митинг был коротким. Из всех имевшихся в полку орудий дали прицельный залп по врагу. Документы Конуспаева — партбилет, удостоверение депутата Верховного Совета, фотографии жены и дочери, а также списки коммунистов полка командир полка передал мне на сохранение с дальнейшей передачей начальнику политотдела.

Большую роль сыграл Шопан Конуспаев в моей личной судьбе. По его представлению я был назначен комсоргом полка. Я видел в нем доброжелательного наставника, и у нас вскоре установились доверительные отношения. В этой связи вспоминается один из дней начала февраля, когда во время очередной встречи в землянке Конуспаев, выслушав мою информацию о текущих делах, сказал, что мне пора вступить в кандидаты

в КПСС и что он готов дать мне рекомендацию. Конуспаева поддержал комиссар полка Крапивницкий, который также выразил готовность дать рекомендацию. Для меня это оказалось большой честью. Так я стал коммунистом. Дорогую стоили эти поручительства, данные в боевой обстановке, да еще не по моей просьбе, а по собственной инициативе такими достойными людьми как Конуспаев и Крапивницкий.

Тем временем кольцо окружения постепенно сужалось всё больше, теперь разрыв составлял всего 3-4 километра. До всех бойцов довели текст телеграммы военного совета 29-й армии: «Сталину стало известно о нашем положении, и принимаются меры для оказания помощи». В подтверждение этого в ночь на 17 февраля 1942 года в расположение наших позиций был сброшен десант до 500 человек, но изменить ситуацию это не могло. На следующий день поступил приказ о выходе из окружения.

Нам предстояло совершить ночной марш по лесной местности через оборону немцев. Это было вблизи города Старица. Разведка доносила, что сплошной линии обороны у немцев в тех местах нет. Нам указали район, где существовала возможность прорваться, хотя с флангов мы могли в любую минуту ожидать вражеского нападения. Наш полк шел замыкающим. Это накладывало на командиров еще более высокую ответственность. Поэтому накануне выступления для координации действий в полк прибыли начальник штаба дивизии подполковник П. Рубан, комиссар штаба Д. Некрасов и помощник начальника политотдела по комсомолу А. Калинин. Наш полк, как арьергардный, должен был последним покинуть линию обороны и в течение всего пути охранять тылы колонны. Риск быть обнаруженными был чрезвычайно велик. Движение войск началось поздним вечером с тем, чтобы к рассвету мы могли выйти из окружения. Марш прошел благополучно. Немцы прозевали наш отход и продолжали, как обычно, вести вялый, беспокоящий огонь. Перед самым рассветом остатки дивизии сосредоточились на опушке леса. Предстояло преодолеть участок открытой местности примерно в 50-60 метров. По приказу бесшумно бросились к окопам. Большая часть войск проскочила. Но тут враг опомнился, и сильный пулеметный и минометный огонь заставил наш арьергард залечь, зарывшись в снег. Чтобы прикрыть наш отход, дали залп из «катюш», но, к сожалению, он

оказался неточным. Вместо того чтобы обрушиться на головы фашистов, снаряды реактивных минометов падали буквально перед нашим носом. К счастью, обошлось без раненых, никого даже не задело. На своей шкуре мы испытали всю мощь «катюш» и поняли, почему немцы так их боялись и называли «черная смерть». Действительно, после залпа перед нами возникла стена огня, и весь снег вокруг почернел. В ответ немцы усилили заградительный огонь. Пришлось отползти назад в небольшую рощицу, откуда делали бросок для прорыва. И когда рассвело, фашисты начали методичный минометный обстрел нашего жиденького лесочка. Мы метались, ища укрытия. Появились раненые. На моих глазах один раненый офицер, истекавший кровью, застрелился. Своих рядом — никого! Честно говоря, стало страшновато. Я растерялся, не знал, что делать. Вдруг увидел Алексея Калинина, который тоже ползком пробираясь среди деревьев, искал своих. Через некоторое время к нам присоединился подполковник Рубан. «Пробирайтесь к другой опушке», — распорядился он, указав направление. Вскоре его усилиями было собрано человек 15 наших однополчан. Стали думать, как выбраться. «Здесь немец нам пройти не даст!» — заметил Рубан. Да мы и сами видели, что огонь по роще, где рассредоточились остатки колонны, усиливается. «Надо возвращаться обратно к Мончалову, — рассуждал начштаба, — другого выхода нет, а дальше по тому пути, по какому наступали, то есть к деревням Ножкино и Кокошкино. А за Волгой уже наши. Немцы там нас не ждут». Шанс просочиться через оборону немцев был достаточно велик. Силы врага также были на исходе. Стояли лютые холода, и фашисты старались отсиживаться в деревнях.

Итак, нам предстоял многокилометровый обратный путь. «Будем двигаться только по ночам, а днем прятаться в лесу. Путь займет порядка четырех-пяти дней», — сказал Рубан. Прикинул и наши продовольственные запасы. У каждого оказалось по одному, а то и по половинке сухаря; у инженера полка нашелся небольшой кусок вареной конины. Ее хватило по маленькому кусочку на один прием. Назначили ответственного и отдали ему все собранное на хранение.

Шли по целине, еле вытаскивая ноги. Снега было много, практически по колено. По очереди менялись впереди идущие, протапывавшие дорогу. Утром каждому выдавали по половин-

ке сухарика. Припасов хватило всего на два дня. Дважды за время пути днем разжигали на короткое время небольшой костерок, чтобы по очереди немного просушить рукавицы, согреть руки и, растопив снег, попить теплой водицы. Было невероятно трудно, но, сцепив зубы, шли, никто не роптал.

Драматичный случай произошел на последнем этапе перехода. Предстояло перейти шоссе. Вдалеке слышался шум обоза. Подполковник Рубан собрал нас и сказал, что надо быстро проскочить шоссе до подхода обоза, поскольку неизвестно, насколько он растянулся, к тому же кто-то из немчуры может сойти с дороги, и нас обнаружат. Замыкающими на этом участке перехода шли замначальника штаба полка майор Свицерский и я. Вся группа благополучно проскочила на другую сторону, но, когда очередь дошла до нас, уже показалась голова колонны. Рисковать было нельзя: обнаружат нас, начнут искать других. Надо было переждать. Свицерский приказал: «Приготовить гранаты. Если немцы заметят, будем подрывать себя». И вот потянулись бесконечные минуты ожидания и страха. Наконец обоз прошел, и мы смогли перейти шоссе. Основная группа дожидалась нас в небольшой рощице, метрах в двухстах от берега Волги. За Волгой — наши!

Рядом виднелись деревеньки Ножикино и Кокошкино, мимо которых мы проходили несколько недель тому назад при наступлении. В домах дымились трубы, оттуда веяло теплом и запахом еды. Ночь была на исходе, близился рассвет. И тут комиссар полка старший политрук Ковтун предложил отсидеться в какой-нибудь клуне на окраине села — действительно, сил двигаться дальше почти не было. Подполковник Рубан возмущенно выматерился: «Ты что, твою мать, сдурел?! Там же немцы! Это просто лезть им в пасть». Комиссар начал настаивать. Тогда Рубан в сердцах бросил: «Делай, как хочешь...» Несмотря на явный риск, Ковтун решил взять передышку. К нему присоединились инженер полка и несколько бойцов. Он и мне предложил пойти с ними. Видимо, комиссар был уверен, что я, как его непосредственный подчиненный, поддержу это решение. Но я отказался. И они ушли в деревню...

Больше никогда никаких сведений о своих товарищах мы не имели. Как и предполагал Рубан, их, скорее всего, захватили немцы. Позже в списках потерь полка они числились пропавшими без вести.

После произошедшего инцидента Рубан послал нас с Лешей Калининым в разведку, посмотреть, что происходит у реки. Мы пошли и засели на берегу в ивняке, не зная, что делать дальше. Немец изредка пускал осветительные ракеты, и в предрассветной мгле можно было разглядеть, что лед на Волге дыбился рваными торосами — это был результат бомбардировок, когда 30-я армия спешила на помощь нашей дивизии. Стояла зловещая тишина, ни малейшего движения вокруг. Однако по тому, откуда выпускались ракеты, было ясно, что в деревне немцы. Неожиданно к нам подошел подполковник Рубан и сердито зашептал: «Что расселись? Марш влево по реке, там, вероятно, встретите нашу разведку. А мы вслед за вами спустимся к Волге и будем ждать от вас сигнала». Не успели мы с Алексеем небольшими перебежками преодолеть несколько десятков метров, как заметили людей в белых масках. Залегли за торосы и стали ждать. «Может, это немецкая разведка?», — прошептал Калинин. Вдруг слышим: «Кто вы?». Мы еле выдохнули от счастья: «Свои!». Это была разведка, возвращавшаяся с задания. Выслушав рассказ о наших мытарствах, разведчики попросили показать, где сосредоточилась наша группа. Но мы настолько обессилели, что уже не могли двинуться с места. Кое-как дотащили нас до переднего края в расположение своих, накормили горячим супом. Вскоре сюда подтянулась и наша группа, которую отыскивали разведчики. Трудно передать ощущение наступившего счастья и облегчения, когда мы наконец-то оказались среди своих. Наша одиссея завершилась. И, несмотря на неимоверную усталость — шутка ли, пять суток без пищи и крова на морозе! — душу переполняла радость и гордость: выстояли, выдержали, выжили...

Командир части, в расположение которой мы вышли, связался с вышестоящим начальством, чтобы узнать, что с нами делать. Офицеров, то есть подполковника Рубана, комиссара Некрасова, подполковника Ильичева, майора Свидаерского, политрука Калинина и меня отправили в штаб армии. Четырех рядовых бойцов поместили в медсанбат на реабилитацию.

На двух санях поехали в штаб. Запомнился эпизод, произошедший в этот день. Сопровождавший майор завел нас в хату. Там уже находились два генерала — как потом мы узнали, начальник штаба и начальник политотдела 30-й армии. Похва-

лив всех за мужество и поздравив с возвращением, они предложили Рубану, Некрасову и Ильичеву остаться в горнице, а мне, Калинин у Свидерскому обождать на кухне.

Хозяйка в это время пекла не то блины, не то лепешки. Это было 23 февраля, в День Красной Армии. Мы не могли оторвать глаз от растущей горки румяных оладушек, издававших неимоверно вкусный запах. Видимо, женщина это заметила и стала нас угощать. Не успели мы притронуться к еде, как в кухню вышел один из генералов и страшным голосом закричал на хозяйку: «Кто вам разрешил их кормить?» — И затем, не сбавляя оборотов, обратился к нам: «Немедленно прекратить есть!». Мы буквально застыли, не донеся вождеденные горячие лепешки до рта. Генерал резко повернулся и, хлопнув дверью, возвратился в комнату. Через несколько минут, поостыв, он нас вызвал и сказал: «Неужели вы думаете, что я пожалел вам это угощение? Свежее тесто для вас после такой голодухи — страшный яд». На этом инцидент был исчерпан. Нам налили горячего сладкого чая, и, утешившись этой малостью, мы укатили в свою дивизию.

С мончаловской эпопеей связан у меня еще один памятный эпизод. Перед ночным походом нам отдали распоряжение выкинуть все свои вещи и оставить только оружие. И я, действительно, хоть и с сожалением, расстался с вещмешком и всем своим нехитрым скарбом. Но при этом из противогазной сумки выбросил никому не нужный дыхательный аппарат, а в сумку вложил списки коммунистов и комсомольцев полка и документы Конуспаева. Повертел в руках тетрадь, в которой вел дневник, хотел кинуть и ее, но в последний момент решил оставить. До сих пор, перебирая в памяти события тех лет, задаю себе вопрос, почему я все это взял? Вроде бы понимал, что попади я в плен, мне, кроме смерти, ничего не светит. Но вместе с тем, считал, что переданные на хранение документы надо обязательно сберечь. Выбросить и уничтожить их, пока я жив, было бы аморально с моей стороны. В этот момент, видимо, чувство долга взяло верх над опасностью.

По прибытии в дивизию нас вызвал начальник политотдела батальонный комиссар Толкунов. Он подробно расспросил обо всех перипетиях нашего изнурительного похода, потребовал в деталях рассказать об инциденте, связанном с уходом группы

во главе с комиссаром Ковтуном, интересовался, почему мы не сумели воспрепятствовать этому неоправданному поступку. Чувствовалось его крайне неодобрительное отношение к действиям комиссара, ведь стремление отогреться, передохнуть погубило не только его, но и тех, кто пошел с ним.

Это была первая моя встреча с таким крупным начальником. Разговаривал он с нами в спокойных тонах, без начальственных ноток, и производил впечатление весьма интеллигентного человека. В общем, последующие контакты утвердили мое первое впечатление о Толкунове. Надо сказать, что он пользовался весьма большим уважением среди высшего командного состава, а также среди подчиненных, которые всегда прислушивались к его мнению, отличался исключительной порядочностью, требовательностью, принципиальностью; страшно не любил обмана и стремления избежать ответственности. Мне повезло, что с первых же дней фронтовой жизни я столкнулся с такими неординарными личностями как комиссар дивизии Бойко, начальник политотдела Толкунов, комиссар Конуспаев, что именно они стали моими первыми боевыми наставниками. Хорошие отношения сложились и с начальником штаба дивизии Рубаном, помощником начальника штаба полка Свицерским, командиром полка Ильичевым. У них я учился, как поступать в критических ситуациях. Взять хотя бы эпизод с нелепой гибелью Ковтуна и тех, кто пошел на поводу его минутной слабости и сравнить пусть с жесткой, но в тот момент единственно верной позицией подполковника Рубана, спасшей всем нам жизнь.

Закончив этот трудный разговор, Толкунов дал указание Калинину помочь мне освоиться в новой должности комсорга полка. Когда мы уже поднялись, чтобы уйти, начальник политотдела обратился ко мне с вопросом: «Маргулис, ты не смог бы вспомнить фамилии коммунистов полка?». Я ответил, что списки коммунистов и комсомольцев у меня с собой, как и протоколы партийных собраний, и документы погибшего комиссара Конуспаева. Толкунов застыл от изумления и, немного помолчав, сказал: «Что ж, заслужил награду». О том, что я хранил эти документы, не знал даже Калинин. Теперь со спокойной душой я сдал их батальонному комиссару. И действительно, вскоре меня представили к медали «За боевые заслуги». Таким образом, я оказался в числе нескольких десятков бойцов и офи-

церов, первыми получивших награды за зимнюю наступательную операцию 1941-1942 годов. Эта награда до сих пор остается для меня самой дорогой, и не только потому, что она первая...

Позже, задумываясь о глубинных мотивах, подвигающих человека на подвиг, я четко понял, что долг и ответственность перед самими собой позволяют преодолеть страх и нерешительность. А ведь на войне малейшая слабость, как правило, ведет к гибели. Чувство долга включает механизмы поиска оптимальных путей преодоления опасности и повышающих решительность при их реализации. Так подробно я останавливаюсь на перипетиях «мончаловской эпопеи», потому что это была первая в моей биографии экстремальная ситуация, когда цена жизни зависела от стойкости, выдержки, разумности каждого шага, каждого решения. Она стала для меня уроком на всю последующую жизнь. Честно говоря, на пути в дивизию я немного побаивался, сомневался, как меня, молодого мальчишку, с виду интеллигента, примут уже понюхавшие пороха бойцы, смогу ли я быстро приспособиться к тяготам суровой окопной жизни, найду ли общий язык с однополчанами. К счастью, мои опасения оказались напрасными, мне повезло: рядом оказались люди, которые помогли мне влиться в ряды моих боевых товарищей. О них я уже упоминал. Прошло больше 60 лет, и все они словно стоят у меня перед глазами... Я благодарен им за науку и поддержку. Несмотря на разницу в возрасте и в званиях, я не потерял впоследствии связи с полковником Рубаном. Мы неоднократно встречались как в Москве, так и в Воронеже, где он поселился после отставки. А с Алешей Калининым наша дружба продолжалась в Москве в послевоенные годы до самой его смерти в 80-х годах.

До конца июля 1942 года наша дивизия в активных боевых действиях не участвовала, занимая оборону севернее Ржева. Строили укрепления, проводили разведку боем для уточнения системы расположения огневых точек противника. В этих условиях часть личного состава несла боевое дежурство в траншеях, а часть отдыхала в блиндажах либо деревенских домах, если позиции проходили вблизи населенного пункта.

Помню, как поражали нас убогость быта и крайняя нищета местных жителей Калининской области: картошка была роскошью, питались, в основном, буряком и капустой. Особенно

страдали дети. Мы старались из своего пайка уделить им немного хлеба или кусочек сахара. Больно было смотреть, с какой жадностью они набрасывались на это скромное угощение.

Что касается нас, солдат, мы не голодали. Пайка хлеба составляла 900 грамм. Два раза в день приезжала полевая кухня, и выдавалось полкотелка супа, когда с мясом или рыбой, а иногда и без оных. Всё зависело от подвоза продовольствия. Тем не менее, поесть хотелось всегда! Хлеб обычно делился на три порции, но случались моменты, когда, увлекшись, за раз съедали всю дневную норму. Трудно себе представить, чтобы кто-то смог сегодня в один присест умять почти килограммовую буханку!

В силу своих служебных обязанностей большую часть времени я находился в подразделениях: проводил беседы, комсомольские собрания, пересказывал газетные новости, знакомился с командирами и бойцами, со многими из которых сложились добрые товарищеские отношения. К сожалению, большинство из них не дожили до победы. И, конечно, принимал участие в учениях и боевых разведывательных операциях.

В течение марта-апреля 1942 года на всех участках фронта установилось относительное затишье. Немецкие войска после нашего успешного зимнего наступления не проявляли активности. Воодушевленные приказом Сталина, обнародованном к 24-й годовщине Красной Армии, где было сказано, что недалек тот день, когда наша армия разгромит врага на всей советской земле, мы готовились к новым боям.

С мая месяца обстановка на фронте стала меняться не в нашу пользу. Поступали тревожные сведения о тяжких неудачах на Крымском направлении и Керченском полуострове. Нависла угроза над Севастополем. Провалилось наступление на Харьковском направлении. В окружении оказались три наших армии. Враг стремительно продвигался к Волге, Сталинграду, рвался к источникам нефти на Северный Кавказ. Тогда-то и появился знаменитый приказ № 227 о недопустимости отступления. Спешно создавались заградительные отряды. Любой отход с занимаемых позиций карался смертью. Не буду касаться причин столь катастрофической ситуации, сложившейся летом 1942 года. Она сейчас достаточно подробно изложена в военно-исторической литературе. Но в то время было непонятно, что

происходит, почему враг вновь прорвался в глубинные районы страны. Да и мы на нашем участке фронта отдавали себе отчет в том, что достойного отпора немцам оказать не сумеем, — не хватало техники, отсутствовало серьезное танковое и артиллерийское прикрытие. К счастью, и на этот раз мы выстояли благодаря неимоверным усилиям, отчаянному самопожертвованию, беспрецедентному героизму советских солдат.

В конце весны тематика тактических занятий изменилась. Если раньше бойцам разъяснялась задача создания мощной обороны, основное внимание уделялось воспитанию стойкости и мужества в оборонительных боях, то теперь главный упор делался на овладение искусством атаки, быстрого продвижения вслед за огневым налетом, приемам рукопашной борьбы. Словом, мы готовились к наступательным боям. Было очевидно, что с имевшимися в то время силами и вооружением дивизия вряд ли сумеет добиться серьезных успехов и что цель наших наступательных действий — отвлечение сил и ослабление натиска главного удара, то есть, прорыва немцев к Волге и Закавказью.

30 июля началась Ржевско-Сычевская наступательная операция Калининского и правого крыла Западного фронтов. Сходу сломить насыщенную мощными средствами сплошную оборону противника нам не удалось. Пришлось медленно и упорно преодолевать сопротивление врага. Перелом наступил 30 августа. Мы начали теснить фашистские войска ко Ржеву. Успешно прошла операция по захвату г. Зубцова. Это был первый крупный населенный пункт, в освобождении которого решающую роль сыграла наша дивизия.

Командование, окрыленное успехом, требовало неуклонного продвижения вперед. Но наши силы были на исходе, в ротах оставалось по 30-50 бойцов. Дефицит боеприпасов ослаблял огневую поддержку, сопротивление немцев возрастало. Вспоминается такой эпизод. Сорвалась очередная попытка нашего полка прорвать вражескую оборону. К наблюдательному пункту начали подтягиваться находившиеся в батальонах представители штаба, чтобы доложить об обстановке в подразделениях. Пришел на наблюдательный пункт и я. В это время командир полка по телефону докладывал кому-то из командования о сложившейся обстановке. Чувствовалось, что он получает строжайший разнос. И вот, не успел комполка вернуть телефонную трубку

связисту, как в помещение наблюдательного пункта вошел подполковник Рубан, исполнявший тогда обязанности командира дивизии. С порога стал требовать немедленного наступления:

— Вам придется танковая бригада, надо снова идти в атаку и во что бы то ни стало прорвать оборону противника!

— Что ж, надо так надо, — обреченно вздохнул командир полка. — Раз командир дивизии на моем наблюдательном пункте, я иду в боевые порядки, поднимать солдат...

Вместе с ним ушли и все мы, руководители полкового масштаба, каждый в свое подразделение. Что касается приданной бригады танков, то оказалось, что это всего лишь остаток бригады, укомплектованной шестью легкими танками Т-26, броня которых пробивалась орудийным снарядом любого калибра. Естественно, и эта новая попытка наступления не увенчалась успехом: танки сгорели, полк понес очередные потери, погиб и командир полка, кадровый офицер. Вот так необходимость выполнить приказ «сверху» без каких-либо реальных для этого возможностей вела к неоправданным, а порой и невосполнимым потерям.

Несмотря на все отчаянные попытки, Ржев освободить не удалось. Однако за весенние — летние операции 1942 года дивизия была удостоена благодарности командования.

К 24 сентября 1942 года дивизию вывели из боев, и, включив в резерв Ставки верховного главнокомандования, направили на укомплектование в район города Высоковское Калининской области. Мы находились в глубоком тылу, над нами не кружили вражеские самолеты, небо не разрывали вспышки осветительных ракет, не слышался гул артиллерийской канонады и треск пулеметных очередей. Офицеры жили в деревенских избах, сержантский и рядовой состав — в бывших общежитиях, переоборудованных под казармы. Для нас наступило временное затишье. Как и вся страна, с напряжением следили мы за разворачивающимися событиями под Сталинградом и в Закавказье. Мысленно готовились к боям на этих наиболее горячих участках фронта. Коренным образом изменилась в этот момент и моя судьба. Я был переведен корреспондентом в штат редакции дивизионной газеты «За нашу победу». Новое назначение стало для меня неожиданным, но вместе с тем и обрадовало. Литература всегда была моей страстью. С детства я пытался

вести дневники, участвовал в выпуске стенгазет, посещал литературные кружки. Теперь же мне предстояло заниматься литературным трудом профессионально. Творческий состав нашей редакции был представлен тремя сотрудниками: редактором, его заместителем и корреспондентом. Газета объемом в четыре полосы и форматом в половину печатного листа выходила два раза в неделю. Состав походной типографии включал двух наборщиков, один из которых еще и верстал полосы газеты, печатника, шофера и солдата для выполнения вспомогательных работ. Портативная печатная машина, приводимая в движение ногой, как швейная машинка, размещалась в грузовой машине. Мне, как корреспонденту, было присвоено звание политрука, то есть старшего лейтенанта.

Возглавлял наш коллектив профессиональный газетчик старший политрук Исаак Абрамович Лившиц, или Сева, как мы его называли. На фронт он ушел добровольцем с должности ответственного секретаря газеты «Пионерская правда». До этого работал в «Комсомольской правде», поэтому имел широкий круг знакомств в среде литераторов и журналистов. Был близок с Долматовским и Симоновым, хорошо знал Илью Эренбурга, Аркадия Гайдара, Сергея Михалкова, Михаила Кольцова. Широко информированный человек, обладающий к тому же незаурядным чувством юмора, прекрасный рассказчик, Лившиц был, что называется, душой компании и пользовался большим уважением у нашего командования. Всегда, когда позволяла обстановка, его приглашали, чтобы повести вместе вечер за приятной беседой, послушать журналистские байки. Добродушие и юмор у Севы сочетались с высокой требовательностью и ответственностью к себе и подчиненным.

Его заместитель Федор Перминов, тоже профессиональный журналист, до войны работал заведомом в районной газете. С Федей мы были знакомы и раньше. Добрые отношения нас связывали с того момента, когда на страницах нашей дивизионки была опубликована моя статья «Из дневника замполитрука роты». На первых порах Федор всячески старался помочь мне освоиться в новой обстановке, знакомил с командирами частей, учил азам фронтовой корреспондентской службы. К сожалению, вскоре в одном из наступательных боев его ранило. Раны были не опасные, но в медсанбате у него началось

внутреннее воспаление, вследствие которого он скончался. Мы потеряли преданного друга и товарища. Вместо него нам прислали из политотдела армии нового заместителя редактора, человека профессионального, но суховатого, и такой близости, как с Федей, у меня с ним не сложилось.

Примерно в апреле — мае 1943 года в состав редакции ввели еще одну должность корреспондента, на нее назначили Геннадия Савина, которого мы уже хорошо знали — он был чуть ли не своим в редакции. Познакомил нас с ним редактор еще задолго до того, как пригласил его работать в штат. Геннадий, в качестве внештатника, писал иногда заметки по заданию редакции и делал это грамотно, с большой самоотдачей и весьма талантливо.

С новым назначением мне предстояло освоить и новую профессию. Одно дело устно изложить какую-либо мысль, событие, факт — это был, что называется наш, политработников, хлеб. Другое — написать статью, корреспонденцию, даже заметку, где каждая фраза должна «звучать», стоять на месте, и где, как говорил А.П. Чехов, «словам должно быть тесно, а мыслям просторно». Короче, я учился журналистскому ремеслу. А поскольку штат редакции был, прямо скажем, не велик, приходилось осваивать и другие редакционные обязанности: планирование и верстку номера, сочинение броских заголовков, корректуру (не дай бог, было пропустить ошибку, даже опечатку, в цитируемом первоисточнике или в передовой с неременной цитатой из выступления главнокомандующего Сталина и других военачальников и партийных вождей!). Каждый из нас должен был быть универсалом, мастером на все руки.

Кроме того, наш редактор считал, что хорошую газету можно делать, только находясь в гуще событий, познав жизнь и быт рядовых солдат, непосредственно участвуя в боевых действиях. И надо сказать, что этому журналистскому кредо Лившица мы следовали неукоснительно. Наша газета, или, как называли ее бойцы «Окопная правда», всегда вызвала живой интерес. Центральные газеты: «Известия», «Правда», «Красная Звезда» — к рядовым солдатам не доходили, а служили нам как источник для перепечатки на первых полосах нашей дивизионки важной, чаще всего официальной информации. Общеармейская газета также оседала в штабах полков и батальонов. А «За нашу Победу» мог прочесть каждый боец.

В своей работе мы следовали неписанному правилу: большая часть статей и заметок, публикуемых в газете, должна быть написана от лица непосредственных участников событий. Конечно, мы готовили эти материалы сами на основе тщательно собранного материала, после бесед с тем или иным командиром, отличившимся бойцом. Но представьте, как приятно им было увидеть на газетной полосе заметку за своей подписью. Эти со временем пожелтевшие вырезки многие хранили всю жизнь.

Газета наша считалась одной из лучших в армии, и нередко материалы из нее перепечатывались во фронтовой и армейской газетах.

Безусловно, этим успехом мы были, прежде всего, обязаны Севе Лившицу — личности яркой, незаурядной, прирожденному газетчику. Как я уже говорил, он был весьма информированным человеком и подчас делился с нами весьма любопытными сведениями, подробности которых в то время были за семью печатями.

Вспоминается один из его рассказов, в правдивости которого не приходится сомневаться. Дело в том, что Лившиц был женат на приемной дочери известного партийного деятеля Емельяна Ярославского — автора официального учебника по истории партии, рекомендованного в качестве учебного пособия для вузов. (Следует отметить, что приемная дочь Е. Ярославского — Лиля Каростоян — была дочерью одного из погибших секретарей ЦК Болгарской Компартии. В годы войны она работала журналисткой и погибла в партизанском отряде в 1943 году, выполняя задание редакции).

Где-то в году 1938-1939-м Сталин задумал подготовить новый вариант истории партии, считая, что ряд событий в предыдущих изданиях излагался, с его точки зрения, недостаточно «объективно». В основном, работа по написанию нового «Краткого курса» легла на плечи Ярославского. Однако вождь читал все редакции этого труда и вносил свою правку. Естественно, принималась она полностью. Проблемы возникли с написанием четвертой главы, посвященной диалектическому материализму. Все варианты, предложенные Ярославским, Сталин категорически отвергал. В конечном итоге написал эту главу сам.

Как известно, этот «Краткий курс», на долгие годы ставший своеобразной «библией» для всех, изучавших историю пар-

тии, позже целиком вошел во все собрания сочинений Сталина, как его собственное произведение...

Забегая несколько вперёд по времени, приведу еще один эпизод, характеризующий личность нашего замечательного редактора. Как-то возвратившись из служебной командировки в Москву, он, помимо многочисленных новостей и материалов, привез два новых, еще не известных широкому кругу читателей стихотворений Симонова, полученные из рук самого Константина Михайловича. Первое, со временем ставшее культовым для всех, прошедших через горнило войны, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», было сразу опубликовано на страницах нашей газеты с обращением автора к воинам дивизии. Оно имело ошеломительный успех. Трудно даже себе представить, сколько скупых мужских слез вызвали эти проникновенные, поразительно волнующие и вместе с тем удивительно простые симоновские строки. По силе эмоционального воздействия с ними не могли сравниться никакие призывы и агитационные лозунги, поднимавшие солдат в бой. Мне кажется, что нынешнее поколение вряд ли знакомо с этими стихами, поэтому мне хочется привести два небольших отрывка из них:

*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,*

*Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на Великой Руси.*

*Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.*

*«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.*

Что касается второго стихотворения (я хочу привести его полностью), то с его публикацией на первых порах произошла малоприятная, если не сказать хуже, история, весьма показательная характеризующая время, в котором мы тогда жили:

*На час, запомнив имена, —
Здесь память долгой не бывает, —
Мужчины говорят: «Война...» —
И наспех женщин обнимают.*

*Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.*

*Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.*

*А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче вспомнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.*

*Я не сужу их, так и знай,
На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.*

*Пусть будет все не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки,
Пускай чужие, но зато
вчерашние глаза и руки.*

*В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.*

*Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу*

*В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.*

*Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставлю за собою.*

Чутье опытного редактора подсказывало Лившицу, что с его публикацией стоит повременить. И он, в ответ на моё недоумение, поначалу ответил категорическим отказом. Однако вскоре на фронте началась полоса успехов, дышалось как-то легче. Был освобожден родной город Севы — Харьков. На радостях решили отметить это событие, немного выпили. Тут я и вспомнил лежащее в нашем редакционном портфеле стихотворение и предложил: «Сева, давайте напечатаем стихи, порадуем бойцов. Наверное, время наступило». После некоторых раздумий Лившиц решился.

Очередной номер «За нашу Победу» вышел со стихотворением Симонова. Как только газета дошла до командования дивизии, разразился скандал. В то время комиссаром у нас был бывший секретарь одного из горкомов партии, типичный ортодоксальный партработник. Прочитав газету, он немедленно вызвал на ковер Лившица и устроил ему жуткий разнос «за пропаганду разврата и безнравственность содержания», грозился наложить запрет на отправку в части отпечатанного тиража. С трудом удалось отговорить его от этого необдуманного шага, убедив в том, что этот, в общем-то, частный эпизод будет рассмотрен начальством как ЧП армейского, даже фронтового масштаба. На редактора было заведено дело и ему грозило строгое партийное взыскание.

К счастью, все обошлось. Более того, комиссару вскоре пришлось с неохотой признаться перед Лившицем в своей горячности. Прежде всего, никакой негативной реакции из политотделов армии и фронта не поступило. Но главное, буквально через пару недель появилось сообщение о присуждении К.М. Симонову очередного звания лауреата Сталинской премии, кажется, к тому времени уже в третий раз! Само собой разумеется, ни о каких взысканиях не могло быть и речи.

Кто знает, чем могла бы закончиться для Севы эта история, не пояись столь своевременно указ об очередном лауреатстве обласканного властями поэта?...

Что касается того, как отнеслись к стихам в окопах, то этот номер газеты бойцы, прочитав, не пустили на самокрутки, а бережно хранили в карманах своих гимнастеров.

К великому сожалению, Лившиц оставался нашим редактором примерно до конца июня 1943 года. После назначения А.С. Щербакова начальником Политуправления Красной Армии вместо Л.З. Мехлиса начался пересмотр корреспондентских кадров фронтовых газет. Ходили слухи, что Щербакову не нравится обилие еврейских фамилий в выходных данных газет, особенно, если они принадлежали главным редакторам. По крайней мере, Лившица не сняли, а перевели, как бы с повышением, на должность ответственного секретаря корпусной газеты. Кстати, в это же время был освобожден от должности главный редактор «Красной Звезды» Д.И. Ортенберг (больше известный широкому читателю под псевдонимом Д. Вадимов), были освобождены от занимаемых должностей руководители других дивизионных и армейских периодических изданий.

С переводом Лившица наша дружба не прервалась: регулярно переписывались, обменивались газетами. До конца войны он считал «За нашу Победу» своим детищем. Общались мы и после войны. Сева работал главным редактором газеты московского городского транспорта «За успешный рейс».

Геннадий Савин после войны остался в армейских кадрах, дослужился до подполковника. Уйдя в отставку, где-то в конце 1950-х годов перебрался с семьей в Москву, работал в той же газете под началом Лившица.

Фронтная дружба нашей четверки — Алексея Калинина, Севы Лившица, Геннадия Савина и моя — продолжалась много лет. Дружили семьями, делились успехами и печалью, обсуждали жизненные и политические проблемы, горячо спорили, не всегда находили согласие, но всегда были честны и откровенны друг с другом. Наши встречи являлись той отдушиной, когда можно было высказать всё наболевшее, дать оценку всему, что происходит вокруг нас, и найти понимание, сочувствие.

Место Лившица в газете занял майор Морозов, в прошлом преподаватель литературы в сельской школе, а затем редактор районной газеты. Он принадлежал к номенклатуре «местного» масштаба и старательно подчеркивал это с первого дня знакомства. Доверительных отношений у нас не сложились, по-

сколько сразу Морозов обособился от коллектива, размещался всегда в отдельном от остальных сотрудников редакции доме, кичился близостью к командованию дивизии. В частях новый редактор не бывал, статей не писал, свои функции ограничивал лишь рассмотрением структуры очередного номера и просмотром сигнального экземпляра. При этом очень любил поучать и давать наставления. В полках его не знали, авторитетом у руководства дивизии и в политотделе он также не пользовался. Так что, вся работа по выпуску газеты легла на плечи нашей тройцы. Естественно, при таком стиле руководства с редактором возникали постоянные разногласия. Иногда он пытался, как говорится, катить на нас бочку, обращаясь с жалобами в политотдел. Однако мы были ветеранами дивизии, нас все знали, поэтому особой поддержки у начальства он не получал. В конечном итоге мы как-то притерлись друг к другу, и всё меньше и меньше конфликтовали, ограничившись сугубо формальными деловыми отношениями.

Все последующие события моей военной биографии были также связаны с работой фронтового корреспондента.

Возвращусь к событиям после завершения формирования нашей дивизии в Высоковском, где все мы со дня на день ожидали отправки на фронт.

Действительно 7 января 1943 года начался марш до станции Клин, где нас погрузили в эшелоны, а 20 числа мы выгрузились на станциях Давыдовка и Три святителя Воронежской области и сходу в составе 40-й армии вступили в бой в 45 километрах восточнее Старого Оскола.

На марше, по пути к месту назначения, нас поразило огромное количество военнопленных, которых гнали навстречу. Дрожащие от холода, в легкой оборванной одежде, они обреченно провожали взглядами наши колонны. Глядя на них, нам казалось, что дух немецкой армии сломлен. Как эта жалкая разрозненная толпа отличалась от самодовольных и сытых фрицев, которых мы в недалеком прошлом видели на лентах кинохроники!..

Боями за освобождение Старого Оскола началось участие дивизии в Воронежско-Касторненской, а затем в Белгородско-Харьковской наступательных операциях начала 1943 года. Шестого февраля наши части овладели Прохоровкой, где спустя

шесть месяцев разгорелось величайшее в истории танковое сражение. Здесь нашей 183-й стрелковой пришлось отражать массированные атаки немцев и отстаивать занимаемые в то время рубежи. После упорных боев 9 февраля дивизия вошла в Белгород, а 16-го в Харьков. Почти месяц непрерывных боев и около 400 километров пути...

Сотрудники редакции практически постоянно находились в боевых порядках. Собрав необходимый материал, мы тут же, как говорят газетчики, отписывались, два-три часа — на отдых, а затем снова отправлялись в части. Непременно везли с собой свежий номер газеты, которая была у бойцов нарасхват.

Белгород был одним из городов, находившихся длительное время в оккупации. Чтобы получить оперативную информацию о деяниях фашистов на этой территории, политотдел сформировал группу разведчиков во главе с командиром одной из разведрот. Включили в нее помощника политотдела дивизии по комсомолу Мишечкина и меня — корреспондента дивизионной газеты. Нам требовалось как можно быстрее попасть в город и собрать необходимые факты и данные. В Белгород вошли ночью, когда еще не стихли уличные бои, и к утру необходимый материал был доставлен в политотдел, а в нашей дивизионной газете появилась серия очерков. Были мы и в составе первых батальонов, вошедших в Харьков. Основным девизом в нашей работе было: «Сегодня в бою, завтра в газете». И мы старались следовать этому неукоснительно.

Больше месяца дивизия вела наступление, неся значительные потери. Остро ощущалась нехватка боеприпасов. Казалось, что после освобождения Харькова наступит передышка. Противник отступал, но командование настаивало на продолжении преследования. Для пополнения поредевших частей всех годных к строевой службе бойцов и более 70% личного состава тыловых и хозяйственных частей были брошены на передовую. В строй возвращали легко раненых рядовых и командиров. Дивизия получила приказ повернуть на запад и овладеть городом Сумы. К сожалению, задача оказалась непосильной для потрепанных в многонедельных наступательных боях частей. Удалось только освободить город Лебедин. Дальнейшее продвижение застопорилось. Фашисты оказали серьезное сопротивление, и пришлось перейти к обороне. К 1 марта 1943 года

штаб дивизии передислоцировался в Лебедин, а вместе с ним и редакция, почти вплотную следовавшая за войсками. Работать приходилось «с колес». Печатали газету непосредственно в нашей полutorке.

Помнится, в те дни я стал участником необычного эпизода, который мог бы закончиться для меня трагически. Возвратившись в редакцию с передовой, чтобы сдать материал, узнал от редактора, что обстановка сложилась крайне сложная, и с часу на час можно ожидать немецкое контрнаступление. Поскольку Лившиц был срочно вызван в политотдел, он распорядился всему составу редакции с машиной и всем нашим скарбом дожидаться его неподалеку от штаба в районе железнодорожной станции.

В городе царил хаос. Колонны двигались то в одном, то в другом направлении. Сновали повозки и грузовики. Понять что-либо в этих передвижениях не было никакой возможности. Решив разузнать, почему основной людской поток направляется к станции, я поспешил туда. Оказалось, что немцы бросили на железнодорожных путях цистерну со спиртом. Вот сюда и стремились все, чтобы заполнить имеющиеся в их распоряжении емкости. В горловину цистерны на ремнях или веревках опускались котелки, те, у кого их не было, пускали в ход рубахи, варежки, а потом их отжимали. Говорили, что кто-то из бойцов, сорвавшись, утонул в цистерне. Но желающих добыть заветное «горючее» это не останавливало. Подходящим офицерам бойцы с готовностью наполняли фляги. Грешным делом, и я не преминул воспользоваться такой возможностью, тем более что на холоде меня ожидала наша редакционная братия, которой тоже неплохо было бы согреться. Напряженность в городе стремительно нарастала. Явственно было видно, что войска целенаправленно его покидают. Все ближе и громче слышался грохот разрывов. Сомнений не оставалось — враг перешел в контратаку. Решив разыскать в политотделе редактора, я приказал печатнику Гакову оставаться за старшего и никуда не двигаться до моего прихода. По дороге встретил спешащего навстречу Севу. Когда мы возвратились к назначенному месту, нашей полutorки там не оказалось... «Ты понимаешь, что тебе грозит расстрел, если пропадет редакционная машина?!» — сорвался на крик Лившиц. Я похолодел, оценив всю серьезность

ситуации. Редактор возвратился в политотдел, а мне ничего не оставалось, как начать самостоятельные поиски нашей редакции на колесах. Обходил все закоулки, переулки и тупики. Город пустел, вечерело. Когда уже совсем стемнело, и гул боя приблизился вплотную к городской черте, удрученный, пошел в направлении, куда двигалась основная масса войск. Меня охватило такое отчаяние, что рука невольно тянулась к болтавшемуся в кобуре пистолету. Я больше думал не о себе, а о том, как это может отразиться на судьбе родителей и братьев, товарищей по редакции. И вдруг, уже на подходе к штабу дивизии, я увидел нашу полуторку — целую и невредимую. Ноги мои подкосились от счастья. В тот вечер я не мог ни с кем сказать ни слова. Гаков пытался как-то оправдаться. Действительно, в создавшейся ситуации всеобщего отхода он, видимо, другого решения принять не мог. Как говорят, хорошо то, что хорошо кончается, и зла я на него не держал.

Поскольку первоначальный наступательный порыв после освобождения Лебедина иссяк, наши войска заняли вынужденную оборону. К тому времени немец успел поднакопить сил, и 4 марта перешел в контрнаступление. Ведя тяжелые оборонительные бои, дивизия отступала, чтобы избежать окружения. Были оставлены Лебедин, Харьков, Белгород и десятки других уже освобожденных городов. К концу месяца дивизия отошла на восток, за Северный Донец. Здесь немецкое наступление было остановлено. Так завершилась для нас зимняя кампания, в которой мы познали и радость побед, и горечь поражений. Обидно было вновь оставлять врагу освобожденные территории, и мы не очень-то понимали, в чем кроется причина новых неудач.

Запомнился мне случай, относящийся к тому времени. Это произошло в конце марта 1943 года, когда дивизия занимала оборону за Северным Донцом. Как-то вечером меня вызвал начальник политотдела и поручил пойти в один из полков, чтобы совместно с комиссаром подготовить данные об обстановке, потерях, настроениях в частях и другие сведения, которые обычно составляют суть политдонесений. Проводником нам дали бойца, присланного, из полка, который хорошо знал дорогу. К нам присоединился выписанный накануне из госпиталя политрук одной из рот. То есть, в полк мы шли втроем. Давая такое за-

дание, начальник политотдела пояснил, что он вынужден обратиться ко мне, потому что все инструкторы политотдела находятся в войсках, и он надеется, что с поставленной задачей я справлюсь. Кроме того, он предупредил, что наша оборона на этом участке крайне жиденькая и через нее легко могут просочиться немецкие патрули или разведчики. Так что, надо держать ухо востро.

Расстояние до полка составляло около трех километров, причем, вся дорога шла лесом. Начиналась весна, дороги, как таковой, не было, раскисшая тропа терялась в месиве рыхлого подтаявшего снега. Журчали ручейки, с деревьев срывались набрякшие влагой комья снега, барабанила капель. Весь путь нас сопровождали какие-то звуки. Словом, надо было, не теряя бдительности, чтобы вовремя среди этого «музыкального сопровождения» различить посторонние шаги. Шли мы с оглядкой, разговоры вели шепотом. Добрались, слава богу, без приключений. В полку с комиссаром собрали необходимые документы, вместе обошли линию обороны.

Наступило время возвращаться. Стояла глубокая ночь, до рассвета еще далеко. Я не сомневался, что мне дадут в сопровождение бойца, поскольку существовал приказ, по которому передвижение поодиночке было запрещено, тем более по лесу. Однако комиссар довольно беспечно заявил, что обстановку я видел и доберусь назад самостоятельно, а у него, мол, каждый боец на счету. Что оставалось делать? Конечно, я мог отказаться и дожждаться утра. Но ведь начальник политотдела ясно дал понять, что донесение требовалось отправить рано утром.

Признаться, возвращаться в одиночестве было жутковато. И не так страшился я гибели, как возможности попасть в плен. Однако приказ есть приказ, и я пошел. Уточнив с бывшим проводником некоторые ориентиры, повесил на грудь автомат, сунул в карман шинели гранату. Зачем я ее взял, не понимаю до сих пор. Ведь при неожиданной встрече с немцами вряд ли успел бы ею воспользоваться. Конечно, этот час пути стоил мне огромной концентрации воли и внимания. В каждом шорохе чудились шаги, и я замирал в напряжении. Когда явился в политотдел, начальник с удивлением спросил, почему я один. Пришлось объяснить. «Надо было позвонить», — бросил он сурово. Этот маленький случай утвердил меня уже который раз

в жизни, что только чувство долга и ответственности может победить страх.

Вскоре нашу поредевшую и потрепанную в наступательных боях дивизию сменила свежая часть, а нас отправили в район станции Прохоровка, где предстояло создать надежный оборонительный рубеж. Мы не сомневались, что нас ожидает суровое лето, что немцы жаждут возмездия за Сталинград и Воронежско-Касторненскую операцию и что захотят взять реванш. Мы себя мысленно готовили к предстоящим испытаниям и невольно задавались вопросом: неужели вновь повторится трагедия лета 1942 года?

Однако обстановка на фронтах была уже не та, что в начале войны. Армия пополнялась новой военной техникой, вводились свежие людские резервы, да и моральный дух наших воинов после победы в Сталинградской битве окреп. Одновременно велась интенсивная боевая подготовка личного состава, причем, упор делался на стойкость в обороне, умение уничтожать танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Пехоту отучали от танкобоязни, проводя занятия по так называемой обкатке. Для этого над окопами, в которых находились солдаты, пропускали танки, и пехотинцы убеждались, что после такой «утюжки» можно не только выжить, но и легко уничтожить бронированную гусеничную машину «зажигалкой» или метко брошенной вслед гранатой.

На одном из учений мы с Геннадием Савиным решили пройти такую обкатку. Ведь чтобы убедительно рассказать об этом в газете, нет ничего лучшего, чем проверить те же ощущения на собственной шкуре. Надо сказать, ужас охватывает, когда металлическая громада надвигается на тебя, согнувшегося в три погибели в окопе, и с грохотом проносится над головой. По каске барабанят комья земли, и кажется еще секунда — и ты будешь раздавлен и заживо погребен. Длится это мгновение, но, кажется, что проходит вечность, а надо еще, как только танк проползет, выпрямиться во весь рост и успеть бросить вслед гранату. Конечно, после двух-трех таких тренировок чувствуешь себя увереннее, но все равно подсознательно при очередном обкате сжимаешься от страха. Тем не менее, учения эти оченьгодились в будущем.

К тому времени по предположению Генерального штаба наиболее вероятным направлением главного удара со стороны

немецко-фашистских войск могла стать, сложившаяся в районе Курска, так называемая Курская дуга. Наша дивизия, дислоцировавшаяся в районе Прохоровки, оказалась на направлении главного удара. Достаточно было посмотреть на карту, чтобы понять, что мы находимся в самом уязвимом месте. Овладев Прохоровкой, немцы блокировали бы железную дорогу, связывающую нас с югом страны — Кавказом, и тем самым прерывали поставку нефти и продовольствия. Мы понимали, что не имеем права дрогнуть, отступить, и с особой тщательностью готовились к предстоящим боям. Девиз «Ни шагу назад!» был для нас не пустым лозунгом, а велением сердца. В то время никто из нас еще не знал о резервном Степном фронте, сформированном за пределами нашей обороны по реке Дон, и готовились мы к предстоящему сражению, как к «последнему и решительному бою».

Примерно к концу мая — началу июня все необходимые оборонные объекты в районе Прохоровки были готовы. В штаб поступали донесения, что наступление может начаться со дня на день. Все чаще немецкие разведывательные «рамы» появлялись над нашими позициями. Не часто, но регулярно, видимо, в целях острастки, по два-три фашистских самолета проводили бомбежку. Особые меры были предприняты для маскировки позиций, вплоть до прекращения хождения в дневное время в местах расположения частей.

В напряженном ожидании прошел весь июнь. Наконец поступило сообщение, что враг пошел в наступление на Орловско-Курском направлении. Великая битва на Курской дуге началась! Первые атаки немцев были успешно отбиты. На Белгородско-Курском направлении противник 6 июля прорвал оборону первого эшелона и вышел к рубежу, занимаемому нашей дивизией. Основной удар принял на себя мой родной 285-й стрелковый полк, в котором я тогда находился по заданию редакции.

Конечно, каждый день на фронте памятен по-особому. Это и первый бой, и первые потери боевых товарищей, и первая атака, и первое окружение. Но битва на Прохоровском плацдарме не забывается и не сравнима ни с одним днем войны. Такого ожесточения, стойкости, самопожертвования я не видел за весь свой фронтовой путь. Одна мысль владела нами в то время — выстоять, не дрогнуть.

После массированного авиационного налета на нашу линию обороны двинулось до полсотни танков. Два десятка немецких бронированных машин лавиной шли непосредственно на оборонительные сооружения нашего батальона. Несколько танков подорвалось на минах, пять были подбиты подразделениями 623-го артиллерийского полка, который поддерживал наш полк. Первую атаку удалось отбить. Через несколько часов вторая танковая волна из 20 машин обрушилась на позиции соседнего батальона. Бойцы пропустили танки через свои окопы и подожгли несколько машин бутылками с зажигательной смесью. Это позволило отсечь немецкую пехоту.

На следующий день над полем боя воцарилась настороженная тишина. Все с напряжением ожидали нового наступления. Временное затишье я использовал для сбора материалов в номер: беседовал с бойцами, уточнял фамилии отличившихся, расспрашивал о подробностях вчерашних атак.

Немцы тревожили нас бомбежками, да сбрасывали с самолетов время от времени металлические листы, которые с отвратительным визгом планировали на землю, имитируя звук падающей бомбы. В ночь с 7 на 8-е июля гитлеровцы пытались произвести разведку боем, но она не удалась. А уже с утра 8-го числа вновь разгорелась ожесточенная схватка с врагом. Снова на наши подразделения двинулись танки. На этот раз им удалось несколько потеснить боевые порядки пехоты. Пришлось отойти на запасные позиции. В середине дня подоспели на помощь наши танкисты, и в коротком бою восстановили позиции. И опять нам удалось сдержать вражескую пехоту.

В ночь с 8 на 9-е я возвратился в редакцию, чтобы отписаться. Здесь в это время оставался только редактор. Сдав материал, дождался выхода газеты и с еще «мокрым» тиражом, где были освещены события трех прошедших дней, возвратился на передовую.

Этот день, 11 июля, выдался особенно тяжелым. Вновь по нашим позициям был нанесен мощнейший бомбовый удар, в небе носились истребители, ведя ожесточенные воздушные бои. Еще не смолк рев самолетных двигателей, как около сотни танков тремя колоннами двинулись на наши окопы. Впереди шли «тигры» — новые танки Вермахта с мощной броней, разрекламированные геббельсовской пропагандой задолго до наступле-

ния как новое оружие возмездия, которое сокрушит русских. В бой вступила крупнокалиберная артиллерия, стрельба велась прямой наводкой, но танков было так много, что им удалось подойти почти вплотную. Часть «тигров» двинулась на передовые траншеи, в стальные громады полетели бутылки с зажигательной смесью и гранаты. Буквально рядом с нами проползли одна за другой две немецкие машины. Одну удалось поджечь, другая — прорвалась. Но никто не запаниковал. Местами дошло до рукопашного боя. И снова удалось сдержать пехоту противника. Прорвавшиеся танки без ее поддержки оказались беззащитными. Часть их была уничтожена, а часть отошла назад. К вечеру бой утих.

На другой день поступил приказ идти в контратаку с танковым корпусом генерала Попова. После залпа «катюш» и пятиминутной артподготовки несколько десятков советских танков устремились вперед. Навстречу им двинулись бронемашины противника. С каждой минутой количество техники на поле боя с обеих сторон нарастало. Всё заполнил адский скрежет металла, гул моторов, грохот выстрелов. Так началось величайшее в истории танковое сражение под Прохоровкой. Горело всё, что могло гореть. Поле боя заволокло клубами дыма и пыли. Потери с обеих сторон были неисчислимы. Битва закончилась поздно вечером, так и не выявив победителя. Всё вокруг вдруг разом стихло. Сложилось положение неустойчивого равновесия.

Поползли слухи, что где-то с флангов просочились немецкие автоматчики. Орудия Резерва Главного командования, стоявшие на прямой наводке непосредственно за линией обороны пехоты, вдруг начали сворачивать. В душу закрадывалось ощущение смутной тревоги и неопределенности...

Вечер и ночь ушли у меня на сбор информации. Рано утром отправился в редакцию, чтобы сдать подготовленный к печати новый материал. Через несколько часов, возвращаясь на передовую, увидел приближающуюся необычную автоколонну: впереди два-три «виллиса», а за ними — несколько грузовиков с какими-то с виду незнакомыми стволами в кузовах. Как оказалось, это были новые 160-миллиметровые минометы, которые прежде на вооружении не состояли. Вдруг один из «виллисов» притормозил. Рядом с водителем сидел генерал в золотых погонах, но звезда на погонах была значительно крупнее гене-

ральской. «Маршал», — мелькнуло в голове. Пригляделся, и обомлел — Жуков! Водитель, махнув в сторону разрушенной усадьбы совхоза, спросил: «Это совхоз «Васильевское?» Я лишь утвердительно кивнул.

Как потом стало известно, прибытие Жукова в расположение наших позиций не было случайным. Железной рукой Георгий Константинович наводил порядок в ситуации, сложившейся на нашем фланге: с кого-то сорвал погоны, кого-то повысил в звании, кого-то отстранил от должности. Как бы то ни было, возникшие неуверенность и шаткость положения были ликвидированы, а обстановка стабилизировалась.

В то время я еще не задумывался о том, какую роль сыграл приезд легендарного маршала на передовую, и рассматривал это лишь как пример личной храбрости. Спустя многие годы, после того, как были прочитаны десятки книг, в том числе и воспоминания самого Жукова, пришло понимание того, что дар выдающегося полководца позволил ему не только определить наиболее неустойчивый участок огромного фронта, но и силой своего авторитета, личным вмешательством принять все необходимые меры для поправки положения на южном фланге Курской дуги, то есть на ее Белгородском участке. И это в конечном итоге предопределило успешное завершение сражения. А уже 16 июля от обороны мы перешли к наступлению.

Завершилась знаменитая битва на Курской дуге. Загремели салюты в честь освобождения Курска и Белгорода от немецко-фашистских захватчиков. Первый салют был дан в честь освобождения Белгорода, и среди перечисленных подразделений, участвовавших в освобождении города, была названа и наша 183-я дивизия.

Я подробно остановился на описании битвы на Курской дуге, поскольку она ознаменовала коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Всеми военными специалистами, в том числе и немецко-фашистскими генералами, это сражение оценивается как огромный стратегический успех советского военного руководства. Надо отметить, что оно стало последним крупным оборонительным сражением наших войск и последним крупномасштабным наступлением гитлеровцев. С этого момента ни пяди освобожденной земли мы не отдали врагу. А самое главное, после Сталинграда и в особенности после Курской

битвы появилась уверенность, что эту войну мы выиграем. Захватив практически всю Европу и шествуя от победы к победе, именно на нашей территории гитлеровцы пришли к поражению.

Теперь все усилия советских войск были направлены на освобождение второй столицы Украины — Харькова. На рассвете 23 августа город был взят. Харьковчане со слезами на глазах встречали освободителей. В сильно разрушенном полумиллионном городе осталось чуть более 150 тысяч жителей. Основную часть молодежи угнали в Германию, в рабство. Впервые мы узнали о передвижных борделях, обслуживавших немецких солдат и офицеров на передовой. Перед девушками и молодыми женщинами стояла альтернатива: либо в бордель, либо на работы в рейх. Что им оставалось делать? Эти рассказы вызывали гнев и ненависть к поработителям.

В тот же день пришла радостная весть — нашей дивизии присвоили звание «Харьковской», но праздновать было некогда, нельзя было давать передышку надломленному врагу. И хотя в дивизии оставалось меньше половины личного состава, наступление продолжалось.

К 22 сентября 1943 года части нашей Харьковской дивизии вывели из боев для пополнения. Разместились мы в районе Харьковского тракторного завода — знаменитого ХТЗ, где строились почти все советские танки, в том числе и лучший танк Второй мировой войны — Т-34. Незаметно пролетел месяц переформирования. Уже 30 октября поступил приказ на погрузку в эшелоны.

Стремясь ликвидировать занятый нашими войсками плацдарм на правом берегу Днепра и вернуть Киев, немцы начали контрнаступление. Для его приостановки спешно мобилизовались резервы, в том числе и наша дивизия. Запомнилась переправа через Днепр в железнодорожном составе. Тяжелый поезд медленно двигался по содрогающемуся и вибрирующему понтонному мосту. Казалось, еще мгновение — и мы провалимся в водную пучину. При этом немецкие самолеты все время барражировали в небе, сбрасывая бомбы. Зенитные орудия, стоявшие на открытых платформах нашего состава, непрерывным огнем отгоняли вражеские бомбардировщики. Но мы чувствовали себя словно загнанные в хлев ягнята и гадали, высунувшись из открытых тамбуров, рухнет на нас или нет очередная

тяжелая бомба. Но нам сопутствовала удача, и дивизия, благополучно осуществив переправу, прибыла к месту назначения.

В конце декабря началась Житомирско-Бердичевская операция, и вновь мы, фронтовые корреспонденты, освещали на страницах своей газеты ратные подвиги однополчан.

18 февраля 1944 года войска 1-го Украинского фронта, в составе которого воевали и мы, получили задачу на проведение Проскуровско-Черновицкой операции. Исходный рубеж к наступлению дивизия заняла 4 марта. Весенняя распутица чрезвычайно затрудняла подвоз боеприпасов, техники и продовольствия. Сапоги вязли в жирном плодородном черноземе, передвигаться было трудно даже пешком. Наступательная операция развернулась 11 марта, а непосредственные бои за освобождение Винницы — 14 числа. Для этого нашим войскам пришлось форсировать реку Южный Буг, ширина которого достигала здесь порядка 150 метров. На другой берег можно было перебраться по руинам взорванного моста, что было делом крайне рискованным. Из подручных средств сколачивали плоты, нашлось несколько лодок. Вся пушечная артиллерия дивизии была выставлена у берега для стрельбы прямой наводкой. Переправа началась ночью. Я находился в одном из батальонов, участвовавших в этой операции, и отважился перейти на тот берег по разрушенному мосту вместе с другими смельчаками. Позже, когда на спор предлагали повторить этот переход, я не решился на эту авантюру, понимая, что не смогу преодолеть стоявшие на пути препятствия. Непонятно, откуда тогда взялись силы и смелость на этот поистине цирковой трюк.

Как только полки первого эшелона оказались на правом берегу, солдаты саперного батальона приступили к постройке временного моста, а вскоре началась переправа основных сил, шедших на помощь ворвавшимся в город батальонам.

В боях за Винницу меня контузило, я потерял слух и был помещен в медсанбат. Врачи предполагали, что, отлежавшись несколько дней, я смогу возвратиться в строй. Слава богу, слух через несколько дней восстановился, правда, далеко не полностью. Но тут случилось неожиданное: буквально на третий день пребывания на больничной койке у меня резко подскочила температура — до сорока градусов и выше. Диагностировали... сыпной тиф. Несмотря на просьбы оставить в медсанбате,

меня переправили в первый же прибывший в Винницу полевой госпиталь, а медсанбат двинулся вслед за стремительно наступающей дивизией. Несколько дней я провалялся в полном беспомощности. С благодарностью вспоминаю, как заботливо выхаживал меня Геннадий Савин в течение тех дней, пока дивизия оставалась в районе Винницы. Он буквально не отходил от моей постели. Так я на некоторое время оторвался от своих. Больше недели метался в жару, температура практически не снижалась. Болело сердце, не хватало воздуха. Я задыхался. Видя, что, я теряю сознание, раненые, а нас в палате набралось человек тридцать, начинали стучать костылями, призывая медперсонал. Прибегала сестра, делала очередной укол, и боли утихали, дыхание выравнивалось. Поскольку это был хирургический госпиталь, а не терапевтический, квалифицированную помощь мне оказать не могли. К счастью, молодой крепкий организм победил — я выкарабкался. Дней через десять температура спала. Я понял, что буду жить! Это подтвердили и врачи. В начале апреля меня выписали, но требовалось три-четыре недели пробыть на амбулаторном лечении.

К сожалению, поехать на это время в Москву не разрешили. Более трех недель я жил, как говорится, гражданской жизнью, а точнее, на правах выздоравливающего болтался без дела.

В это время в город прибыла небольшая группа, человек около десяти, комсомольцев-винничан, которые входили в партизанский отряд, точнее в группу, которую возглавлял легендарный разведчик Н.И. Кузнецов. Называли они себя «пистолетчиками». Боевой путь этого отряда впоследствии был описан в повести «Это было под Ровно». Мне удалось познакомиться с этими ребятами. Порой за чашкой чая, а чаще за стопкой водки рассказывали они о своих действиях в тылу врага. Воспоминания подпольщиков были яркими, захватывающими. К тому времени у меня уже выработалась репортерская хватка, и я, написав по горячим следам пару небольших статей, отправил свои корреспонденции в «Комсомольскую правду» и в киевскую молодежную газету. Впоследствии бывшие «пистолетчики» мне сообщили, что видели эти публикации и горячо благодарили.

Бывшие партизаны возглавили инициативу по воссозданию в городе комсомольской организации. Многие из оставших-

ся в оккупации молодых людей сохранили свои комсомольские билеты, другие вынужденно уничтожили. Восстановление в рядах ВЛКСМ проходило персонально, на общегородском собрании открытым голосованием. Учитывался не только факт сохранения или не сохранения комсомольского билета, но в первую очередь то, как жил, что делал во время оккупации. Было много сложных запутанных дел, не обходилось без слез, жалоб, упреков. Один из громких конфликтов, о котором говорил весь город, возник из-за непродуманного формирования руководящих кадров вновь создаваемых комсомольских органов. В частности, третьим секретарем обкома комсомола назначили девушку — «пистолетчицу», какое-то время остававшуюся по заданию подполья в тылу и, естественно, зачастую появлявшуюся в компании с немцами. Ее объяснениям, что это было связано с выполнением задания, не верили. Особенно усердствовали те, которых по какой-то причине не восстановили в комсомоле. В конечном итоге ей пришлось покинуть город.

Когда, наконец, срок моего карантина закончился, я отправился догонять своих. Стоял конец апреля. О месте дислокации дивизии мне в довольно необычной форме сообщил Геннадий, с которым мы регулярно переписывались. Сделал он это в виде литературной шарады, приведя какое-то высказывание о Льве Николаевиче Толстом его литературного секретаря, не упомянув при этом фамилии последнего. После мучительных раздумий я сообразил, что речь идет о Черткове. Изучив карту, наткнулся на город Чертков. Это было уже за старой границей, то есть на территории Западной Украины. Попрошавшись с вновь обретенными друзьями-винничанами, на попутках отправился в дорогу. Еще находясь в госпитале, узнал, что получил очередное звание, так что в редакцию возвращался уже капитаном.

Как-то пересаживаясь в очередной грузовик, увидел сидящего в кузове лейтенанта. Он почему-то сидел, опустив голову, и даже не взглянул на взбиравшегося в кузов человека. Пригляделся — Геннадий! Оказывается, он заметил меня, когда я голосовал на дороге, и решил преподнести мне сюрприз. Обнялись, начался разговор. Вскоре, немного помявшись, оба полезли в карманы и вытащили папиросы. «И ты тоже?» — спросил Гена. Я только виновато вздохнул в ответ. А дело в том, что два или три месяца тому назад мы дали друг другу слово бросить

курить. Держались до расставания в Виннице, а расставшись, снова закурили.

Возвращение в дивизию, в ставшую родной редакцию было одновременно радостным и грустным. Многих друзей-товарищей не досчитались мы после прошедших боев...

За время моего пребывания в госпитале с середины апреля наша дивизия в составе войск Первого Украинского фронта успешно завершила Проскуровско-Черновицкую операцию, вышла в предгорье Карпат и сейчас находилась в обороне.

А в середине июля 1944 года началась Львовско-Сандомирская операция. Схватки шли ожесточенные. Продвижение вперед затрудняли естественные преграды: многочисленные холмы, овраги, небольшие речушки — притоки Днестра. К 26 июля подошли ко Львову. Подступы к городу были хорошо укреплены. По всему чувствовалось — бои предстоят тяжелые. Чтобы отрезать отход немецким частям, город практически взяли в кольцо. В то же время начали поступать данные, что по периферии нашего окружения немцы начали боевые действия с целью блокирования нашей группировки, прорвавшейся ко Львову. То есть, получился как бы слоеный пирог. Командованию пришлось часть сил направить на отражение атак немцев со стороны нашего тыла. Дивизия получила приказ обойти город с юга, тем самым отрезав гитлеровцам путь к отступлению.

Вдруг от командира 227-го полка майора Кадомцева поступило донесение, что его части находятся во Львове. Сообщение, мягко говоря, было неожиданным. А произошло следующее. Полк, следуя за быстро продвигающимися танками 10-го гвардейского и Уральского добровольческого танкового корпусов, уничтожая по пути мелкие группы противника, зашел в город с юга и начал очищать улицы и дома от фашистов. Но образовавшуюся брешь немцам удалось тут же закрыть, преградив таким образом другим советским частям вход в город. Полк Кадомцева оказался окружен. Но об этом мы узнали позже. А пока донесение майора требовало проверки и убедительных подтверждений. Командир дивизии приказал сформировать группу разведчиков, включив в нее представителей штаба и политотдела. В это время я находился на наблюдательном пункте дивизии, где разворачивались все эти события, и ожидал первой же возможности вместе с частями войти в город. Когда

формировалась группа, я всеми силами пытался попасть на глаза командованию. Наконец начальник политотдела обратил на меня внимание и предложил: «Давайте включим в группу и корреспондента, пускай с населением побеседует, тем более что он знает польский». Комдив согласился.

Вышли мы, когда совсем стемнело. В город проникли спокойно, без всяких эксцессов. Когда разыскали Кадомцева, он был крайне удивлен: «Как вы просочились? Ведь город окружен!». Лишь через двое суток наши части, окружавшие город, сумели подавить сопротивление противника и войти во Львов.

За двое суток пребывания в невольном окружении мы с инструктором политотдела Воротиловым успели познакомиться с городом. Он удивил нас своей благоустроенностью и прекрасной архитектурой. Поразило меня отсутствие пригородов, так характерных для российских городов, с их одноэтажными деревянными домишками, огороженными заборами. Здесь же, начиная с окраины, шли прямые асфальтированные улицы, застроенные двух-четырёхэтажными домами. Чувствовалось, что строительство велось по определённому плану, а не как бог на душу положит. Пишу об этом так подробно, потому что Львов стал первым европейским городом, в который мне удалось попасть. Львовяне, большую часть которых составляли поляки и незначительную украинцы, встретили нас достаточно доброжелательно, рассматривая как освободителей. В разговорах с нами их, прежде всего, интересовала судьба Львова. Когда им объясняли, что Львов — это старинный украинский город, они мгновенно теряли интерес к общению.

После освобождения Львова дивизия продолжила наступление, тесня противника на запад. В конце августа 1944 года закончилась Львовско-Сандомирская операция, в результате которой мы вышли к границам СССР и вступили на территорию Польши. Но недолгой оказалась эта передышка. Уже в начале сентября поступает приказ об оказании помощи восставшему словацкому народу. Создается ударная группировка из состава 38-й армии, куда вошла наша дивизия, 1-й Чехословацкий корпус.

Чтобы нанести немцам удар в тыл, была осуществлена переброска войск через Дуклинский перевал с последующим соединением с силами местных партизанских отрядов. Это был

тяжелейший переход по практически непроходимым горным дорогам Восточных Карпат. Обстановку осложняли бесконечные осенние дожди: в непролазной грязи буксовали автомобили, в изнеможении падали лошади. Солдаты на себе тащили по горным тропам пушки. Физические нагрузки были невероятные. Ведь наши войска, вступившие в Польшу в условиях равнинной местности, были абсолютно не готовы к ведению боевых действий в горах. В своих воспоминаниях дважды Герой Советского Союза маршал К.С. Москаленко, командовавший в те годы нашей 38-й армией, пишет, что даже форсирование Днепра в период осенней распутицы потребовало меньше усилий, чем переход через Дуклинский перевал.

В конечном итоге поставленная задача была выполнена. Дорогой ценой достался нам этот бросок. В горах, лесах, ущельях мы потеряли десятки тысяч наших воинов, но свой интернациональный долг выполнили.

Сейчас на Дуклинском перевале высится монумент, возведенный в память этого героического события. Я пишу эти строки 21 ноября 2007 года под впечатлением встречи наших ветеранов в Словацком посольстве, где ежегодно отмечается этот подвиг и отдается дань мужеству и самопожертвованию советских воинов.

С начала 1944 года наша дивизия активно участвует в успешно развивающемся наступлении, освобождая города и веси Польши и Чехословакии. С кровопролитными боями было пройдено более 300 километров, освобождено до 300 населенных пунктов, из них девять городов, в том числе и городок Дзердзице, где находился один из фашистских концентрационных лагерей.

Трудно передать чувства, которые мы испытали при встрече с освобожденными из неволи узниками. Изнуренные люди плакали, благодарили, мечтали скорее вернуться домой. Они рассказывали, как их, стариков и детей, мужчин и женщин, немцы гнали на каторгу, набив по 70 человек в грязные и холодные товарные вагоны. Многие умерли еще в пути от истощения. В Дзердзице кормили брюквой и выдавали по 300 граммов хлеба в день. Люди опухали от голода, слабели и умирали. Работать заставляли с рассвета до полуночи, по 14-16 часов в сутки, больных с температурой за 38-39 градусов выгоняли на работу. Били, издевались.

Другим зловещим местом массового истребления людей, с которым пришлось познакомиться в период освобождения Польши, стал лагерь смерти Освенцим — гигантская «фабрика» по уничтожению людей, оборудованная газовыми камерами и печами-крематориями. Начальник политотдела направил туда в сопровождении группы разведчиков инструктора отдела и корреспондентов газеты — Савина и меня — для сбора объективной информации. Нам было приказано постараться попасть в лагерь в первых рядах наступающих частей, расспросить уцелевших узников и заснять увиденное на фото пленку.

В лагерь мы вошли с передовой разведгруппой. На железнодорожных путях стояло несколько пустых товарных вагонов, в которых доставляли сюда со всей Европы заключенных. Черными остовами торчали взорванные фашистами при бегстве газовые камеры и печи. Во дворе жалась друг к другу группа изможденных людей в полосатой тюремной одежде. Поговорить с ними не удалось, они оказались французами. Мы направились к длинному кирпичному двухэтажному строению барачного типа, видимо служившему складом. То, что увидели, потрясло воображение. Одно из помещений было забито детской одеждой: пальтишки, брючки, курточки — некоторые с пятнами крови; в другом — ящики, заполненные золотыми коронками и золотыми зубными протезами; в третьем — горы состриженных женских волос. В одной из комнат хранились изящные женские сумочки, бумажники, кошельки, абажуры, умело сработанные из... человеческой кожи. Мы потеряли дар речи. Нас буквально мутило от ужаса и боли при мысли о мучениках, прошедших этот ад.

Конечно, все эти мрачные впечатления, помимо официальных политдонесений командованию, были отражены в наших корреспонденциях, опубликованных на страницах дивизионной газеты.

Весь март и апрель дивизия в составе 4-го Украинского фронта вела тяжелейшие бои в Чехословакии на подступах к городу Морава-Острава. Еще в 1920-х годах здесь, вдоль чехословацкой границы с Польшей, были построены укрепления, не уступающие по мощи линии Мажино. Предстояло преодолеть в условиях горно-лесистой местности и весенней распутицы глубоко эшелонированную оборону противника. Лишь к 30 апреля удалось овладеть этим укрепрайоном и городом. Теперь путь к освобождению глубинных районов страны и ее столицы Праги

был открыт. Москва салютовала войскам фронта, а на знамени дивизии появился еще один орден — орден Ленина. На следующий день пал Берлин.

К тому времени в редакции появился трофейный радиоприемник, и мы могли быть в курсе событий, слушая новости не только из Москвы, но и из Германии, Франции, Англии, в частности передачи радиостанции Би-Би-Си. Где-то 5 или 6 мая услышали сообщение, что немецкая армия прекратила сопротивление, и 8 мая объявлен Днем Победы. Мы были в недоумении. Позже выяснилось, что капитулировала немецкая армия только перед союзниками, а на нашем участке группировка Шернера продолжала оказывать упорное сопротивление советским войскам, препятствуя продвижению к Праге. 9 мая танкисты 1-го Украинского и подвижная группа 4-го Украинского фронтов вошли в столицу Чехословакии. Чешское население встречало нас с восторгом. По пути движения наших войск в населенных пунктах были расставлены столы с угощением, повсюду развевались трехцветные национальные флаги и красные знамена.

Великая Отечественная война завершилась. Для каждого из нас наступил желанный День Победы, о котором мы мечтали и к которому стремились все долгие полторы тысячи дней. Это было время невиданного героизма и самоотдачи, предельного напряжения сил и самоотверженности и, вместе с тем, невосполнимых потерь боевых друзей и соратников. Что касается дивизии, то она прошла славный путь через все военное лихолетье: вела тяжелые бои в отступлении от Риги до Селигера, сражалась в битве за Москву, самоотверженно билась под Прохоровной, принимала участие в освобождении Белгорода и Харькова, Винницы и Львова, гнала фашистов из городов и сел Польши, в ожесточенных схватках с врагом в предгорьях Карпат прошла через Дуклинский перевал, воевала за освобождение Чехословакии, в том числе Моравска-Остравы и Праги. Четырнадцать раз Верховный главнокомандующий благодарил воинов дивизии за мужество и отвагу, четырнадцать раз Москва салютовала ее доблестным воинам. Знамя дивизии украшают ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого. Четырём воинам дивизии было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, двое стали полными кавалерами ордена «Славы», более двух тысяч человек за мужество и отвагу удостоены высоких правительственных наград.

Ангелина Константиновна Гуськова
1924-2015

*Советский и российский врач-радиолог, доктор
медицинских наук, профессор, член-корреспондент
Академии медицинских наук СССР, заслуженный
деятель науки РСФСР*

Из книги В.Г. Криницын «Ангелина. Я счастливый человек», г. Нижний Тагил, 2013 г., 24 с.

Она вспоминала выпускной свой вечер 15 июня 1941 года. В местной газете 24 июня делилась своими впечатлениями о том, что хочется такое чувство близости и привязанности к школе, товарищам, учителям навсегда сохранить в памяти, ведь годы, проведенные в школе, уже никогда не повторятся.

На выпускном вечере они договаривались встретиться 23-го. Но в этот день большинство мальчишек-одноклассников призвал военкомат.

— Ребята наши уже в 41-м почти все полегли. — вспоминала Ангелина Константиновна. — Они были необстрелянные. Из них только Карл Тюриков возвращался ненадолго после ранения...

Судьбы этого юноши и Гели Гуськовой оказались тесно связаны.

«В письмах ничего не говорю о прошедшем, — писал матери Феоктисте Александровне раненый в бою Карл Тюриков, — потому что это излишне, ведь всего не напишешь, а писать «клочками» — всё равно, что совсем не писать... Войну закончим, домой приедем — тогда обо всём зараз и узнаем».

Слова не восемнадцатилетнего мальчика, но мужа. Ему понадобилось всего-то несколько месяцев, чтобы шагнуть во взрослость, достойно перенести, выпавшие тяготы и лишения. После ускоренного курса обучения в Рижском пехотном училище, эвакуированного в Стерлитамак, молодых лейтенантов направили на фронт.

В первых письмах и телеграммах Карла (их со штампом «Проверено цензурой» сохранилось около семидесяти, написаны они с августа 1941 по декабрь 1942 г.). Перед нами предстает начитанный и весьма грамотный юноша. Хорошим литературным языком, порой с неким «подводным» юмором, рассказывал он о том, что с ним произошло, что видел, пережил. Чувствуется: выпускник первого военного года тагильской школы получил отличные знания по русскому языку и литературе. Учился Карл хорошо. Выделял среди девчонок отличницу Гуськову, с фронта часто писал ей письма. В ответе на анкету «Моим однокурсникам к встрече в мае 1986 года» профессор Ангелина Константиновна Гуськова напишет: «Одной любви я и дружбе верна. И вот потому никому не жена».

И хотя Карл утверждал, что в письмах не пишет о прошедшем, но именно из его посланий мы узнаём о том, что воспитывался он без отца, очень любил маму, а она безумно любила его — свою надежду и опору, ни в чём ему не отказывала.

Из писем мы узнаем, что он увлекался фотографией, хорошо играл на гитаре — из госпиталя не выписывали, пока не прошёл гарнизонный смотр художественной самодеятельности. Всем этим в начале учёбы в пехотном училище он пытался заниматься, но очень скоро ему стало не до того. После 12 ноября, в день своего 18-летия, ускоренный курс подготовки среднего состава превратился в сверхускоренный. Только и оставалось, что вспоминать, как он перед призывом в армию безмятежно провел время у бабушки в Алапаевске.

Тюриков службу начнет в Муроме, куда во главе команды из 60 человек пешим порядком прибудет 10 декабря. Здесь его зачислят командиром отделения и направят под Тихвин, а затем на Волховский фронт.

Следующее письмо от сына Феоктиста Александровна получит только через полтора месяца из госпиталя, «...на фронт я прибыл 20 декабря, а 1 января меня ранило пулей в левое бедро и осколком в спину. Пробило лёгкие в этом вся серьёз-

ность положения... Сейчас лежу в Ярославле в эвакуационном госпитале. В дальнейшем должны отправить в глубокий тыл».

Из Ярославля Карл напишет ещё два письма, в которых сообщит, что рана понемногу заживает. А вот весточка из Свердловска 21 февраля для родных стала неожиданностью: «Здравствуйте, всей кучей (ведь вас действительно целая куча). Сбылось моё желание: попал в свердловский госпиталь, т.е. почти домой. А получилось это следующим образом: погрузили меня в санпоезд в Ярославле. Только я успел сесть на койку, как вошел врач 2-го ранга Гуськов (отец Гуси) и спросил у санитаров, сколько еще мест не занято, а меня и не заметил (стоял ко мне спиной). Я говорю: «Здравствуйте товарищ Гуськов», а сам глазам своим не верю, что к нему в поезд попал. Ну, он обернулся и, признав меня, очень обрадовался. От него я сразу узнал обо всём интересующем. Гуся его держит в курсе дел. Ему же я обязан, что нахожусь в Свердловске».

В госпитале его постоянно навещают мама, Гуськова. В двух десятках «свердловских» писем Карл с восторгом общается о встречах, но, ни слова о болячках. «Чувствую себя хорошо, праздник 23 февраля провел весело. Сейчас только что вернулся из операционной. Влили мне двести граммов крови и обещали ещё прибавить, если не начну краснеть, хотя я и пытался растолковать, что бледность свойственна мне».

В общем, госпитальные дни пролетели незаметно. Раны зарубцевались, пора на фронт. Но в письме от 5 июля мы узнаем: «...завтра будет уже три недели, как прошел комиссию, но задерживают в госпитале, потому что идёт подготовка к гарнизонному смотру художественной самодеятельности».

После выписки Карлу дали месячный отпуск. Он побывал в Нижнем Тагиле, в Алапаевске и в санпоезде Константина Васильевича Гуськова, где его совсем не узнали — так он хорошо выглядел. Здесь и получил назначение в Камышлов, на формирование новых воинских подразделений для отправки на фронт.

Уезжал Карл из Нижнего Тагила. «...проводжали мы его с сестрой Танюшей точно там же у заборчика и столба, где когда-то в 41 году проводжали мы его с Вами. — писала Ангелина 13 ноября 1942 года Феоктисте Александровне. — И будем верить, что также счастливо, здоровым и бодрым встретим. А сейчас мама, папа, Танюша и я очень гордимся его мужеством и бодростью, с какими он уезжает на встречу новым ис-

питаниям... С отъездом Карлуши я чувствую, что уехал далеко, самый мой близкий и чуткий друг и мне очень будет не хватать его...»

На фронт лейтенант Тюриков прибыл 17 октября. 19 октября он напишет о том, что изменений в жизни никаких не произошло.

«Радио несет с каждым днём всё новые и новые известия о начале всеобщего наступления, о начале разгрома фашистской армии... Недавно получил письмо от Николая Константиновича. Пишет о своих боевых делах... Прочитал его письмо, вспомнилась боевая жизнь, немножко взгрустнул. Захотелось снова подышать воздухом горячего боя, но пока приходится ждать: работать, учиться, готовить кадры и готовиться к грядущим боям».

10 декабря лейтенант Тюриков отбыл на фронт. В пути следования всегда находил время подать о себе весть. Последнюю открытку от сына Феоктиста Александровна получила 26 декабря 1942 года. «Спешу сообщить, что жив и здоров, чего и вам желаю. Пока всё ещё в дороге. Моё настоящее местонахождение можете найти на карте Союза — станция Алексино. Это место, где дорога на Урюпинск отходит от ветки на Сталинград...»

После этого Карл замолчал. В течение длительного времени, никто не получал от него никаких известий.

— По-прежнему ничего нет от Карлика, — напишет 9 февраля 1943 года Ангелина Гуськова Феоктисте Александровне. — Это очень меня огорчает, и я уже несколько раз писала Вам в надежде узнать что-нибудь новое. Неужели и у Вас нет от него писем после телеграммы о том, что он меняет адрес? Пожалуйста, напишите мне...

9 марта 1943 года Феоктиста Александровна получила известие о гибели сына 20 января возле хутора Филиппенково Каменск-Шахтинского района Ростовской области.

Тело Карла нашел в лесу 13-летний Коля Бородин. У погибшего нашли медальон, в котором были указаны фамилия и домашний адрес.

Такова военная судьба одного из многомиллионной армии защитников Отечества, мужественного, горячо любившего свой дом, своих родных, свою Родину. Не было в его письмах бра-

вады, самолюбования. Неизвестно, рассказывал ли Карл при встречах с родными в свердловском госпитале о пережитом во время атак, бомбёжек... Известно одно — девятнадцатилетний лейтенант погиб в открытом бою и сделал всё, чтобы приблизить победу над врагом.

До самой смерти Феоктиста Александровна берегла письма сына. О чём думала мать, каждый раз бережно перебирая пожелтевшие листочки с родным почерком, нам неизвестно, хотя, конечно, нетрудно догадаться, хранила она в памяти светлый образ сына. Не забывала Феоктисту Александровну и Ангелина Константиновна Гуськова. Несмотря на огромную загруженность, писала письма, поздравляла с праздниками. В одном из своих посланий она напишет: «Мы помним Карлушу, гордимся его мужеством и стойкостью».

Юрий Григорьевич Григорьев
1925 года рождения

Советский и российский ученый, доктор медицинских наук, профессор, почетный академик Академии электротехнических наук РФ.

22 июня 1941 г. началась страшная для нас всех война. Я был пионером и в это время находился в пионерлагере в Пизунде (Крым). 22 июля (через месяц) нас привезли в Москву. Вечером, в день приезда, мама начала купать меня в корыте (ванной не было), но вдруг начался вой сирены — приближались к Москве фашистские самолеты. Мы быстро собрались и побежали в строящееся метро «Новокузнецкая». Немцы бомбили Москву всю ночь. После этой ночи бомбежки продолжались ежедневно, и каждую ночь мы с мамой проводили ночи в метро, спали на нарах. Однако вскоре во время ночных бомбежек мы стали оставаться дома. Я дежурил на крыше, но зажигалки на наш дом не падали.

В августе 1941 г. Папа мне сказал, что жить стало трудно и надо мне работать. Я поступил на курсы электромонтеров и перешел в вечернюю школу. Через два месяца я окончил курсы и с октября месяца 1941 г. начал работать электромонтером в домоуправлении на Зацепе и стал получать рабочую продуктовую карточку (это было очень важно). С октября 1942 г. мой трудовой стаж не прерывался — на сегодня он равен 77 годам.

В течение весны 1942 г. всех моих друзей 1924 г. рождения забрали на фронт. Я принял решение пойти добровольно на фронт (мне было 17 лет). В ноябре 1942 г. я пошел в райвоен-

комат с заявлением отправить меня на фронт. Принял меня пожилой военком. Он спросил меня, что я умею делать, на что я ответил: «Ничего». Я ему сказал, что летом ушел на фронт мой старший брат — врач, я предполагал стать врачом. Военком подумал и предложил мне поучиться один год в военном училище на военного фельдшера, а потом поехать на фронт, уже кое-что умея.

В ноябре 1942 г. меня отправили в Киевское военно-медицинское училище в г. Свердловск (училище в это время было там в эвакуации).

У меня закончилось детство, наступила жизнь взрослого мужчины. К сожалению, я перешагнул через прекрасную пору юношества.

В училище я проучился один год. Нас учили всему: перевязывать раны, вытаскивать раненых с поля боя. Готовили морально и физически. Особенно трудны были так называемые марш-броски: ночь, тревога, несколько минут дается на сборы и в 30-40-градусный мороз бегом в лес, как правило, до вечера. Все курсанты очень старались, так как понимали, что на фронте это будет нужно.

Я часто писал родителям в Москву. Сейчас разыскал свою маленькую фотографию с очень трогательной надписью: «На память дорогим, любимым родителям в знак беспредельной любви к ним. Юрий. 20.03.43».

В октябре 1943 г. окончил училище, получил звание младшего лейтенанта мед. службы и был направлен на фронт.

С ноября 1943 г. Я начал реально участвовать в боевых действиях на фронте.

Первое назначение я получил в военно-полевой госпиталь Западного фронта. Этот госпиталь находился в городе Смоленске. Я прибыл в Смоленск сразу же после его освобождения от фашистов — то, что я увидел, меня потрясло: пожары, большинство зданий разрушено, идут бои вблизи города, перемещается тяжелая техника, к нам везут раненых прямо с передовой. В первый же день я понял, что такое фронт! Через два месяца я заболел брюшным тифом, а после выписки получил назначение в 49-ю армию 2-го Белорусского фронта, служил фельдшером в части специального назначения. Я участвовал в освобождении городов Белоруссии — Могилева, Кричева, Минска. Я был

награжден медалью «За боевые заслуги» и получил благодарственное письмо от командующего войсками 2-го Белорусского фронта маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, получил медаль «За освобождение Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков». Очень горжусь этой медалью.

В белорусских лесах нам навстречу выходило очень много партизанских отрядов. Встречи были очень трогательные. Наша армия быстро продвигалась на Запад, мы вскоре пересекли польскую границу.

В мае 1944 г. Меня вызвали в штаб и предложили поехать в Ленинград поступать в Военно-медицинскую академию. Конечно, я согласился: мелькнула надежда получить высшее образование. Быстро оформил проездные документы и двинулся в путь.

В последующем меня потрясло, что 25 ноября 1942 года (это не ошибка — 1942 года!) было Постановление Государственного Комитета Обороны за подписью И. Сталина о реорганизации Военно-медицинской академии им. Кирова с определением места расположения г. Ленинград. Было приказано набрать 500 студентов до 1 июля 1943 года. Вот в этот набор я и попал (набирали фронтовиков).

До Москвы добирался попутным транспортом — самолетом. До полевого аэродрома ехал на попутных грузовиках. На польской территории мне пришлось «стрельнуть» телегу. На хуторе поляк не хотел запрягать лошадь, но под мои пистолетом он согласился (я имел личное оружие — пистолет системы «браунинг»). Я всю дорогу до военного аэродрома держал руке заряженный пистолет. Я тогда не понимал, что ради спасения своей лошади поляк в пустынном поле мог меня убить, и никто бы не спохватился.

До Москвы я летел транспортным самолетом вместе с грузом, но был счастлив, что через несколько часов буду в Москве, дома. Приземлился на Центральном аэродроме Москвы и трамваем быстро доехал до Новокузнецкой улицы, где жили мои родители. Обилие света и ритм жизни меня привели в «одуревшее» состояние после фронтовой обстановки и на моих глазах появились слезы.

Мне дали две недели отпуска, но вместо отдыха, естественно, я получил мощную мозговую атаку. За мамой были русский

язык и литература. В течение двух недель я писал диктанты, происходил разбор ошибок. Обсуждались возможные варианты сочинений. За папой были математика, геометрия, тригонометрия и физика. Решал многочисленные задачи по математике и физике, повторял теоремы. Папа отрабатывал со мной универсальные методы решения задач. Работ шла ежедневно 9 часов утра до 9 вечера. Это был очень важный период в моей жизни: он обеспечил мне успешную сдачу вступительных экзаменов в Академию и выполнение моей мечты — стать врачом!

Через две недели я прибыл в Ленинград, сдал все документы, и мандатная комиссия допустила меня к подготовке к экзаменам. Я был зачислен в учебный центр. Подавляющее большинство слушателей подготовительного курса были фронтовики различных возрастов. Командование академии понимало, что абитуриенты 1944 г. не смогут с ходу сдать приемные экзамены. От школ до этих экзаменов их разделяли не только расстояние и время — между ними была война. Поэтому две недели нам дали отдых, после чего были организованы учебные сборы, плановые занятия с преподавателями. В течение двухлетних месяцев проводились регулярные занятия с нами по всем экзаменационным предметам.

Переключение от фронтовой жизни к учебному процессу в условиях относительно мирной жизни в Ленинграде было очень трудным и предъявляло большие требования к самодисциплине. С одной стороны, являлось необходимым все время отдавать силы учебному процессу. С другой стороны, был совершенно другой, довольно «жесткий» режим жизни на подготовительном курсе — работа по ночам по разгрузке угля и бревен, а днем занятия (впереди вступительные экзамены!), строевая подготовка и построение личных отношений между абитуриентами, желание поехать в город на танцы и т.д. Все это требовало высокого эмоционального напряжения. Теперь я понимаю, что мы все находились в состоянии глубокого стресса.

В сентябре начались вступительные экзамены. Экзаменов было восемь: русский язык (диктант), литература (сочинение и устно), математика (алгебра, геометрия и тригонометрия) письменно и устно, физика, химия, история СССР и ВКП(б), иностранный язык (по выбору). Экзамены проводились с 1-го по 20-е августа. Это было настоящее испытание! О сдаче каждого

экзамена я телеграфировал в Москву родителям. Все экзамены я сдал достаточно успешно и получил общий балл 4,6. Этот балл был «проходной», и я был зачислен слушателем 1-го курса Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

Вот какую телеграмму я послал родителям: *«Дорога в жизнь открыта приказом зачислен слушателем академии занятия первого октября целую Юрий»*. Я сделал реальный шаг к оправданию надежд моих родителей.

Галина Андреевна Шальнова
1927-2019

Доктор медицинских наук

Из книги Шальнова Г.А. Виденное и пережитое (Люди, судьбы, время, встречи, нравы). 2-е изд. — М. 2015. — 544 с., ил. ISBN 5-978-99823-024-8

Начало войны в 1941 г. застало нашу семью на даче под Москвой, переезд на которую состоялся 6 июня. Папа нанял грузовик, в кузов погрузили вещи, туда же сели мама и я с братом, а папа ехал в кабине с шофёром, показывая ему дорогу. В пути вдруг повалил обильный крупный снег. Когда мы приехали на дачу, увидели необычную картину: вся зелень — трава, листья на деревьях и кустарниках, все дорожки покрыты слоем снега, который к вечеру растаял.

22 июня по радио⁶ услышали выступление Молотова о нападении фашистов на нашу страну. У всех взрослых сразу же

⁶ «Внимание! Говорит Москва! Граждане и гражданки Советского Союза! Передаём заявление советского правительства. Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие».

Весть о начале войны объявил по Всесоюзному радиодиктор Юрий Левитан. Те, кто слышал то сообщение, никогда не забудут его тревожный и суровый голос. Такого не было в истории мировой культуры ни до, ни после: «всего лишь» радиодиктор стал всемирно знаменитым наряду с Лемешевым, Козловским и др.

возникло множество вопросов, в том числе продовольственных. В первые же дни во всех магазинах стали скупать могущие долго храниться товары: соль, сахар, спички, мыло, муку, сахар и пр.

Наша дача находится в 25 км от Москвы по Ярославскому направлению, близ станции Болшево. Предыдущая остановка — станция Подлипки-Дачные. Там располагается небольшой город, получивший ещё до войны название Калининград. С 1966 г. это город Королёв, где функционирует Центр управления космическими полётами; ранее его называли «хозяйством Королёва».

В Калининграде существовал, как говорили, военный завод. Когда в июле 1941 г. начались налёты фашистской авиации на Москву, некоторые самолёты подлетали к ней с востока, и мы имели возможность наблюдать это. Народ предполагал, что цель фашистов — бомбить «орудийный» завод, но ни одной бомбы в нашем районе сброшено не было.

Вся история Великой Отечественной связана с голосом Левитана, звавшим в бой за Родину, множившим скорбь по погибшим и ликование от побед над супостатом. «В то воскресное утро двадцать второго июня я был дома, — вспоминал Юрий Борисович. — Вдруг звонок: «Срочно, немедленно приезжайте на работу». Голос очень тревожный. Что там могло произойти? Я тут же помчался в Радиокomiteт. Меня поразили лица сослуживцев — растерянные, мрачные, суровые. Кто-то из женщин плакал. И только тут я впервые услышал слово, которое перевернуло жизнь миллионов людей, перечеркнуло их планы, надежды, мечты: «Война». Именно мне выпало читать трагическое сообщение о нападении фашистской Германии. Невыносимой, почти физической болью отзывалось в душе каждое произносимое мною слово. Но я понимал, что текст нужно прочитать так, чтобы в голосе прозвучали и ненависть к врагу, и гнев, и мужество перед нагрянувшей бедой, и очень старался не отступить от нужной интонации».

Геббельс обещал двести тысяч марок тому, кто доставит Левитана живым в Берлин. Не сомневаясь в начале войны в своей победе, хотел, чтобы мир узнал о ней из уст Левитана. Когда же фашисты поняли, что диктора №1 Советского Союза выкрасть им не удастся, было принято решение его уничтожить. Летом 1941-го полутонная бомба упала во двор Радиокomiteта, и немецкое радио поспешило сообщить: «Большевистский радиоцентр разрушен! Левитан убит!» Гитлеровцы поторопились: бомба угодила в канализационный люк и не взорвалась. Не прошло и четверти часа, как в эфире вновь зазвучал голос Левитана. 9 мая 1945 года в 21 час. 55 минут Левитан произнес: «Говорит Москва — Фашистская Германия разгромлена».

За три года до смерти Юрию Левитану было присвоено звание народного артиста СССР. А до этого никому как-то не приходило в голову — какой это великий артист.

Все жители нашего посёлка на своих дачных участках вырыли траншеи, куда отправлялись при начале фашистского налёта, захватив с собой заранее приготовленные и упакованные в узлы и чемоданы самые необходимые вещи. Из траншеи было хорошо видно, как фашистский самолёт идёт с востока. Его ищут прожектора и, наконец, он оказывается в перекрёстке нескольких лучей и так летит, ярко освещённый, сопровождаемый гирляндой трассирующих снарядов.

Картина при всей её трагичности, очень красивая. Дальнейшая судьба этих самолётов нам неизвестна. И так происходило в июле — сентябре каждую ночь. По соседству с нашим посёлком на колхозном поле расположили зенитную батарею, которая начинала стрельбу, как только в небе появлялись вражеские самолёты. А утром мы собирали по всей окружающей территории, в том числе на дачных участках, разбросанные осколки снарядов, некоторые из которых имели довольно внушительные размеры. Таким образом, у каждого собиралась большая коллекция осколков. Команда зенитной батареи поселилась в нашем посёлке в одной освободившейся к тому времени даче, которая, в конце концов, сгорела из-за небрежного обращения с куревом.

Произнесённую по радио в июле речь Сталина слушали с огромным вниманием и надеждой. Все были воодушевлены, что наконец-то вождь заговорил и не оставляет народ без внимания. Конечно, всех подкупило обращение: «Братья и сёстры».

Стало известно, что 1 сентября школы в Москве не откроются, а когда начнётся (и начнётся ли) учебный год, неизвестно. Мой брат должен был идти в 1-й класс, а я — в 7-й, выпускной. В нашей семье решили, что мама с братом остаются на даче до первых морозов, а я с папой перебираюсь в Москву. Папа устроил меня в школу рядом со станцией Лосиноостровская, которая открылась 1 сентября. Но начались постоянные налёты на Москву, количество их и продолжительность объявляемых воздушных тревог увеличилась, они стали происходить и днём. Расписание электричек нарушилось. Из-за этого я часто задерживалась с возвращением домой, а однажды приехала поздно вечером. И тогда папа решил, что мне ежедневно уезжать из Москвы опасно, и моя учёба в Лосиноостровской школе закончилась. А вскоре в Москву возвратилась мама с братом, и семья вновь объединилась.

Продуктовые карточки

В Москве объявили военное положение и комендантский час, когда на улице нельзя находиться с 24-х до 6-ти часов, ввели карточки на продукты питания, которые отоваривались повременно (на ближайшие 7-10 дней, а не сразу на месяц). Введённая карточная система имела несколько градаций, которые по-разному (качественно и в разных продовольственных магазинах, куда прикрепляли обладателей карточек) обеспечивались продуктами.

Карточки имели следующие градации (по нисходящей): литеры А и Б (высшие лиги), рабочие, служащие, детские, иждивенческие (самая низкая ступень). В некоторых случаях работающим выдавали ещё карточки УДП (усиленное дополнительное питание), по которым можно было пообедать (закуска: квашеная капуста, суп-похлёбка и имитация второго блюда), а народ называл эти карточки «Умрёшь днём позже». В зависимости от того, какие карточки выдавали, обладателей их называли так: литер *а* — литераторы, литер *б* — литербеторы, УДП — удепеторы, иждивенческие — коекакеры.

Мой папа получал карточки литер *б* и был прикреплён для получения продуктов в магазине на Калужской улице (ныне Ленинский проспект), куда прикрепляли работников Академии наук. Снабжение в этом магазине было лучше, чем в большинстве магазинов. Иногда на рыбные карточки в двойном количестве можно было взять красную икру (до войны она была, как и крабы, дешёвой и в изобилии), а вместо сахара — тоже в двойном количестве — финики. Мама считала это выгодным и более полезным и всегда брала икру вместо рыбы и финики вместо сахара. Несколько финиковых косточек мы посадили в цветочные горшки, они все проросли, мы их раздали, а один росток оставили себе. Теперь он превратился в большую пальму — украшение нашей квартиры и воспоминание о войне.

Эвакуация

Из Москвы началась эвакуация государственных учреждений, заводов, фабрик, учреждений науки и культуры. Кроме того, эвакуировались граждане по собственной инициативе. Временной столицей СССР стал город Куйбышев (Самара), куда перебазировались все главные правительственные учреждения, а также некоторые другие, например Большой театр.

Моему папе, который был тогда заместителем директора Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева Академии наук, была поручена организация эвакуации Президиума Академии наук, а также своего института. Последняя проходила в два этапа: сначала отправилось оборудование и большинство документации и дел института, которые сопровождала первая партия сотрудников с семьями и их пожитками. Место эвакуации — г. Сыктывкар (Республика Коми). Папа должен был возглавить второй эшелон с остатками имущества института и оставшимися сотрудниками с семьями и их пожитками, в том числе и нашей семьёй. Основная часть нашего имущества отправилась с первым эшелоном. Остальные, готовые к отъезду вещи, были запакованы и так же, как и мы, ожидали нашего отправления. Но 15 октября папе объявили, что никакого транспорта для эвакуации не будет, и предложили уходить из Москвы на восток пешком по шоссе Энтузиастов! Папа не мог бросить семью, а мы — мама, мой семилетний брат и я — идти пешком не могли. Но папа был твёрдо уверен, что Москву фашистам не сдадут. Так мы и остались в Москве со своим готовым к отправке имуществом, в таком виде пролежавшем до конца войны, и всю войну прожили в Москве. Мои воспоминания об этом времени включены в документальный фильм А. Пивоварова «Москва. Осень. 41-й», неоднократно показанный на канале НТВ.

16 октября 1941 года⁷

Утром по радио объявили, что положение на фронте значительно ухудшилось. Несмотря на то, что голос Левитана, сообщавший об ухудшении положения на фронте, прозвучал

⁷ Есть даты, которые афишировать не принято, но тем не менее в эти дни происходили события, которые могли круто изменить историю. К таким датам и относится эта, так как она во многом проясняет состояние советского общества тех дней. В этот день Германия как никогда была близка к победе во Второй Мировой войне, по крайней мере над Советским Союзом. Долгие десятилетия советские и партийные власти тщательно скрывали масштабы беспорядков и паники, царивших в столице в начале октября 1941 года, когда немецко-фашистские части подошли к Москве. О некоторых событиях того времени можно судить на основе рассекреченных документов архива социально-политической истории.

У Жукова, назначенного 10 октября новым командующим Западным фронтом, под рукой остались лишь несколько наспех сколоченных дивизий,

строго, но не трагически, в Москве началась паника, которую ощутили даже дети. На бытовом уровне она проявилась так. Пишу лишь о том, чему сама являюсь свидетелем.

Первое, что я увидела 16 октября, выйдя из подъезда дома, это летающие обгорелые клочки бумаги — остатки сожжённых бумаг (документы, книги, рукописи). Остатки костра находились у помойки в глубине двора. Рядом стояли в большом количестве полные собрания сочинений Ленина, Сталина, книги Маркса, Энгельса и др., аккуратно сложенные в стопки, а также гипсовые бюстики вождей и их портреты. Видимо, люди, которым некуда было бежать, уничтожали следы своего отношения к коммунистической идеологии.

которыми можно было прикрыть основные дороги, но о создании сплошного фронта речи не шло. Началом событий послужил приказ, отданный главным квартирмейстером немецкой армии 10 октября 1941 года. В нем детально расписали места расквартирования немецко-фашистских войск в Москве. Этот приказ немцы специально напечатали на листовках и разбросали его с самолётов. В течение суток этот приказ стал известен всему населению Москвы и пригородов.

14 октября было решение ГКО ускорить массовую эвакуацию предприятий и учреждений, а также населения Москвы и области, не занятого на производстве оборонного значения. 15 октября Госкомитет обороны принял специальное постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». В нем предписывалось в срочном порядке, «сегодня же», эвакуировать из Москвы в Куйбышев целый ряд учреждений. Предполагалось осуществить эвакуацию в строгом порядке, однако город быстро охватила паника, распространялись нелепые и неправдоподобные слухи. Говорили, что в город на отдельных направлениях уже прорвались немецкие мотоциклисты с пулемётами. Паника породила неразбериху, мародерство, резкий всплеск бандитизма, грабежей, хищений. Ярko проявилась трусость ряда руководящих советских, партийных и хозяйственных работников.

Хотя до сдачи Москвы дело не дошло, чекисты предусмотрительно готовились к худшему варианту. На небольшие фабрики, в артели, на маленькие заводы, в кооперативные организации с подложными документами срочно внедрялись сотрудники НКВД. Им предстояло организовать подполье в столице. Несмотря на рассекречивание ряда документов полной картины событий, происходивших в столице в середине октября 1941 г., представить невозможно. Некоторые данные никогда не будут рассекречены, так как они представляют собой государственную тайну, например сведения, связанные с секретными линиями метрополитена и проводившимися на них мероприятиями. А некоторые документы были специально уничтожены, поскольку партийно-советским властям было невыгодно показывать себя не способными сохранить порядок в столице.

Интересно, что в это время работали дворники, так как все выброшенное было сложено в кучи, перед тем как отправлено в костер. Когда я вышла на улицу, запорошённую снегом (зима в этом году пришла рано), меня поразило большое число идущих людей с рюкзаками. Запомнила женщину, у которой к рюкзаку была привязана большая алюминиевая кружка. По улице ехали грузовики с людьми в кузове. В продуктовых магазинах отоваривали карточки за весь месяц (обычно отоваривание происходило постепенно, на 7-10 дней, а некоторые продукты выдавали только 2 раза в месяц).

Моя мама пошла в магазин и ей на наши 5 карточек (с нами тогда жила жена моего дяди-фронтовика) на мясные талоны за весь месяц продали 100 котлет! В гастрономе №1 «Елисеевском» до этих «панических» дней можно было кое-что купить и без карточек. Во время паники народ ринулся туда, скупая крупы, мыло, соль, спички. Мы с мамой стояли в очереди в бакалейный отдел, а перед нами был мужчина. Наряду с другими товарами он заинтересовался какими-то пакетиками. Продавец объяснил, что это ванилин. Мужчина понюхал, сказал, что они хорошо пахнут, и взял 100 штук.

Говорили, что некоторые магазины оказались брошенными и разграбленными. То же было и со складами. Говорили также, что многие представители власти и начальство различных рангов некоторых учреждений оставили свои кабинеты, взяли казённые машины и покинули и свои посты, и саму Москву. В эти дни я не видела на улице ни одного милиционера.

Для меня до сих пор загадка, почему немцы не взяли почти голыми руками брошенную начальством беспомощную столицу. Ведь они стояли так близко от Москвы, видели её в бинокли и, конечно, знали, что в городе паника, беспорядок и, по существу, безвластие. Но довольно быстро всё нормализовалось, и жизнь вошла в колею прифронтового города.

Неизвестный Парад (7 ноября 1941 г.)

Парад состоялся на Красной площади, как всегда в этот день. Его транслировали по радио (телевизоров тогда не было) и все с трепетом слушали речь Сталина на нём. Это был, конечно, очень мудрый акт, исключительный по своей патриотичности и ободряющему влиянию на всех людей, военных и население и веры в победу.

Накануне, 6 ноября, я, проходя по улице Горького (Тверская), обратила внимание на усиленное патрулирование около входа на станцию метро «Маяковская». Пассажиров туда не пускали. А на следующий день стало известно, что на этой подземной станции проходило очередное праздничное собрание руководства страны, посвящённое 44-й годовщине Октября.

О параде 7 ноября 1941 г. и сопровождавших его событиях написано многое, особенно живописны были рассказы о сибирских дивизиях и танках, сразу после торжественного марша пошедших на фронт. Между тем масса интересных подробностей осталась за кадром официальной истории и стала известна лишь недавно. Канун 24-й годовщины Октября москвичи встречали на осадном положении, опасаясь, что германские войска, находящиеся уже на ближних подступах к столице, сумеют сделать последний рывок. Начавшееся ещё 16 октября бегство из Москвы породила массу слухов, в том числе и о том, что Сталин и его ближайшие соратники по Политбюро покинули Москву.

Чтобы развеять слухи об эвакуации высшего руководства, Сталин решил, как обычно, провести торжественное заседание Моссовета. Однако, ввиду возможных налётов германской авиации, это заседание проходило не в уже заминированном Большом театре, а на платформе метро «Маяковская». Сталин обратился к участникам с речью. Главной причиной неудач первого периода войны он назвал «недостаток у нас танков и отчасти авиации... самолётов пока у нас ещё меньше, чем у немцев. Однако наши танки по качеству превосходят немецкие. А наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии... Не может быть сомнения в том, что в результате четырёх месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только разворачиваются в полном объёме». В заключение Сталин сказал, что разгром германской армии близок.

Ещё большие сложности и опасения, чем заседание в метро, вызвало проведение традиционного парада на Красной площади. Боялись бомбардировки Москвы. Однако ещё днём 6 ноября военные метеорологи сообщили, что 7 ноября будет отмечено сильным снегопадом и пургой, поэтому вражеской авиа-

ции бояться не следует. Беспрецедентными были и меры безопасности: даже у бойцов частей, следующих вскоре на фронт, были на всякий случай отобраны патроны, не говоря уже о танковых и артиллерийских снарядах.

Командовал парадом командующий Московским военным округом генерал Павел Артемьев, человек надёжный и проверенный, несколько лет до этого командовавший дивизией НКВД имени Дзержинского, принимал его маршал Семен Будённый. Напутствовал уходящие с парада на фронт войска И.В. Сталин.

Наконец, в последний момент перенесли время начала парада: с привычных 10 утра на два часа раньше. Интересно, что оркестром на этом параде руководил Василий Агапкин, автор знаменитого «Прощания славянки». Увлечшись, он стоял неподвижно, и поэтому, когда сводный оркестр должен был освободить место, не смог сойти с деревянной маленькой трибуны. Как вспоминал впоследствии сам дирижёр: «Пора мне сходить с подставки, хотел было сделать первый шаг, а ноги не идут. Сапоги примёрзли к помосту. Я пытался было шагнуть более решительно, но подставка затряслась и пошатнулась. Что делать? Я не могу даже выговорить слова, так как губы мои замёрзли, не шевелятся». Подбежавшие музыканты сняли дирижера с трибуны и под руки довели его к зданию ГУМа, где и оказали помощь.

Торжественный марш открыли курсанты миномётного училища и училища имени Верховного Совета, за ними проследовали стрелки 322-й Ивановской и 2-й Московской дивизий, дивизия имени Дзержинского, полк бригады особого назначения. Далее всё шло более или менее обычным порядком: кавалерия, артиллерия, танки. Сталин хотел, чтобы в параде участвовал хотя бы батальон самых мощных наших танков — «КВ». Так как снимать действующие на фронте танки было нельзя, Сталин предложил вывести на парад часть, прибывающую из резерва или с завода. Но дело оказалось довольно сложным: не все предприятия доехали из своих прежних мест в эвакуацию, а 30 «КВ» дожидались в Челябинске стартёров.

Помогла находчивость одного из замов наркома танковой промышленности Зальцмана, предложившего установить их во время следования боевых машин по железной дороге. Все обошлось удачно.

Но, наверное, самая интересная история произошла со съёмками парада. Его время и место проведения были засекречены. Парад в мирное время обычно начинался в 10 утра, и ассистенты подъехали, как обычно, к 8, чтобы смонтировать аппаратуру. Однако к этому моменту все высшие руководители во главе со Сталиным уже были на Мавзолее, а войска готовились к началу движения.

Ассистенты начали снимать, не успев наладить синхронную звукоаппаратуру. Когда приехали кинооператоры и начали снимать, парад уже завершился (он длился 25 минут), площадь и Мавзолей опустели, следы ног, копыт, колёс и гусениц были уже занесены снегом. Через некоторое время к подавленным операторам, мысленно видевшим себя в следовательских кабинетах и за колючей проволокой, подошёл генерал НКВД Кузьмичев: «Правительство знает, что не по вашей вине речь товарища Сталина не снята, а по вине наших органов, которые не предупредили вас об изменении времени начала парада».

Вскоре операторам сообщили, что Сталин придаёт очень большое значение трансляции своего выступления на Красной площади и предлагает снять его синхронно второй раз. Повторная съёмка на трибуне Мавзолея исключалась, и тогда кто-то предложил построить в Большом Кремлёвском дворце фанерный макет трибуны Мавзолея, покрасить его под мрамор, а для того, чтобы у зрителей не возникало сомнений в подлинности съёмки и у Сталина во время речи шёл пар изо рта, в БКД открыли все окна. Однако, как ни остужали зал во время съёмки, пар изо рта не выходил, но зрители и американские киноакадемики не заметили этого. На трибунах по обе стороны Мавзолея, помимо рабочих и служащих, находились аккредитованные в столице корреспонденты иностранных газет. Кадры парада и смонтированная речь Сталина вошли в документальный фильм Леонида Варламова и Ильи Копалина «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», получивший в 1942 г. «Оскар» за лучший иностранный фильм.

Как мы жили в военное время в Москве

Военная Москва в первый год войны описана многими очевидцами и запечатлена на картинах и фотографиях. Но я хочу рассказать о собственных впечатлениях и наблюдениях.

Улицы даже в центре города были тёмными, практически все не освещались, снег на улицах не убирался, везде стояли сугробы, на окраинах города появились так называемые «ежи». Большие стеклянные витрины магазинов завалили мешками с песком, в небе постоянно находились цилиндрической формы аэростаты, многие здания и памятники замаскировали (например Большой театр), окна в домах крестообразно заклеивали бумагой, а на ночь их тщательно закрывали плотной тканью или одеялами, чтобы не проникал даже лучик света, за чем постоянно следили дежурные во дворах и патрули на улицах.

Дома не отапливались, газ и воду подавали эпизодически и на очень короткое время. В квартирах жители устанавливали небольшие металлические печурки «буржуйки», трубу от которых выводили на улицу из форточек. У всех всегда был запас воды в различных ёмкостях, в том числе в ваннах. Воду собирали, как только её включали. «Буржуйки» служили не только для обогрева и приготовления пищи. На них укладывали кирпичи, которые нагревались и ими перед сном обогревали постели, а потом они выполняли роль грелки. Как приятно было лечь в утеплённую постель и согревать ноги о горячий кирпич. И как же он был неприятен к утру, когда охлаждался.

Электричество включали очень редко, не каждый день, в полнакала и очень ненадолго. Поэтому для освещения у всех имелись «коптилки», заменяющие лампы. Этот «прибор» таков: в маленькую баночку, например из-под горчицы, наливали керосин (в то время это тоже большая ценность и дефицит), накрывали крышечкой из толстой бумаги, картона или фольги, в ней проделывали дырку, через которую пропускали ватный или марлевый фитилёк, и источник света готов.

Взрослые жители домов ежедневно по графику с наступлением комендантского часа дежурили во дворах и на крышах домов для уничтожения зажигательных бомб, так называемых «зажигалок», которые обильно сбрасывали на Москву. Мои родители, конечно, тоже участвовали в этих дежурствах, но детей, к этому делу не допускали.

После 16 октября Москва заметно опустела. Число прохожих на улицах существенно уменьшилось. Налёты на Москву не только продолжались, но частота их увеличивалась. Тревогу объявляли по несколько раз в день и каждую ночь. Её начало

сопровождалось рёвом сирен. Во время тревоги нельзя было ходить по улицам, всех отправляли в бомбоубежище. Тревоги продолжались иногда по несколько часов. Люди пообвыкли и, уже не страшась, старались проскочить по улицам по своим делам, рискуя быть пойманными дежурными и направленными на несколько часов в ближайшее бомбоубежище до отбоя. На ночь многие с вечера уходили со своими вещами ночевать в бомбоубежище своего дома, а также на станции метро.

А сколько радости было, когда в первых числах декабря по радио объявили о наступлении наших войск под Москвой. Настроение у всех поднялось, жить стало веселее, хотя все тяготы военной жизни оставались. Уже в начале 1942 г. обстановка в Москве стабилизировалась, город перестал быть прифронтовым, установился особый уклад жизни. Открылись называемые консультпункты — замена школ для выпускников 7-х и 10-х классов, активно функционировали кинотеатры, начали давать спектакли некоторые театры — Филиал Большого (тогда ему ещё принадлежало здание на Б. Дмитровке бывшей частной русской оперы Зимина, теперь это театр Оперетты), Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. В спектаклях участвовали артисты, по той или иной причине, оставшиеся в Москве.

Культурная жизнь в военной Москве

В первые суровые военные годы, несмотря на установленный комендантский час, в Москве продолжалась культурная жизнь. И хотя всем жителям в обязательном порядке было предписано сдавать любые радиоприёмники (наш мы сдали на Главном телеграфе, а после окончания войны его вернули), главным рупором и источником новостей были чёрные репродукторы, так называемые «тарелки». Передавали все последние известия, детские и музыкальные передачи, драматические произведения, чтение стихов и рассказов, передачи опер и оперетт. И это было регулярным. Голоса Юрия Левитана и других замечательных дикторов воспринимались всегда с трепетом, надеждой, а в конце войны с радостью и гордостью.

Кроме радиоприёмников население обязали сдавать в первую очередь транспортные средства — автомобили (они были у очень небольшого числа жителей), мотоциклы, велосипеды.

Несколько слов о театральной жизни военной Москвы. Как я уже говорила выше, уже в 1942 г. начали свою работу Филиал Большого театра и Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. Спектакли ставились каждый день, проходили днём и начинались в 12-14 часов (позднее с 16 часов), чтобы к началу вечерней воздушной тревоги, продолжавшейся, как правило, с вечера всю ночь, люди добрались до дома. Нередко спектакль прерывался, занавес закрывался, выходил дежурный и объявлял о воздушной тревоге, приглашал зрителей в бомбоубежище и сообщал, что прерванный спектакль или будет продолжен или повторится вновь на следующий или какой-либо другой день.

Трагико-комический случай, чему я оказалась свидетелем, произошёл с представлением оперетты «Корневильские колокола» в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Из-за воздушной тревоги, начавшейся во время последнего акта, спектакль повторяли 3 раза, но, в конце концов, показали только один последний акт. Как-то на представлении этой оперетты, кстати, тоже прерванный воздушной тревогой, присутствовал любимец публики великий певец С.Я. Лемешев с женой. Они сидели в середине партера. Во время антракта почти все зрители собрались вокруг них и с обожанием их рассматривали. Я видела, как Сергей Яковлевич сделал попытку выйти из окружения, но тщетно, и покинул зрительный зал только при объявлении тревоги. Частые объявления тревоги и последующий её отбой обыграли на представлении в Филиале Большого театра во время спектакля «Севильский цирюльник». Когда к дому доктора Бартоло пришёл под видом солдата граф Альмавива и громко застучал в дверь, хозяин спросил у находящегося у него Базилио: «Это тревога?», на что получил ответ: «Нет, это отбой», что вызвало гром аплодисментов в зале.

Уровень спектаклей в московских театрах даже в первые годы войны был очень высоким. Достаточно назвать имена солистов. В Филиале Большого театра пели С.Я. Лемешев, Е.К. Катульская, И.П. Бурлак, Е.А. Степанова, Б.Ф. Бобков, А.А. Бышевская, Н.Ф. Чубенко, Ф.С. Петрова, Д. Головин, Н.С. Ханаев, Юдина, Савранский, Малышев и другие прекрасные певцы. В балетных спектаклях выступали М.Т. Семёнова, О.В. Лепешинская, А.М. и С.М. Мессереры. В Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко солировали

Н.Ф. Кемарская, В. Канделаки, С. Ценин, Т. Янко, танцевали Т. Бовт и другие не менее замечательные певцы и танцоры.

Почти всеми спектаклями в филиале Большого театра дирижировал С.С. Сахаров. Репертуар этих театров был отличным. Исполняли не только старые постановки опер, балетов и оперетт, но регулярно проходили премьеры новых спектаклей. Перечислю только некоторые. В Филиале Большого шли оперы «Евгений Онегин», «Демон», «Севильский цирюльник», «Тоска», «Риголетто», «Дубровский» и др., балеты «Баядерка», «Копеллия», «Тщетная предосторожность», позднее «Дон Кихот» и «Лебединое озеро». В театре им. Станиславского и Немировича-Данченко — оперетты «Перикола», «Корневильские колокола», «Прекрасная Елена», балеты «Штраусиана», «Доктор Айболит» и др.

И всегда театры были переполнены. Во второй половине войны в Москву стали возвращаться некоторые учреждения и предприятия, а также театры, в которых наряду с классическим репертуаром шли современные пьесы на военную тему. Мне особенно запомнились «Фронт» Корнейчука во МХАТе с И.М. Москвиным и Б.Н. Ливановым в главных ролях и «Нашествие» Леонова в Малом театре.

Из-за того, что 1941-42 гг. школы не работали, мы, дети — подростки, имели возможность посещать театр каждый день, тем более что билеты были дешёвыми. Будучи свободными от ежедневного посещения школы, мы являлись, в том числе добытчиками билетов в театры. В определённый день в кассах театров шла предварительная продажа билетов на ближайший определённый срок. Мы покупали билеты целыми рулонами на все дни и на все спектакли не только для себя, но и на своих знакомых и родных. Для себя мы брали самые дешёвые билеты — входные, без указания места. Поэтому приходили в Филиал Большого к началу пуска зрителей в театр, то есть за 1 час до начала представления. Раздевшись в гардеробе (в Филиале Большого было тепло, но театр им. Станиславского и Немировича-Данченко не отапливался и зрители сидели в пальто), мчались на верхний ярус занимать места в проходах, на лестницах, у барьеров рядом с сидячими местами.

Каждый раз приход в филиал Большого был очередным праздником: мы оказывались в тёплом, ярко освещённом кра-

сивом зрительном зале, где вскоре зазвучит прекрасная музыка. А в антрактах по очереди бегали в буфет, где без карточек по дешёвке можно было купить бутерброды с колбасой и крабами, а в захваченный с собой бидон — суфле — сладковатую молокообразную жидкость. И продукты на ужин готовы!

Моя мама из суфле готовила кисель, добавляя вместо сахара сохранившийся у неё со времён Гражданской войны сахарин. А поскольку он пролежал забытым в дальнем углу большого буфета, в него попали кристаллы здесь же находившегося марганцово-кислого калия. В результате кисель из суфле имел приятную ярко-розовую окраску, сладкий вкус и обладал дезинфицирующими свойствами.

А крабы в предвоенные и ближайшие послевоенные годы не представляли собой особого деликатеса и дефицита, и были дешёвыми. Во всех продовольственных магазинах стояли горки банок с крабами в собственном соку. На многих домах красовалась реклама с таким изречением: «Всем давно бы знать пора бы, как вкусны и нежны крабы». А рядом находилась ещё одна популярная реклама — на фоне милого девичьего лица слова: «Я ем повидло и джем».

Помню ещё один военный деликатес. Кто-то привёз папе в подарок из Средней Азии фиолетовый лук. Лук, как и все другие овощи в те времена представлял собой жуткий дефицит. А тут ещё невиданный — фиолетовый, о котором мы ничего не знали и не видели. Мама нарезала его кругами, посолила и залила рыбьим жиром — нашим детским лекарством (он свободно продавался в любом количестве). Кушанье нам показалось царским и вкуснейшим.

На спектакли в филиал Большого театра⁸, начинавшиеся днём, в летний сезон я нередко приносила с собой захваченные

⁸ После того как 28 октября 1941 г. в 4 часа дня прорвавшийся к Москве бомбардировщик сбросил на Большой театр 500-килограммовую бомбу, коллектив Большого театра эвакуировали в Куйбышев (Самару). В эвакуации коллектив работал год и 9 месяцев. Здесь 5 марта 1942 г. впервые в стране оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда исполнил Седьмую симфонию Д. Шостаковича. Исполнение симфонии стало выдающимся событием в музыкальной жизни страны и всего мира.

Бомба, сброшенная на Большой театр, прошла между колоннами под фронтоном портика, пробила фасадную стену и разорвалась в вестибюле. Полностью разрушенными оказались скульптуры в нишах, лепнина, капители колонн портика, дубовые двери, оконные рамы, художественные торше-

с утра на даче небольшие (по выражению папы, «интеллигентные»), завёрнутые в газету свёртки с напиленными заранее папой короткими полешками для нашей буржуйки, которые сдавала в гардероб. Запас дров, привезённый с дачи, хранился в комнате нашей квартиры.

На всех театральных спектаклях всегда было много народу, залы переполнены, среди зрителей немало военных, особенно к концу войны. Тогда же появились англичане и американцы, число которых по мере приближения окончания войны

ры. Была пробита и частично обрушилась стена главного фасада, разрушено перекрытие портика главного входа, обрушилось перекрытие вестибюля, повреждены балюстрада и ступени парадных лестниц, появились трещины на своде главного фойе, повреждена штукатурка, живопись свода и стен, появилась мелкая сеть трещин на плафоне зрительного зала. Воздушной волной были выбиты все стекла, разрушена сантехническая система и асфальтовое покрытие у театра.

К счастью, уникальная люстра театра в это время была спущена вниз и закрыта щитами. Театр стоял тёмный, завешенный маскировочными сетями, и казался мёртвым. Но внутри холодного и неотапливаемого помещения сразу же начались ремонтные и реставрационные работы. В 1941 г. восстановили роспись плафона главного фойе, провели позолотные работы в зрительном зале и его интерьерах, отделку дверей «под французский лак» и другие работы. Бригадой позолотчиков руководил известный мастер И. Пашков, работами по лепнине — скульптор Г. Мотовилов.

В феврале 1942 г. здесь работала группа художников под руководством П. Корина. Реставраторы трудились по 10-12 часов в сутки, работая на строительных лесах под потолком над восстановлением живописного плафона зрительного зала, осторожно, стараясь не повредить авторский слой росписи, а также уникальную акустическую деку, находящуюся под плафоном. Всего за 240 дней, в тяжелых условиях военного положения, работы по реставрации плафона были закончены. Словно маг и волшебник, творил в это время чудеса архитектор театра А. Великанов: он делал бра из гипса, ввиду нехватки металла — из простого железа гнул красивые декоративные ручки. Выполненные им отдельные детали так вписались в интерьер Кавоса, что иногда нельзя было отличить подлинный, первоначальный, и восстановленный декор. Были восстановлены фасад здания и скульптуры в нишах. Летом 1943 г. в Москву вернулась часть коллектива, работавшая в Куйбышеве, а 26 сентября того же года спектаклем «Иван Сусанин» Большой театр вновь открыл свои двери для зрителей.

В первые же дни после начала военных действий на фронт отправились бригады актёров. Получила развитие славная традиция — шефство театров над армией. В Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) был создан московский штаб по художественному обслуживанию агитационных и сборных пунктов. С 22 июня по 2 июля в Москве и Московской области состоялось 450 концертов, в которых приняли участие свыше 700 артистов.

в зрительном зале становилось всё больше, особенно на балетах. Мы, конечно, пересмотрели весь театральный репертуар и даже по несколько раз, посетили все премьеры. Так, например, после премьеры «Тоски» в Филиале Большого я слушала эту оперу, не пропуская ни одного спектакля, всего, наверное, более десяти раз и выучила её наизусть.

Уже в 1943 г. начались концерты в Консерватории, Зале им. Чайковского, в Колонном зале Дома Союзов. Концерты

К сентябрю число концертов в Москве достигло 3 тыс.; кроме того, для воинских частей московские театры сыграли 50 спектаклей.

Наряду с бригадами, выступавшими на сборных пунктах, в госпиталях, систематически выезжавшими на фронт, некоторые московские театры создали специальные фронтовые филиалы. В феврале 1942 г. такой филиал, руководимый А. Орочко, организовал Театр им. Евг. Вахтангова. В конце декабря 1942 г. состоялись первые выступления фронтового филиала Малого театра, возглавляемого режиссёром С. Алексеевым. На протяжении 1942 г. начали работу 1-й и 2-й фронтовые театры ВТО, Музыкальный театр ВТО, Молодёжно-комсомольский театр ВТО, фронтовой театр миниатюр «Веселый десант».

На фронт выезжали лучшие актёры театров Москвы: А. Остужев, П. Садовский, И. Ильинский, А. Тарасова и др. Спектакли, как правило, игрались на лесных лужайках и площадях селений, только что освобожденных от врага, концерты давались в блиндажах. Вот запись в дневнике актерской группы ЦТКА, сделанная зимой 1941/42 г.: «Едем на передовую линию огня, по дороге большие столбы дыма — разрывы фашистских мин. В полуразрушенной тёмной избе проходит концерт. У входа усиленный караул наблюдает за «воздухом». В избе разместилось около 200 человек. Эта воинская часть с боем прошла от стен Москвы, преследуя фашистских захватчиков. В ней 40 орденосцев, много членов партии, комсомольцев, бодрая, отважная, смелая молодёжь...».

Характерна атмосфера зрительных залов Москвы осенью 1941 г. Нетопленные, холодные помещения. Зрители в шинелях, стёганках, совсем недавно покинувшие передовую или, напротив, тотчас после спектакля отправляющиеся на фронт. Спектакли, прерываемые тревогами и возобновляемые после отбоя. И тем не менее театры продолжали свою работу. Люди черпали здесь моральную силу, бодрость. Здесь они учились ещё больше любить Родину, ещё сильнее ненавидеть врага.

В октябре 1941 г. были эвакуированы большинство московских театров. Но уже в дни разгрома фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г. в столице открылся Драматический театр, призванный обслуживать население и воинские части. Московский театр драмы, возникший на основе театра им. Ленсовета, объединил в своей труппе актеров МХАТ, Малого театра, Театра Революции, Камерного, им. Ленинского комсомола. В сезон 1941-42 гг. в Москве работали также филиал Большого театра, Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко и др.

были не только тематические, чисто классические, но и сборные, в которых участвовали наряду с рядовыми известнейшие артисты. Исполнялись музыкальные произведения певцами, музыкантами на различных инструментах, всегда выступали чтецы художественного слова (теперь эта исполнительская форма практически исчезла и на эстраде, и на телевидении — а жаль). Конечно, военная тематика всегда имела место быть на сборных концертах. Вспоминаю одного исполнителя частушек. Он выступал в полувоенной форме, в телогрейке, вроде как партизан, и вот одна из его частушек:

*Партизан товарищ П.
Вышел из терпения,
Выгнал немцев он под ж...
В энском направлении.*

На одном из симфонических концертов классической музыки (кажется, Чайковского) в Большом зале Консерватории предварял концерт известный музыковед И.И. Соллертинский, которого очень ярко и, как потом я могла убедиться, точно и правдиво представлял в своих устных рассказах И.Л. Андронников, давая ему блестящую характеристику. Может быть потому, что я в то время была несмышлёной девчонкой, на меня Соллертинский произвёл удручающее впечатление болтуна и клоуна, вызывая смех. Я еле сдерживалась от смеха, боясь, что меня выдворят из зала, и заранее предвидела, что, рассказывая о симфонии, которую нам предстояло слушать, он, захлёбываясь словами и отчаянно жестикулируя, в конце лекции обязательно скажет о войне. Так и случилось. Он провозгласил, что враг будет разбит и победа будет за нами.

Это, конечно, было патриотично, но как-то нелепо и даже смешно.

Очень ярким и торжественным остался в памяти замечательный концерт в Зале им. Чайковского в 1944 г. Программа состояла из произведений П.И. Чайковского: 5-я симфония, 1-й концерт для фортепиано с оркестром и увертюра «1812 год». Дирижировал Константин Иванов, солировал Эмиль Гилельс. Зал был, конечно, переполнен, присутствовало большое число и наших, и английских, и американских военных. Атмосфера в зале была приподнятая, как и повсюду ощущалось дыхание конца войны. Исполнителей награждали дружными длитель-

ными аплодисментами. А когда во время исполнения увертюры «1812 год» зазвучали колокола (только что колокола получили легальность), весь зал, не сговариваясь, встал, все стояли до конца исполнения, и, стоя, долго аплодировали.

Посещая спектакли опер, оперетт и концерты, слушая классическую музыку по радио, которая занимала значительное место в радиопередачах, мы очень многое узнали и знали хорошо. Не в пример сегодняшнему дню, когда классический репертуар можно слышать только по каналу «Культура» и по «Народному радио», и то в гомеопатических дозах. Естественно, это, увы, не способствует культурному развитию нации, которую в буквальном смысле одурманивают так называемой поп-культурой, но здесь слово «культура» надо взять в кавычки. Поп-музыку («музыка» тоже в кавычках) активно и агрессивно навязывают нам, передавая постоянно в немыслимых дозах по всем каналам телевидения и радио. В результате классика и нормальная музыка становятся малоизвестными и непопулярными.

Кинотеатры в военной Москве всегда тоже были переполненными. Наряду со старыми лентами демонстрировались новые, снятые уже во время войны художественные фильмы и так называемые киносборники, составленные из нескольких различных фрагментов на военную тему. Многие из этих кинолент являются великолепными произведениями, не потеряли своей значимости до сих пор и входят в золотой фонд советской кинематографии. Достаточно назвать такие как «Два бойца» и «В шесть часов вечера после войны».

Наряду с советскими фильмами в прокате прошли и некоторые американские картины. Особо запомнились «Песнь о России», «Джордж из динки-джаза», «Тетка Чарлея» и, конечно, «Серенада Солнечной долины». «Песнь о России» — это типичная «развесистая клюква», своими словами и по своему разумению рассказывающая о первых днях войны с фашистами в России. Фабула её такова. В канун войны в СССР приезжает молодой красивый пианист, настоящий супермен, для участия в концерте, в котором исполнялся Первый концерт для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского.

Он знакомится с молодой красивой (типичная американская дива) русской девушкой. Между ними вспыхивает любовь.

Влюблённые совершают прогулку на теплоходе по Москве. Их поездку, как и весь фильм, сопровождает музыка П.И. Чайковского, что очень приятно. Девушка привозит американца-пианиста в деревню, в гости к своему дедушке-колхознику. У него и у всех колхозников типичные русские имена. Дедушка угощает гостей русскими блюдами, упоминая их названия и с трудом выговаривая слово «щи».

И вдруг начинается война, деревню бомбят, влюблённые под обстрелами с неба и с земли с большим трудом выбирают-ся с мест военных действий и остаются живыми. Финал фильма оптимистичен. Война окончена, русская девушка переезжает в Америку к своему пианисту. Фильм заканчивается концертом, где исполняется Первый концерт для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского, солист — наш бывший американский гость. Фильм, конечно, патриотичный, пронизанный симпатией к России, к её культуре, но, увы, это лубок с ярко выраженным американским вкусом, которому до шедевра недосыгаемо далеко.

Фильм «Джордж из динки-джаза» — музыкальная комедия о военных приключениях американского солдата, среди которых эпизод, в котором солдатом выстреливают из пушки — такая военная хитрость. Солдат, конечно, жив-здоров, а военная операция выполнена блестяще. Фильм весёлый, но очень примитивный во всех отношениях, хотя актёры играют хорошо.

В отличие от «Джорджа из динки-джаза» «Тётка Чарлея» — замечательная, остроумная комедия. У нас этот сюжет обыгран в фильме «Здравствуйте, я ваша тётя». Конечно, дело давних дней, в те годы я была молоденькой девчонкой и, безусловно, восприятие не такое, как в зрелом возрасте, но сохранилось мнение, что тот американский фильм гораздо смешнее, чем наш, хотя и наш фильм замечательный. От смеха мы просто падали со стульев, хотя тётку играла красивая, молодая эффектная женщина (у нас её играет великолепный актёр А. Калягин).

Ну а фильм «Серенада Солнечной долины» для нас, советских зрителей, явился эпохальным. Героиня фильма — фигуристка на льду выделявала такие пируэты, что мы даже не верили, что это на самом деле, а не монтаж. Ведь мы впервые видели фигурное катание и танцы на льду. И ещё — прекрасный джаз Глена Миллера и замечательная песенка, которую

потом все распевали. Но сюжет этого фильма тоже примитивный и типично американский с хэппи эндом.

Во второй половине войны по карточкам стали выдавать продукты, получаемые по лендлизу от союзников. Тогда мы познакомились с американскими консервами: тушёнкой, колбасой, яичным порошком. Они казались нам очень вкусными и, конечно, явились большим подспорьем.

Когда советские войска перешли границу, освободив нашу землю от захватчиков, и вступили на территории европейских стран, мощный, торжественный голос Левитана возвещал: «От советского Информбюро» о новой очередной победе и взятии важных стратегических пунктов. В ознаменование этого объявлялся приказ Верховного Главнокомандующего о производстве столько-то залпов из столько-то орудий и салют. У нас при этом мороз пробегал по коже, и радости не было конца. В 1944 г. такие праздничные салюты стали ежедневными и даже по несколько раз в день. Появился такой анекдот. Во время салюта встречаются двое. Один спрашивает: «Что взяли?» Ответ: «Суфле» (продававшийся тогда молокообразный напиток). Новый вопрос: «Это где? В Венгрии?» Ответ: «Нет, за углом».

Марш пленных немцев по Москве (17 июля 1944 г.)

Огромным событием явилось шествие пленных немцев по Садовому кольцу. Как только об этом стало известно в нашем доме, а он расположен в пяти минутах ходьбы до Садового кольца, все, кто в это время находился дома, бросились туда. Я тоже была в их числе. Немцы шли широким нескончаемым потоком. Большинство шли угрюмо с опущенными головами, но многие казались безразличными, а некоторые даже весёлыми, с интересом оглядываясь вокруг.

Рассказывали, что пленных везли в ссылку и лагеря на Восток несколько недель (транспорт не был скоростным, а расстояния огромные), немцы долго не верили, что их везут не по кругу, а по прямой. Вот как велика наша матушка-Россия!

Марш пленных немцев по Москве состоялся 17 июля 1944 г. Колоннами по Садовому кольцу и другим улицам столицы прошли около 57 000 немецких солдат и офицеров. В ходе операции «Багратион» летом 1944 г. была разгромлена немецкая группа армий «Центр». Были уничтожены или попали в плен

около 400 тысяч солдат и офицеров. Из 47 генералов вермахта, воевавших в качестве командиров корпусов и дивизий, 21 были взяты в плен. Представилась хорошая возможность продемонстрировать успехи СССР в войне, поднять дух москвичей и жителей других городов. Операцию проводило НКВД, её назвали ещё «Большой вальс». О ней было объявлено по радио утром 17 июля, а также напечатано на первой полосе «Правды».

Пленные были собраны на московском ипподроме и стадионе «Динамо». К 11 часам утра 17 июля их разделили на две группы и построили в соответствии со званием по 600 человек (20 человек по фронту). Руководил прохождением колонн командующий войсками МВО генерал-полковник П.А. Артемьев.

Первая группа (42 000 чел.) прошла за 2,5 часа по Ленинградскому шоссе и улице Горького (ныне Тверской) к площади Маяковского, затем по часовой стрелке по Садовому кольцу до Курского вокзала. Вторая группа (15 000 чел.) прошла по Садовому кольцу против часовой стрелки, начиная от площади Маяковского, за 4,5 часа дойдя до станции Канатчиково Окружной железной дороги.

Колонны сопровождали всадники с обнажёнными шашками и конвоиры с винтовками наперевес. За пленными следовали поливальные машины, символически смывая грязь с асфальта.

Победа

И вот наступил Победный 1945 г. 9 мая был подписан акт о безоговорочной капитуляции. Германия капитулировала. От Советского Союза акт подписал маршал Г.К. Жуков. 24 мая в московском Кремле состоялся приём в честь командующих войсками Красной Армии. К 20 часам гости заполнили Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца. В этот день чествовали победителей, полководцев и солдат, тем самым подчёркивали их большие заслуги в войне. В честь Победы над Германией 24 июня в Москве, на Красной площади состоялся парад войск действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона — Парад Победы. На парад были посланы лучшие люди из частей и соединений десяти фронтов. Они прошли торжественным маршем по Красной площади под своими боевыми знамёнами. 200 бойцов, двести героев Красной Армии, под барабанный бой бросили к подножию мавзолею

Ленина 200 знамён германской армии. Эти знамёна с чёрной фашистской свастикой бросили у подножия кремлёвской стены. Эти дни были самыми радостными. Это было великое счастье для всех людей. Недаром поётся в песне «День победы», что «это праздник со слезами на глазах». Но то были слезы радости, и какие потери не понесли люди, они радовались, что этот кошмар и ужас закончился.

Один из самых ярких и замечательных дней в моей жизни — День Победы 9 мая 1945 года. День в Москве был солнечным. С утра по улицам шли толпы ликующих людей с песнями и плясками. Каждого военного окружала радостная толпа, их целовали, обнимали и даже качали на руках. У отца моей подруги в распоряжении имелся служебный автомобиль, так называемый «козлик» с открытым верхом. На нём мы со взрослыми объезжали переполненные радостным народом улицы. А вечером с подругой отправились смотреть праздничный салют.

ОБРАЩЕНИЕ ТОВ. И.В. СТАЛИНА К НАРОДУ

...Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики... Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она никогда не смогла подняться». На деле получилось нечто противоположное... Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирался ни расчленять, ни уничтожать Германию...

И. Сталин

9 мая 1945 года. № 369

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей Армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата Обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову. Командовать парадом победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому...

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин

22 июня 1945 года. № 370

Пушкинская площадь — одно из высоких мест в городе того времени. Там всегда был прекрасно виден салют, фейерверки видны со всех сторон. Но в этот день мы решили смотреть салют на Красной площади, благо до неё от моей родной Пушкинской совсем близко. Такого грандиозного и красивого салюта не было в Москве ни до, ни после. Всё небо представляло собой сплошной фейерверк. Количество залпов из орудий и салютов не поддавалось подсчёту, они следовали один за другим долгое время. На Красной площади собралось огромное число людей, через толпу пробраться было очень трудно и даже опасно (легко могли задавить). Мы сумели выбраться из толпы и перебрались на площадь Революции, откуда продолжали любоваться и восхищаться невиданным зрелищем. В какой-то момент в небе появился огромный портрет Сталина в ярком свете скрещенных лучей нескольких прожекторов. День этот стал необыкновенно праздничным, гуляли и в домах, и на улицах целый день и всю ночь.

В день Парада Победы 24 июня 1945 г. на Москву обрушился проливной дождь. Мой папа, получивший билет и присутствовавший на гостевой трибуне Красной площади, вернулся домой промокший до нитки, несмотря на толстый брезентовый плащ. Но погодное ненастье смогло омрачить буквально всенародного ликования и гордости за страну. Мы победили!

Юбилей Академии наук⁹

И ещё под занавес. В стране, только что победно завершившую страшную, тяжёлую войну, уже в начале июня был проведён большой праздник: широко и торжественно отмечали 220-летие Академии наук СССР. На юбилей приехало большое

⁹ Здесь к месту будет вспомнить о другом юбилее — 200-летнем, — который отмечали за 20 лет до этого. А подготовка к юбилею началась 2 декабря 1917 г. (!) на заседании Общего собрания Российской академии наук (РАН) ее неперемный секретарь академик-индолог Сергей Федорович Ольденбург обратился к немногим, еще остававшимся в революционном Петрограде академиком: «Вполне сознаю, что при исключительных обстоятельствах переживаемого времени предложение мое может показаться несвоевременным, тем не менее считаю своим долгом напомнить Общему собранию, что в 1925 г. исполняется двухсотлетие существования Российской Академии наук».

Еще никто не знал, что от «несвоевременного» юбилея Академию отделила дистанция длиною в гражданскую войну, за пять лет которой — с 1917 по 1922 гг. — Академия потеряла почти половину состава своих академиков: из 46 числившихся на 25 октября 1917 г. действительных членов к 1922-му 13 академиков скончались, а 7 оказались за рубежом и не вернулись в Россию.

Однако к юбилейному году Академии наук удалось не только полностью восстановить персональный состав, но и существенно расширить свою деятельность. Из «первенствующего научного сословия» она постепенно превращалась в разветвленную систему научно-исследовательских учреждений, чему в немалой степени способствовал и академический юбилей, использованный учеными для поднятия престижа и авторитета Академии «в сознании правящих сфер». Вице-президент РАН, академик-математик В.А. Стеклов признавался, что он «воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН и в особой записке предложил Комнауке одобрить широкую программу празднования в международном масштабе с приглашением иностранных ученых. Указал как на научное, так и политическое значение такого празднества, предложив его в то же время сделать национальным праздником».

Предложение академика нашло полное понимание у большевистских лидеров Советской России, только начинавших преодолевать международную изоляцию постверсальского мира. Советское дипломатическое «наступление» было признано целесообразным дополнить культурным. Специальную Комиссию СНК СССР по организации празднования 200-летнего юбилея РАН возглавил председатель СНК СССР А.И. Рыков.

Впервые на заседании Политбюро заговорили о юбилее 25 февраля 1925 г., когда по докладу А.И. Рыкова было принято решение о желательности приезда иностранных ученых на торжества. Именно это — мотивирующее все остальные пункты — положение стояло первым, за ним следовали два других: «Поручить СНК СССР ассигновать необходимые на организацию празднеств средства».

число видных известных учёных из многих стран мира. Кроме торжественных заседаний проходили многочисленные научные собрания и конференции во всех академических институтах, на которые приглашали иностранных учёных.

Все торжественные и деловые заседания в основном проходили в Москве. Но была организована и выездная сессия, когда многие учёные, в том числе и иностранные, выезжали на несколько дней в Ленинград, где также проходили научные заседания. Кроме того, участники сессии побывали в некоторых пригородах Ленинграда, где к тому времени начались восстановительные работы разрушенных войной знаменитых дворцов и парков.

В Москве, кроме научной программы, были предусмотрены и так называемые культурные мероприятия — посещение театров и торжественный обед, на который участников юбилейной сессии приглашал президент Академии наук СССР ботаник, академик В.Л. Комаров. У меня сохранилась не очень качественная копия 4-страничного меню этого обеда, включающая крепкие напитки. Для участников сессии давали спектакли в Большом театре — оперу «Иван Сусанин» и в Художественном — только что поставленную пьесу А.Н. Островского «Последняя жертва», где участвовали великие актёры МХАТ — И.М. Москвин, А.К. Тарасова, М.И. Прудкин, Ф.В. Шевченко. Мой папа тоже получил билеты на эти спектакли, но на оперу отдал билеты мне и моей подруге. Поход на «Ивана Сусанина» оставил неизгладимое впечатление. Пели выдающиеся певцы — М.Д. Михайлов, Н.Д. Шпиллер, Е.И. Антонова. Билеты у нас были на какой-то ярус, но нас встретил друг отца моей подруги, работник «органов», который в числе прочего охранял правительственную ложу Большого театра. Он сразу же определил нас в ложу, третью или четвертую от правительственной. В ложе по одну сторону от нас располагался известный учёный, академик Н.Д. Зелинский с женой и сыном, а другую ложу, через одну, занимали мировые учёные и общественные деятели Франции, борцы за мир Ирен и Жолио Кюри. В первых рядах партера сидели самые маститые учёные, академики с мировыми именами, а в центре первого ряда — академик В.Л. Комаров — тогда президент Академии наук.

Н.Д. Зелинский в то время уже был глубоким стариком с ясной, чистой, гениальной головой. Его жена, по тогдашнему

моему впечатлению, выглядела лет на 40 моложе мужа, а сын — мальчик лет 12 с пионерским галстуком. В первом же антракте моя подружка, девушка очень хорошенькая и кокетливая, затеяла разговор и начала кокетничать с академиком. Он спросил нас, студентки ли мы. Мы скромно ответили, что школьницы — выпускницы. На его вопрос, пойдём ли мы на «Последнюю жертву», мы, потупив очи, сказали, не можем, так как на следующий день у нас выпускной экзамен по химии, подчеркнув последнее. После второго действия академик выглядел уставшим, малоразговорчивым. Жена развязала ему шнурки на ботинках, он откинулся на спинку кресла, стал каким-то безучастным и, не дождавшись окончания спектакля, семья ушла.

В.Л. Комаров тогда был очень больным человеком, сразу после юбилея он попросил на общем собрании Академии об отставке. На его место избрали физика академика Сергея Ивановича Вавилова¹⁰. В июле 1945 г. Вавилов стал президентом

¹⁰ Избрание могло бы не состояться, не будь оно выбором Сталина. Узнав о возможном избрании, Сергей Вавилов написал заявление на имя Сталина: «Если мой брат, известный биолог Николай Вавилов не будет реабилитирован, я не могу быть президентом Академии наук». На заявлении стоит резолюция Берии:

«Отказать».

По мнению близких, дав согласие на этот пост, Вавилов сознательно принял удар на себя. Альтернативой был Вышинский — фигура страшная, один из идеологов политических репрессий в стране. Другой кандидатурой был Лысенко. Если бы президентом Академии наук стал кто-либо из них, жертв в науке было бы значительно больше, да и достижения были бы другими. В годы работы президентом АН СССР Вавилову удалось много сделать для развития науки. Основатель и первый директор Физического института Академии наук (ФИАН), организатор Оптического института РАН, носящего сегодня его имя, он инициировал создание десятков новых научных институтов, добился улучшения снабжения лабораторий, помогал семьям репрессированных ученых, порой из собственного кармана.

По его инициативе создавались филиалы АН СССР, развивались академии наук в союзных республиках. Были значительно улучшены оснащение институтов приборами, материальное положение научных работников, издательское дело. Будучи Президентом АН, Вавилов всячески поддерживал на первой стадии деятельность С.П. Королева и его сотрудников по организации полётов ракет. Он поставил задачу проведения научных измерений (космических лучей) уже при первом полёте ракеты.

Однако положение Вавилова было очень трудным ввиду инспирированных в стране дискуссий по вопросам биологии (подготовленная Лысенко и его сторонниками и поддержанная Сталиным сессия ВАСХНИЛ в августе 1948); т. наз. Павловская сессия АН СССР по вопросам научного наследия

АН СССР после почти единогласных выборов на общем собрании АН СССР и предварительного одобрения его кандидатуры Сталиным и другими высшими руководителями СССР, несмотря на то, что его брат, скончавшийся в Саратовской тюрьме в 1943 году, ещё не был посмертно реабилитирован и считался «врагом народа». Проклятая война, принесящая всему миру неисчислимые жертвы, закончилась. Начиналась новая, послевоенная, полная надежд на лучшую жизнь эра.

академика И.П. Павлова (1950). В конце сороковых годов готовилось также совещание по философским проблемам физики, которое могло иметь разрушительные последствия. Вавилову, наряду с Курчатовым удалось предотвратить это совещание. Должность президента академии стала для него причиной постоянного стресса, который подорвал здоровье академика. Он скончался от сердечного приступа 25 января 1951 г. — за два месяца до своего 60-летия, через восемь лет после кончины в Саратовской тюрьме своего брата, не дожив до его реабилитации 4 года. Академик Орбели ещё в 1945 г. говорил: «Вавилов — жертва. Он встал во главе Академии, чтобы спасти то, что ещё можно было спасти».

ВОЕННЫЕ БУДНИ МОСКВЫ

Фото Е. Халдея 22 июня 1941 г. Объявление о начале Великой Отечественной войны. Москва, улица 25-го Октября.

Ю.Б. Левитан у микрофона.

Зенитчики на крыше гостиницы «Москва» 1941 г.

Дирижабль над пл. Пушкина. 1941 г.

Знаменитый гастроном на улице Горького. Витрины закрыты мешками с песком. Обратите внимание на чистоту улицы. Осень 1941 г.

Парад 7 ноября 1941 г.

На трибуне Мавзолея. Выступление Сталина 7 ноября 1941 г.

В вестибюле метро Маяковская. Осень 1941 г.

Так выглядел главный источник новостей военного времени — черная «тарелка».

Маскировка Большого театра. Знаменитая квадрига снята и спрятана.

Аэростат на площади Свердлова (Театральной) в Москве.

«Парад побежденных».

Салют Победы в Москве.

Маршалы Жуков и Рокоссовский на Манежной площади. Слева — угол дома Жолтовского, где было Американское посольство, на заднем плане — портреты членов Политбюро на здании гостиницы «Националь».

Фото Е. Халдея После дождя. На параде Победы на Красной площади. 24 июня 1945 г. Слезы ветерана (слева). Фото 2008 г.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ¹¹

«Это день мы приближали, как могли»

Абдуллаева Валентина Максимовна — окулист, участница Великой Отечественной войны. Работала в Клиническом отделе Института биофизики со дня его основания, основоположник науки о лучевой катаракте.

Благовещенская Вера Васильевна — врач-невролог, доктор медицинских наук, участник тылового фронта в годы Великой Отечественной войны. Награждена медалью «За победу над Германией» и 5-ю медалями. В ИБФ с 1951 года, заведовала неврологическим отделением клинического отдела с 1974 по 1984 года.

Богомолов Семён Иванович — Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, награждён орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда», орденами Отечественной войны 1-й степени и Славы 3-й степени, а также рядом медалей. В ИБ с 1949 года, выполнял обязанности механика-оператора на облучательских установках, обеспечивая их надёжную эксплуатацию.

¹¹ Материалы на основании данных музея ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России

Борисов Виктор Пантелеймонович — подполковник медицинской службы, награждён орденом Красной Звезды (дважды). Ветеран ВОВ, всю войну находился в действующей армии. Участвовал в боях на Центральном, Донском, Юго-Западном, Сталинградском и 1-м Белорусском фронтах. Поступил на работу в ИБФ в 1959 на должность старшего научного сотрудника. Проработал в этой должности и после ухода на пенсию. Занесён в Книгу почёта Института биофизики МЗ СССР. Награждён орденами и многими медалями, среди которых медаль «За боевые заслуги».

Буренин Павел Иванович — полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, лауреат Государственных премий СССР, Почётный полярник СССР, Ветеран подразделения особого риска. Участник ВОВ, был ранен, имеет боевые награды — 5 орденов и 20 медалей СССР. Последние 17 лет работал в клинике Института биофизики МЗ СССР (на базе Клинической больницы №6).

Василенко Иван Яковлевич — участник Великой отечественной войны, известный учёный-радиобиолог, доктор медицинских наук, профессор, академик РАН, лауреат Государственной премии СССР. В 1959-1971 годах возглавлял медико-биологические исследования на Семипалатинском полигоне. С 1971 года, после увольнения в запас, старший научный сотрудник ИБФ.

Вербенко Александр Андреевич — доктор медицинских наук, Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный деятель науки, награждён Орденом «Знак Почёта», старший лейтенант медицинской службы. С мая 1942 по февраль 1946 воевал в рядах Красной Армии военфельдшером на Северо-Кавказском, Дальневосточном фронтах, был ранен. С 1961 по 1984 — заведующий гинекологическим отделением Клинической больницы № 6. Награждён Орденом Ленина, медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «50 лет Советской Армии», значком «Отличник здравоохранения».

Виссонов Юрий Владимирович — один из первых сотрудников клинического отдела ИБФ, участник Великой отечественной войны. Награждён орденами «Славы III степени», «Отечественной войны I степени» и 8 медалями. С 1953 года работал в ИБФ, сначала старшим лаборантом, с 1956 — научным сотрудником.

Волкова Людмила Григорьевна — участник Великой отечественной войны, более 40 лет проработала в терапевтическом отделении клинического отдела Института биофизики. В 1957 году впервые описала воздействие плутония на организм человека и метод лечения пневмосклероза лёгких.

Глазунов Иван Семёнович — врач-невролог, доктор медицинских наук, профессор, с 1951 года заведовал неврологическим отделением клинического отдела ИБФ. Прошёл всю войну в рядах военно-морского флота. До прихода в ИБФ — один из создателей учения о нейровирусных энцефалитах. В ИБФ изучал проблему действия радиации на нервную систему.

Гольдштейн Давид Самуилович — доктор технических наук, профессор, высококвалифицированный специалист в области радиационной безопасности, участник Великой Отечественной войны. 28 августа 1943 года направлен на учёбу в Военную академию химической защиты, которую закончил в 1949 году. Награждён орденами Отечественной войны 1-ой степени и Красной звезды, 17-ю медалями. В Институте биофизики с 1961 г.

Гордеев Константин Иванович — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Участник ВОВ, награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, трижды медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами. С 1957 года продолжал службу руководителем службы радиационной безопасности на Семипалатинском полигоне. С 1970 года, после увольнения из рядов Вооружённых сил, работал в ИБФ, с 1980 — заместитель директора института по научной работе, крупный специалист в области радиационной безопасности.

Городинский Семён Михайлович — участник ВОВ, был дважды ранен. В Институте биофизики работал с 1955 по 1973 годы. Вся его научная деятельность посвящена разработке теоретических и прикладных проблемы радиационной гигиены, средств индивидуальной защиты и защитных покрытий от радиоактивных и химически агрессивных веществ. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «800 лет Москвы», орденом «Знак Почёта» — дважды, «За трудовую доблесть».

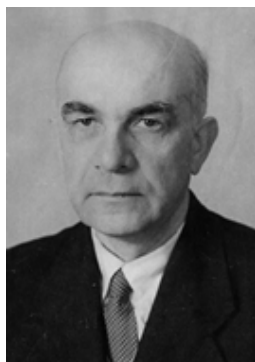
Григорьев Юрий Григорьевич — доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии, в Институте биофизики работал с 1949 года. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени, 10-ю медалями. Один из крупнейших отечественных учёных в области радиобиологии ионизирующих и неионизирующих излучений, космической радиобиологии, радиационной гигиены и экстремальной физиологии.

Гусев Дмитрий Иванович — доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы. Награждён орденом Красной Звезды. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденом Красной звезды и 13 медалями. С 1973 по 1980 работал в должности заведующего лабораторией и сектором коммунальной радиационной гигиены Института биофизики МЗ СССР.

Гусев Николай Григорьевич — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, один из ведущих специалистов в области радиационной безопасности. Работал старшим астрономом в Ташкентской астрономической обсерватории, в 1942 призван в Красную Армию, в 1946 — мобилизовался. Награждён двумя орденами «Знак почёта» и 6-ю медалями. В 1952 году из Института гигиены труда и профзаболеваний перешёл заведующим лабораторией в ИБФ АМН СССР, в 1955 работал в отделе промышленной гигиены, в 1962 назначен заведующим отделом защиты и дозиметрии. Разработанные впервые профессором Н.Г. Гусевым регламенты радиационной безопасности для персонала и населения сыграли огромную роль в обеспечении защиты людей.

Домшлак Моисей Павлович — профессор, доктор медицинских наук, ведущий специалист в области радиобиологии человека, один из создателей первого отечественного телерадиового аппарата. В 1941-1944 годах служил на Дальнем Востоке, был начальником рентгеновского кабинета военного госпиталя. С 1947 по 1967 года — заведующий лабораторией радиобиологии Института биофизики.

Жеребченко Пётр Григорьевич — доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы. Участник Великой Отечественной войны. С 1942 в действующей армии — младший и старший врач полка, начальник санитарной службы армейской пушечно-артиллерийской бригады. После демобилизации с 1968 по 1988 — заведующий лабораторией по разработке рецептур Института биофизики (ИБФ) МЗ СССР. Награждён орденом Красной Звезды (дважды), Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и многими ведомственными наградами МО СССР.

Жмур Владимир Александрович — доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач РСФСР, Заслуженный деятель науки РСФСР. Во время советско-финской войны 1939-1940 годов возглавлял хирургическое отделение эвакогоспиталя № 1096, во время Великой Отечественной войны — ведущий хирург полевых госпиталей Красной Армии, с 1942 по 1945 — главный хирург 60-ой Армии 2-го Украинского фронта. С 1961 по 1971 заведовал отделением грудной хирургии больницы № 6 МЗ СССР в Москве, руководил научным советом больницы. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, многими медалями. Награждён орденом «Знак почёта».

Журавлев Валентин Фёдорович — доктор медицинских наук, старший научный сотрудник по специальности «Токсикология радиоактивных веществ». Участник Великой Отечественной войны. В 1943-1944 — курсант военно-пехотных училищ: Одесского, 2-го Ленинградского и Калининковского. С 1944 — командир взвода на 2-м Украинском и Забайкальском фронтах. С 1954 — младший научный сотрудник Института биофизики МЗ СССР в лаборатории Д.И. Закутинского. В 1963 — старший научный сотрудник. Проработал на этой должности до ухода на пенсию в 1992.

Заликин Гелий Александрович — доктор медицинских наук, участник Великой отечественной войны. В 1942-1943 — курсант Муромского военного училища связи. Далее в действующей армии на 1-м Белорусском фронте, под Могилевом попал в окружение и был тяжело ранен. Лечился в различных госпиталях. Инвалид войны, потерявший ногу. С 1963 — младший научный сотрудник лаборатории токсикологии радиоактивных веществ Института биофизики МЗ СССР, а с 1968 — заведующий научно-организационным отделом по специальности «радиобиология (токсикология)». В 1978 занял должность старшего научного сотрудника, в 1988 — ведущего научного сотрудника. В 1995 уволен на пенсию по собственному желанию. Награждён орденами Отечественной войны I степени (1985), медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Зыкова Августа Степановна — кандидат медицинских наук. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. В июне 1941, будучи студенткой 4-го курса, была направлена на практику в г. Новый Оскол Курской области, но вернуться в Ленинград не смогла в связи с началом Великой Отечественной войны. До 1944 работала старшей медсестрой в войсковом лазарете. С декабря 1955 — младший научный сотрудник ИБФ в группе санитарной охраны атмосферного воздуха отдела промышленной гигиены. В 1957 переведена на должность старшего научного сотрудника, а в 1963 — заведующего лабораторией по специальности «гигиена и профзаболевания (коммунальная гигиена)». С 1983 — старший научный сотрудник — заместитель заведующего лабораторией, с 1990 — ведущий научный сотрудник. В 1998 вышла на пенсию.

Иванников Александр Тихонович — доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, полковник медицинской службы. Награждён орденом Красной Звезды. После окончания школы в октябре 1941 добровольно вступил в Красную Армию. Окончил в 1945 Военно-ветеринарную академию Советской Армии по специальности «ветврач». С 1962 — младший научный сотрудник Института биофизики МЗ СССР по специальности «Токсикология». С 1966 — старший научный сотрудник по специальности «Радиобиология», а с 1968 — в научной группе по разработке аптек. В 1986 — заместитель заведующего лабораторией, с 1988 — ведущий научный сотрудник.

ник. На пенсию вышел в 2003. Награждён медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги».

Кеирим-Маркус Игорь Борисович — профессор, доктор технических наук, дважды лауреат Государственных премий СССР, с 1948 года работал в ИБФ, с 1962 по 2006 годы возглавлял лабораторию аварийной и индивидуальной дозиметрии. Воевал на Западном, Южном и 4-м Украинском фронтах. Командир миномётного и стрелкового взводов, переводчик отдела работы с противником. Участвовал в освобождении Крыма и Латвии. После войны служил старшим переводчиком Бюро писем Оргучётного отдела Штаба Советской военной администрации в Германии. Награждён орденами «Красная звезда», «Знак почёта» и 8-ю медалями.

Киреев Пётр Михайлович — доктор медицинских наук. Ветеран Великой Отечественной войны. Приказом начальника 3-го Главного Управления Здравоохранения СССР А.И. Бурназяна за № 987-Лз от 23 ноября 1954 года был назначен на должность заведующего терапевтическим отделением клиники сектора Института биофизики. Являлся главным терапевтом 3-го Главного Управления при Минздраве СССР. Как главный терапевт вёл организационно-методическую и консультативную работу во многих периферических учреждениях, подведомственных 3-му Главному Управлению.

Комаров Георгий Осипович — советский военачальник, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, участник Великой Отечественной войны. С августа 1942 года — заместитель командира, а с октября 1942-го по май 1945-го — командир 228-й штурмовой авиационной дивизии. Воевал на Донском, Сталинградском, Белорусском фронтах. За время войны совершил 22 боевых вылета на штурмовике ИЛ-2. С 1970 по 1973 годы — ведущий инженер отдела средств индивидуальной защиты Института биофизики, Лауреат Сталинской премии за испытание ядерного оружия. Совместно с С.М. Городинским добивались начала строительства нового здания НИЦ на улице Щукинской, где планировалось разместить отдел средств индивидуальной защиты с уникальной стендовой и камерной базой и экспериментально-производственные мастерские Института биофизики.

Краевский Николай Александрович — академик АМН СССР, доктор медицинских наук, заведовал лабораторией патоморфологии Института биофизики. Ушёл добровольцем на фронт. С войны вернулся полковником медицинской службы. До 1950 года — главный патологоанатом Советской армии. Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почёта».

Куршаков Николай Александрович — полковник медицинской службы, выдающийся терапевт, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Ленинской премии. С мая 1943 г. и до окончания ВОВ — главный терапевт Степного фронта, а затем 2-го Украинского фронта. В 1946 г. участвовал в качестве эксперта в Нюрнбергском судебном процессе над фашистскими военными преступниками. Награждён двумя орденами Ленина, орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Красного Знамени и медалями. С 1945 г. руководил 1-й Терапевтической клиникой Московского областного НИИ и кафедрой госпитальной терапии Московского медицинского института Наркомздрава РСФСР. С 1950 г. — профессор кафедры госпитальной терапии 1-го Московского медицинского института. В 1951 г. перешёл на работу в ИБФ, где возглавлял созданный им клинический отдел (1951-1964 гг.). Вместе со своим коллегой П.И. Егоровым заложил основы авиационной медицины.

Лебединский Андрей Владимирович — доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР, академик АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, генерал-майор медицинской службы, участник Великой Отечественной войны. С 1954 по 1963 был директором и заведующим лабораторией Института биофизики МЗ СССР. Основные направления научных исследований многообразны — крупнейший физиолог, биофизик и нейрорадиобиолог, один из пионеров

авиационной медицины. Начиная с 1954 активно включился в научный процесс Института биофизики МЗ СССР. Сформулировал физиологическое направление в радиобиологии, высказал ряд новых взглядов на происхождение радиационных поражений. Провёл уникальные исследования по оценке состояния регуляторных механизмов в облучённом организме. Награждён орденами Ленина (дважды), Красного Знамени и Красной Звезды, Трудового Красного Знамени (дважды).

Лёвочкин Фёдор Кузьмич — кандидат технических наук, участник ВОВ (с 1944 по 1945 — в боевых действиях). С 1955 работал в Институте биофизики МЗ СССР старшим инженером, младшим (1959), затем старшим научным сотрудником (1963) и заведующим лабораторией (1976-1989). Награждён орденами: Красной Звезды, Дружбы народов и Мужества, медалью «За отвагу».

Логачёв Вадим Афанасьевич — доктор технических наук, профессор, учёный-радиохимик, постоянный участник испытаний на Семипалатинском полигоне. В Институте биофизики заведовал лабораторией для изучения последствий ядерных взрывов. В Красную Армию призван в 1943 году, гвардии младший лейтенант, воевал в Прибалтике в составе 19 гвардейской армейской пушечной артиллерийской бригады 10 гвардейской армии. Награждён Орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Маргулис Ушер Яковлевич — профессор, доктор технических наук, ведущий специалист в области радиационной безопасности и дозиметрии ионизирующих излучений. В 1941 году, после окончания физического факультета МГУ, принят в Красную Армию и направлен на Калининский фронт в 183-ю стрелковую дивизию, в составе которой воевал до окончания войны, занимая должности политрука роты, комсорга, секретаря дивизионной газеты. Участвовал в боях под Москвой и на Курской дуге, освобождал Харьков, Львов, Катовице, Моравска-Остраву. Вернулся домой в звании капитана. Награждён орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак почёта» и 10-ю медалями.

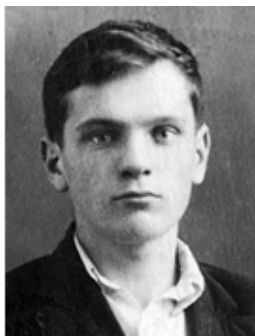

Марей Александр Николаевич — врач-гигиенист, профессор, доктор медицинских наук, с 1955 года возглавлял лабораторию радиационной коммунальной гигиены. С 1941 по 1945 годы служил на Дальневосточном фронте в должности начальника санэпидотдела армии, участник войны с Японией. Награждён орденом Ленина, орденами Трудового Красного знамени, Отечественной войны 3-й степени и 7-ю медалями.

Мартыросов Кирилл Семёнович — доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР за работу по повышению эффективности технических средств медицинской защиты, полковник медицинской службы. Участник ВОВ. Отмечен правительственными наградами, среди которых медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За бое-

вые заслуги», «За трудовое отличие» и др. После демобилизации из рядов Вооружённых Сил с 1985 по 2005 — заведующий лабораторией в ИБФ. Известный радиобиолог, специалист в области радиационной фармакологии. Внёс весомый вклад в развитие научного направления, связанного с изучением патогенеза лучевых поражений и совершенствованием системы средств медицинской противорадиационной защиты.

Москалёв Юрий Иванович — доктор медицинских наук, профессор. В ИБФ — с 1954 г., с 1963 — зав. лабораторией токсикологии радиоактивных веществ и химических продуктов, входящих в состав ракетных топлив, 1960-1964 гг. — заместитель директора ИБФ по научной работе. Участник ВОВ, награждён орденом Отечественной войны II степени, орденом Ленина и 7-ю медалями. За организацию срочных мероприятий по ликвидации последствий аварии на комбинате «Маяк» в 1957 году награждён Орденом Ленина.

Никольский Владимир Николаевич — кандидат медицинских наук, Заслуженный врач РСФСР, участник Великой Отечественной войны. В феврале 1940 призван на действительную службу в Красную Армию, в марте 1940-го демобилизован, с апреля 1941 по август 1943-го — техник на торфопредприятии «Озерное» фабрики «Талка» Ивановской области. С 1943 в звании рядового воевал на Северо-Западном фронте. В феврале 1944-го получил тяжёлое ранение и в мае 1945-го уволен из Красной Армии, как инвалид. С 1959 по 1996 заведовал неврологическим от-

делением Клинической больницы № 6 МЗ СССР. Награждён орденом Трудового Красного Знамен, медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», значком «Отличник здравоохранения».

Осанов Дмитрий Павлович — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Участник ВОВ, награждён орденом «Красой Звезды» и восемью медалями. В ИБФ проработал более 30 лет, ведущий специалист в области радиационной биофизики и дозиметрии ионизирующих излучений. В 1964 году создал лабораторию дозиметрии внутреннего и контактного облучения, которая в течение более 30 лет проводила фундаментальные и прикладные исследования.

Петушков Вадим Николаевич — доктор медицинских наук, с 1950 по 1988 работал в системе III Главного Управления. Основоположник в области хирургических проблем при острых радиационных поражениях. Участник ВОВ, награждён 6-ю медалями, в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», «За отличие в охране государственной границы СССР». С 1950 по 1953 годы — главный хирург и заведующий хирургическим отделением МСО-71. В 1953 году переведён в ИБФ, где проработал в должности старшего научного сотрудника по 1988 год. Ведущий специалист в области радиационной медицины, связанной с острой радиационной травмой у человека.

Пигалёв Иван Александрович — доктор медицинских наук, профессор по кафедре «Патологическая физиология», заслуженный деятель науки РСФСР (1958). Во время Гражданской войны служил фельдшером в эвакогоспитале армии Колчака (Тюмень, Красноярск), а с 1919 — в Красной Армии командовал санитарным поездом. Работал заведующим больницей и хирургическим отделением в г. Алатырь Чувашской АССР (1920-1926). Участник Великой Отечественной войны. В 1941 добровольно вступил в ряды Советской Армии и во время блокады работал в г. Ленинграде — главный хирург и начальник медицинской части военного госпиталя. В 1942 по приказу ГВСУ переведён во Всесоюзный институт патологии и терапии интоксикаций АМН СССР. С января 1952 — заведующий лабораторией патофизиологии Института биофизики МЗ СССР (в связи с реорганизацией после слияния двух НИИ), в 1954-1958 — заместитель директора по научной части. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени (дважды), Красной Звезды.

Попцова-Балабуха Вера Сергеевна — доктор химических наук, профессор. С 1952 до выхода на пенсию в 1972 занимала в Институте биофизики МЗ СССР должность заведующей лабораторией поиска средств стимуляции выведения радиоактивных веществ из организма. В период Великой Отечественной войны трудилась по оборонной тематике. Награждена медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Рогозкин Владимир Дмитриевич — доктор медицинских наук, профессор по специальности «Патологическая физиология». Участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен. В 1949 окончил 1-й Московский орденна Ленина медицинский институт. В 1950-1953 обучался в аспирантуре в ИБФ, по окончании которой работал в должностях младшего (1952), затем старшего научного сотрудника (1956) и заведующего лабораторией (1963). Награждён орденом Трудового Красного Знамени и Отечественной войны II степени.

Рождественский Михаил Николаевич — участник Великой Отечественной войны. За время Отечественной войны работал Начальником Полевого Подвижного Хирургического госпиталя №503, Начальником Головного Полевого Эвакоприемника №2, Начальником 1-го отдела Полевого Эвакопункта №205, одновременно исполнял обязанности Начальника Полевого Эвакуационного пункта. Награждён орденами: «Отечественной войны I степени», «Отечественной войны II степени», «Красная Звезда», медалями: «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Первый начальник Медсанчасти №12 (ныне КВЗ III уровня).

Романцев Евгений Фёдорович — доктор биологических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, крупный советский учёный в области радиационной биохимии и фармакологической биохимии противолучевых лекарств. В ИБФ с 1947 года, возглавлял лабораторию, занимающуюся исследованиями характера биохимических процессов при инкорпорации радионуклидов. С 1943 по 1947 годы учился на биофаке МГУ, откуда ушёл на фронт. С 1943 года — заместитель начальника вещевого снабжения 340 стрелкового полка, участник героической обороны Москвы, был ранен. Кавалер Ордена Славы III степени, также награждён 7-ю медалями.

Рубцова Раиса Васильевна — участница Великой Отечественной войны, награждена медалью «За победу над Германией», Орденом «Отечественной войны 2 степени», медалью «40 лет победы в Великой Отечественной войне». С 1962 г. по январь 1973 г. работала механиком, старшим техником Института Биофизики.

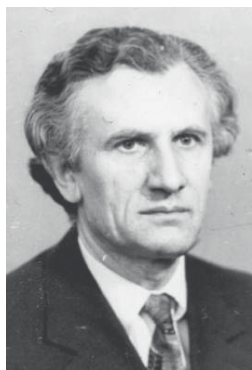

Рыжов Николай Иванович — доктор медицинских наук, профессор, участник Великой Отечественной войны. С сентября 1943 по май 1945 находился в действующей армии в должности командира санитарного взвода и до конца 1945 был в резерве Главного военно-медицинского управления. В 1945-1946 работал фельдшером в Военном институте иностранных языков. В 1951-1955 учился в аспирантуре в Институте биофизики МЗ СССР. В 1954 переведён на должность

младшего научного сотрудника. До 1960 работал младшим научным сотрудником, а с 1960 — старшим научным сотрудником. Награждён двумя орденами Красной Звезды и 9 медалями, значком «Отличнику здравоохранения», медалью «Ветеран труда», а также почетными дипломами и медалями ВДНХ.

Рядов Виктор Георгиевич — доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР за работы в области радиационной медицины, подполковник медицинской службы. Участник ВОВ, с 1942 по 1945 — в действующей армии на Западном и 3-м Белорусском фронте, был командиром взвода санитаров-носильщиков, трижды ранен. В 1945 участвовал в войне с Японией на территории Маньчжурии (1-й Дальневосточный фронт). С 1968 по 1977 — заведующий лабораторией Института биофизики МЗ СССР по специальности «Гигиена и профессиональные заболевания (радиационная гигиена)». Награждён орденами и многими медалями, среди которых Красной Звезды (трижды). «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.», «За Победу над Японией».

Савич Алексей Владимирович — доктор биологических наук. Всю Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 служил переводчиком при Штабе армии. В 1950 году поступил инженером на работу в ИБФ, где проработал до ухода на пенсию в 1992. С 1952 — младший, а с 1963 — старший научный сотрудник. В 1966-1988 — заведующий кабинетом молекулярной радиобиологии, затем до 1992 — консультант. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Саксонов Павел Петрович — доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, полковник медицинской службы, участник Великой Отечественной войны. Проходил службу на должностях: начальника госпиталя (1941), начальника отдела кадров санитарного управления Ленинградского фронта. После демобилизации из рядов Вооружённых Сил с 1971 по 1988 работал в Институте биофизики МЗ СССР на должностях: заведующего лаборатории клинического изучения средств профилактики и лечения лучевой болезни, заместителя заведующего отделом (с 1979). Один из основоположников отечественной радиационной фармакологии. Оценивал эффективность различных фармакологических препаратов при радиационных поражениях. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды).

Северин Сергей Филиппович — врач-терапевт, пульмонолог, кандидат медицинских наук, участник ВОВ, был ранен и награждён орденами «Отечественной войны I степени» и «Знак почёта», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». С 1954 по 1956 гг. обучался в очной аспирантуре ИБФ МЗ СССР. В 1959 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. С 1973 г. заведовал пульмонологическим отделением клинического отдела ИБФ МЗ СССР. В течение многих лет выполнял функции Главного пульмонолога З ГУ.

Сидоров Георгий Иванович — заслуженный врач РСФСР, Отличник здравоохранения. С 1941 по 1947 служил в Советской Армии врачом-хирургом, с 1941 по 1942 — врач-боец партизанского отряда «Дедушка» Смоленской области, гвардии майор медицинской службы. С 1960 по 1977 — главный врач клинической больницы № 6. С 1977 по 1991 работал врачом-методистом в Центральном организационно-методическом отделе Клинической больницы № 6. Опытный врач-организатор здравоохранения. Проводил большую работу по строительству больницы № 6, по оснащению её современным оборудованием и медицинской аппаратурой, подбору квалифицированных медицинских кадров, организации лечебного процесса в отделениях поликлиники и здравпунктах. Награждён орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, орденами Ленина, Трудового Красного знамени, медалью «За победу над Германией», значком «Отличник здравоохранения» и многими другими наградами.

Стрельцова Вера Николаевна — доктор медицинских наук. Участник Великой Отечественной войны. С 1955 по 1992 — сотрудник Института биофизики МЗ СССР: старший научный сотрудник (1958), заведующая лабораторией (1969), старший научный сотрудник-консультант (1982). Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Тарасенко Наталья Ювенальевна — член-корреспондент АМН СССР, с 1955 по 1965 годы возглавляла лабораторию радиационной гигиены труда Института биофизики. Военврач III ранга, командир 160 отдельного медико-санитарного батальона 311 стрелковой дивизии 54 армии. Во время войны занималась противоэпидемиологическим обеспечением войск в качестве командира санитарного взвода дивизии, затем, как начальник санитарно-гигиенической лаборатории фронта.

Тарусов Борис Николаевич — доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии (посмертно). В годы ВОВ, участвуя в противовоздушной обороне Москвы, продолжал изучать взаимодействие токсинов с протоплазмой клеток. С 1952 по 1954 заведующий лабораторией биофизики ИБФ. В 1953 организовал на биологическом факультете МГУ первую в СССР кафедру биофизики, которую возглавлял до конца жизни. Награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Фёдорова Тамара Александровна — доктор биологических наук, профессор. С 1947 — младший научный сотрудник Института биофизики АМН СССР, с 1953 — старший научный сотрудник, с 1962 — заведовала лабораторией радиационной биохимии ИБФ. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», значком «Отличнику здравоохранения».

Фрадкин Герц Ефимович — доктор медицинских наук, учёное звание «старший научный сотрудник» по специальности «Токсикология». Участник Великой Отечественной войны. В 1941-1945 в действующей армии: Калининский, Западный, 2-й Прибалтийский фронты, майор медицинской службы (1945). В 1951 по приказу МЗ СССР, переведён на должность младшего научного сотрудника Института биофизики АМН СССР. С 1954 на должности старшего научного сотрудника Института биофизики МЗ СССР. В 1966 возглавил кабинет радиационной генетики. В 1988 — старший научный сотрудник, консультант кабинета радиационной генетики. В 1992 уволен в связи с сокращением штата. Награды: восемь медалей, в том числе «За боевые заслуги».

Ходанова Раиса Никитична — доктор медицинских наук, Заслуженный врач РСФСР. С 1949 — врач-отоларинголог хирургического отделения Клинической больницы № 6 МЗ СССР, с 1950 заведовала отоларингологическим отделением больницы. Много лет возглавляла лор службу III Главного Управления МЗ СССР. Награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией», «За трудовое отличие», значком «Отличник здравоохранения», орденом «Знак Почёта».

Хрущёв Владимир Георгиевич — один из старейших сотрудников ИБФ (с 1946 года), участник ВОВ. Награждён орденом Отечественной войны 1-ой степени и 12-ю медалями. С 1951 по 1953 — заместитель начальника Препарационной лаборатории, с 1966 по 1978 годы — заведовал лабораторией источников излучения. Внёс большой вклад в разработку проблематики Института биофизики в области дозиметрии, создания защитного оснащения и облучательской базы, разработки метода радиационной стерилизации.

Шальнов Михаил Иванович — кандидат технических наук, доктор биологических наук. В 1943, получил специальность военного метеоролога и направлен на Дальний Восток во 2-ю Дальневосточную Армию в качестве военного метеоролога с воинским званием «техник-лейтенант». Демобилизован в 1946. С 1947 до последнего дня жизни — сотрудник ИБФ сначала в должности младшего, а с 1962 — старшего научного сотрудника. Награждён двумя орденами «Знак Почёта».

Шамордина Александра Фёдоровна — кандидат медицинских наук, врач-терапевт. Одной из первых пришла работать в клинический отдел Института биофизики. Участница Великой Отечественной войны. В 1941 — зенитчица, защищала Москву в районе Парка Горького. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени и 9-ю медалями. В 1951 окончила 1-й Московский мединститут, по распределению направлена в ИБФ МЗ СССР, где проработала более 45 лет. Многократно участвовала в длительных командировках, в период которых проводилось амбулаторное наблюдение за работниками атомной промышленности. Вместе с Людмилой Григорьевной Волковой вела первых лучевых больных, моряков-подводников. Неоднократно исполняла обязанности заведующего 1-м терапевтическим отделением отдела №4 ИБФ, участвовала в лечении больных с ОЛБ, поступивших с аварии на ЧАЭС.

Шатский Сергей Николаевич — кандидат медицинских наук, лауреат Ленинской премии. Участвовал в боях, был дважды ранен. С 1951 по 1986 работал в Институте биофизики МЗ СССР, пройдя путь от клинического ординатора до старшего научного сотрудника. Им выполнен ряд актуальных научных исследований в области индивидуальной защиты органов дыхания. Он принимал непосредственное участие в создании лёгкого и недорогого одноразового респиратора, в конструкции которого впервые, был использован высокоэффективный электростатически заряженный ультратонковолокнистый материал ФП. За плодотворную научную и производ-

ственную работу награждён медалью «За трудовое отличие» и 4 медалями ВДНХ. За военные подвиги был награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Шлягин Константин Николаевич — Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник по специальности «экспериментальная физика», лауреат Государственной премии СССР. Ветеран ВОВ и ветеран труда. В период с 1940-1946 проходил службу в рядах Красной Армии, в том числе на ряде фронтов военных действий, имеет ранение. Находился в частях особого назначения в званиях от лейтенанта до инженер-капитана, от командира взвода до старшего инженера по электротехническим средствам и спец. технике. В 1957 пришёл на работу в ИБФ на должность старшего научного сотрудника, на которой и проработал до выхода на пенсию в 1980. Награждён орденами Отечественной войны II степени (1945), Красной Звезды и «Знак Почёта» (1954), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», юбилейными медалями участника Великой Отечественной войны, «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие». Получил «Диплом участника создания первого в Евразии ядерного реактора Ф-1».

Штуккенберг Юрий Михайлович — кандидат технических наук, лауреат премии Совета Министров СССР и Государственной премии СССР. Участник Великой Отечественной войны. С 1942 по 1946 проходил службу в Советской Армии, в 1944 окончил Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского. После демобилизации в 1946 поступил на работу в Институт биофизики АМН СССР на должность младшего научного сотрудника, затем длительное время (с 1959) занимал должность заведующего одной из ведущих в Институте лабораторий, после достижения пенсионного возраста с 1980 продолжал работать в должности младшего научного сотрудника, закончил свою трудовую деятельность в 2001 — ушёл на отдых по инвалидности. Одно из важных направлений активной творческой работы Ю.М. Штуккенберга состояло в разработке и создании первых в нашей стране счётчиков излучения человека для определения радиоактивных веществ, попавших внутрь организма человека. Под его руководством была создана первая в нашей стране установка по прижизненному измерению радиоактивности человека. Особенно известны его работы в области методов измерения трития и кинетики его метаболизма как в организме человека, так и в объектах природной среды. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, другими орденами и медалями.

Яшунский Владимир Генрихович — доктор химических наук, профессор. В 1942 после окончания средней школы добровольно вступил в ряды Красной Армии. Участник Сталинградской битвы, войны с Японией. Дважды ранен. С 1968 по 1992 — заведующий синтетической лабораторией отдела № 15 Института биофизики МЗ СССР, созданной для экспериментально-теоретического поиска и разработки технологии получения медикаментозных средств противолучевой защиты. В 1992-1997 — заместитель директора по научной работе ФГУП Научно-производственный центр «Фармзащита». В.Г. Яшунский — ведущий учёный страны в области химии биологически активных и лекарственных веществ. Награждён орденами Отечественной войны II и I степени, Трудового Красного Знамени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», «За трудовую доблесть».

**ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ
В ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. БУРНАЗЯНА**

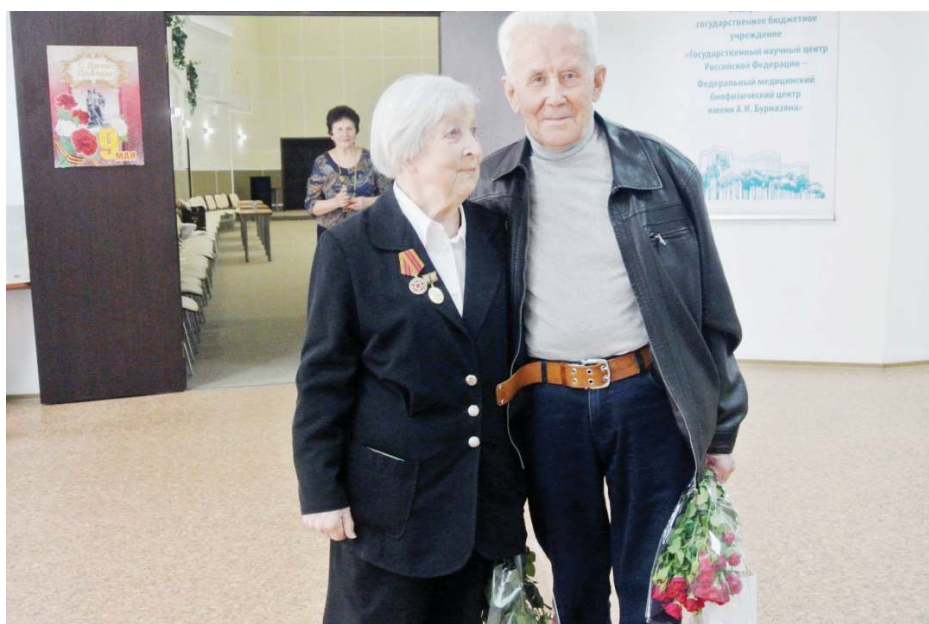

ВСПОМИНАЕМ О ВОЙНЕ...
Под ред. А.С. Самойлова

Подписано в печать 04.04.2020.
Формат 70х100/₁₆. Печ. л. 9,5.
Тираж 1000 экз. Заказ Н252.

Отпечатано
в ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России.
123098, г. Москва, ул. Живописная, д. 46
+7 (499) 190-93-90
lochin59@mail.ru, rcdm@mail.ru